Герритсен Тесс
Телохранитель для невесты

Глава 1

Свадьба не состоялась. Сорвалась. Полетела ко всем чертям.

Нина Кормье сидела, глядя на свое отражение в зеркале церковной комнаты для переодевания, и думала о том, почему ей не удается выжать из себя ни слезинки. Она знала: боль засела где-то глубоко внутри, ужасная боль, которую она, отупев от случившегося, совершенно не чувствовала. Пока не чувствовала. Сейчас Нина была способна лишь на то, чтобы сидеть с сухими глазами, незряче уставившись на свое отражение в зеркале — идеально четкое, как на фотографии. Из зазеркалья на нее смотрела типичная невеста. Фата невесомой паутинкой взлетает над лицом от дыхания. Расшитый жемчугом корсаж оттенка слоновой кости соблазнительно приподнимает полуобнаженную грудь. Длинные черные волосы собраны в мягкий шиньон.

Все, кто видел ее этим утром, — мать, сестра Венди, новая жена отца Даниэла, — в один голос утверждали: она самая красивая невеста.

Так оно и было бы. Если бы жених соизволил явиться на свадебную церемонию.

Ему же не хватило мужества лично сообщить о своем позорном уходе. После шести месяцев совместных планов и мечтательных разговоров Нина получила его записку всего за двадцать минут до того, как должна была прошествовать к алтарю. Записку, переданную через шафера.

«Нина!

Мне нужно время, чтобы все обдумать. Прости, я виноват перед тобой. Уезжаю на несколько дней из города. Я тебе позвоню.

Роберт».

Она заставила себя еще раз перечитать записку.

«Мне нужно время… Мне нужно время…»

Интересно, сколько же времени может потребоваться мужчине? — задалась вопросом Нина.

Год назад она переехала в дом доктора Роберта Бледсоу. Это единственный верный способ проверить совместимость мужчины и женщины, объяснил он ей. Брак — серьезнейший шаг в жизни любого человека, обязательство на долгие годы, и ему хотелось бы избежать ошибок. За сорок один год Роберт успел «хлебнуть прелестей семейной жизни» и поэтому был настроен решительно: ошибок молодости не повторять. По его словам, он хотел убедиться в том, что Нина — та единственная, кого он ждал всю жизнь.

Нина же была уверена: Роберт — тот самый мужчина, кого всю жизнь ждала она. Уверена настолько, что в тот самый день, когда он предложил жить вместе, она, не раздумывая, принялась собирать вещи.

— Нина! Нина, открой! — Это была сестра Венди. — Пусти меня!

Нина уткнулась лицом в ладони:

— Я никого не хочу видеть!

— Тебе нужно побыть вместе с кем-нибудь.

— Я хочу побыть одна.

— Послушай, гости уже разошлись. Церковь пуста. Кроме меня, здесь больше никого нет.

— Я не хочу ни с кем разговаривать. Поезжай домой, хорошо? Прошу тебя, уезжай!

По ту сторону двери возникла долгая пауза. Затем голос Венди раздался снова:

— Если я оставлю тебя, то как ты доберешься до дому? Кто тебя довезет?

— Я вызову такси. Или поеду с преподобным отцом Салливаном. Мне нужно подумать.

— Ты уверена, что не хочешь поговорить со мной?

— Уверена. Я тебе позже позвоню, договорились?

— Если это тебе действительно нужно, — произнесла Венди и, немного помолчав, добавила с ноткой желчи, скрыть которую была бессильна даже массивная дубовая дверь: — Знаешь, Роберт еще тот хорек. Скажу честно, я всегда так думала.

Нина ничего не ответила. Она продолжала сидеть за туалетным столиком, спрятав лицо в ладони. Хотелось расплакаться, но, увы, она так и не смогла выжать из себя ни слезинки. Наконец шаги Венди стихли, и теперь ее окружала лишь тишина пустой церкви. Слез по-прежнему не было. В данную минуту она была не способна думать о Роберте. Вместо этого ее сознание упрямо возвращалось к практическим последствиям несостоявшейся свадьбы. Свадебный зал и заказанное, но нетронутое угощение. Подарки, которые придется возвращать. Авиабилеты до острова Сент-Джон, деньги за которые не удастся вернуть. Или, может, ей все-таки отправиться в свадебное путешествие, и бог с ним, с доктором Робертом Бледсоу? Она полетит одна, только она сама и ее купальник. Пусть единственной наградой за эту душераздирающую историю станет хотя бы загар. Нина медленно подняла голову и снова посмотрела на свое отражение в зеркале. Не такая уж, в конце концов, красивая невеста, подумала она. Губная помада смазалась, шиньон распустился. Из красавицы она превратилась в сущую уродину.

Охваченная неожиданной яростью, Нина сорвала с себя фату. Шпильки разлетелись в разные стороны, выпустив на свободу непокорную гриву черных волос. К черту фату! Скомкав ее, Нина бросила невесомую ткань в мусорную корзину. За фатой последовал букет белых лилий и розовых роз. От этого ей стало чуть легче. Приступ гнева стал для нее чем-то вроде мощного горючего, хлынувшего ей в вены. Гнев вынудил ее

вскочить на ноги. Волоча за собой шлейф свадебного платья, Нина вышла из комнаты и оказалась в нефе храма.

Скамьи были пусты. Проходы украшены гирляндами белых гвоздик, алтарь — весь в воздушных веточках кремовых роз и невесомых клубочков перекати-поля. Праздничное убранство храма для свадебной церемонии, которая никогда не состоится. Увы, плоды фантазии и упорных стараний флориста остались незамеченными. Не глядя по сторонам, Нина прошла мимо алтаря. Взгляд ее был прикован к входной двери. Все мысли сосредоточены на одном: бежать! Поскорее бежать отсюда. Ее не остановил даже участливый голос преподобного отца Салливана. Нина безразлично прошла мимо цветочных композиций, мгновенно ставших символом ее величайшего фиаско, и, толкнув створки двери, вышла наружу.

Здесь, на ступеньках, ведущих в церковь, она остановилась. Июльское солнце ударило ей в глаза, и она неожиданно поняла, насколько это глупо и странно смотрится со стороны — одинокая женщина в свадебном платье, пытается поймать такси. Лишь очутившись в ловушке ясного, солнечного дня, она наконец ощутила, как на глаза наворачиваются первые жгучие слезы.

О господи, нет! Ей только не хватает разрыдаться прямо у входа в церковь на виду у всей Форест-авеню и проезжающих мимо машин.

— Нина! Нина, дорогая!

Она обернулась. Преподобный Салливан стоял на верхней ступеньке. На его добром лице застыло выражение искренней озабоченности и сочувствия.

— Я чем-нибудь могу помочь вам? Хоть чем-то? — спросил он. — Если хотите, можете войти внутрь, и мы поговорим.

Чувствуя, как жалко она выглядит в эти мгновения, Нина отрицательно покачала головой:

— Я хочу уйти отсюда. И чем быстрее, тем лучше.

— Конечно, конечно. — Священник бережно и нежно взял ее за руку. — Я отвезу вас домой.

Преподобный Салливан помог ей спуститься с крыльца, обойти храм и дойти до автостоянки. Нина подобрала шлейф — тот успел к этому времени порядком испачкаться — и забралась в машину священника. После чего комом положила на колени атласный шлейф.

Отец Салливан сел за руль. В салоне машины было жарко. Священник не стал сразу заводить двигатель, а посидел некоторое время в неловком молчании.

— Я знаю, нам грешным нелегко понять, почему Всевышний допустил такое, — тихо произнес он. — Но причина наверняка есть, Нина. Возможно, вам она пока неясна, и кажется, будто Господь почему-то повернулся к вам спиной.

— Это Роберт повернулся ко мне спиной, — возразила Нина и, выбрав чистый край платья, вытерла им лицо. — Повернулся спиной и сбежал. Только пятки сверкали.

— Браку свойственна неопределенность, Нина. Я уверен, что доктор Бледсоу почувствовал, что для него это слишком серьезный шаг...

— Слишком серьезный шаг для него? А разве для меня замужество — приятная прогулка в парке?

— Нет, нет, вы меня неправильно поняли!

— Прошу вас! — Нина едва сдержалась, чтобы не разрыдаться. — Отвезите меня домой.

Покачивая головой, преподобный Салливан вставил в гнездо ключ зажигания.

— Я только хотел объяснить вам, дорогая, в неуклюжей, как оказалось, манере, что это еще не конец света. Такова жизнь. Поймите, Нина,

судьба всегда подбрасывает нам всевозможные сюрпризы. Создает кризисы, которых мы не ожидаем. Бывает так, что некоторые вещи в нашей жизни случаются внезапно, как гром среди ясного неба…

Отец Салливан не договорил. Потому что в следующий миг здание церкви содрогнулось от оглушительного взрыва, и на стоянку обрушился град осколков разноцветного стекла из витражных окон, клочки молитвенников и обломки скамеек.

Как только клубы белого дыма слегка рассеялись, Нина увидела, как с неба летят и плавно опускаются на ветровое стекло автомобиля цветочные лепестки.

— «Как гром среди ясного неба», — пробормотала она. — Вы удивительно точно выразились.

* * *

— Вы двое, вне всякого сомнения, величайшие недотепы этого года.

Детектив портлендской полиции Сэм Наварро, сидевший за столом прямо напротив Норма Лиддела, не повел и бровью. В конференц-зале полицейского участка их было пятеро, и Сэм не хотел дарить удовольствие этой примадонне — окружному прокурору — лицезреть эффект этих слов, потому что для него они были сродни пощечине. Не собирался Сэм и опровергать обвинений, потому что они с Джиллисом действительно облажались. Причем облажались по-крупному. Полицейский мертв. Идиот полицейский, конечно, но все-таки полицейский. Один из них.

— В наше оправдание скажу, — вступил в разговор напарник Сэма Гордон Джиллис, — мы не давали Марти Пикетту разрешения приближаться к месту преступления. Мы не подозревали, что он зайдет за ограждение…

— Вы отвечаете за место взрыва, — сухо возразил Лиддел. — Значит, вся ответственность ложится на вас.

— Подождите минутку, — продолжил Джиллис, — с офицера Пикетта тоже никто не снимает ответственности.

— Офицер Пикетт просто оказался новичком.

— Ему нужно было следовать процедуре. Если бы он…

— Замолчи, Джиллис! — оборвал напарника Сэм.

Джиллис бросил на него недовольный взгляд:

— Сэм, я всего лишь пытаюсь защитить нашу позицию.

— Это ни черта нам не поможет. Поскольку, очевидно, нас теперь держат за провинившихся мальчишек. — Сэм откинулся на спинку стула и посмотрел на Лиддела. — Чего вы хотите, мистер окружной прокурор? Публичной порки? Нашей отставки?

— Никто не требует вашей отставки, — оборвал его начальник управления полиции Эйб Куперсмит. — Этот разговор нас так никуда не заведет.

— Дисциплинарного наказания не избежать, — настаивал Лиддел. — Погиб офицер полиции…

— А вам не кажется, что мне это уже известно? — перебил его Куперсмит. — Это мне придется разговаривать с вдовой. Не говоря уже о выступлениях перед этими кровососами репортерами. Так что не нужно кормить меня этим дерьмом — мы и наш, мистер окружной прокурор. Погиб один из наших. Полицейский. Не адвокат.

Сэм удивленно посмотрел на шефа. Это что-то новенькое — Куперсмит на твоей стороне. Тот Эйб Куперсмит, которого он знал, был немногословен и в еще меньшей степени склонен к комплиментам. Просто причина в том, что Лиддел наехал на всю полицию. А, как известно, оказавшись под огнем, копы держатся вместе.

— Давайте лучше вернемся к нашему делу, как вы на это смотрите? — предложил Куперсмит. — В нашем городе появился маньяк,

взрывающий бомбы. Мы имеем дело с первым несчастным случаем, повлекшим человеческие жертвы. Что же нам сейчас известно? — Он посмотрел на Сэма, который возглавлял недавно созданный антитеррористический отдел. — Что скажете, Наварро?

— Да ни черта особенно мы пока не знаем! — признался Сэм. Открыв папку, он достал из нее стопку бумаг и передал копии документа каждому из четверых, сидевших за столом, — Лидделу, Куперсмиту, Джиллису и Эрни Такеде, специалисту по взрывам из криминалистической лаборатории штата Мэн. — Первый взрыв произошел в два пятнадцать ночи. Второй — в два тридцать. Именно этот второй полностью разрушил склад Р.С. Хэнкока, а также вызвал незначительные повреждения двух соседних зданий. Первое взрывное устройство обнаружил ночной сторож. Он заметил следы взлома и поэтому обыскал помещение. Бомба была оставлена на столе в одном из офисов. Сторож позвонил нам в полвторого ночи. Джиллис прибыл на место в час пятьдесят, я — через десять минут после него. Мы огородили место взрыва. После первого взрыва прибыла наша спецмашина. Затем, через пятнадцать минут — до того, как мы успели обыскать здание, — грохнул второй взрыв. Погиб офицер Пикетт. — Сэм посмотрел на Лиддела, но на этот раз окружной прокурор предпочел промолчать. — Это был динамит производства фирмы «Дюпон».

В помещении возникла короткая пауза. Первым молчание нарушил Куперсмит:

— Не та ли взрывчатка, что была в тех двух бомбах в прошлом году? Не из той самой партии?

— Очень похожая, — ответил Сэм. — Нам известна лишь единственная большая партия динамита, о краже которой у нас есть сведения за последние годы.

— Но взрывы Спектера были расследованы год назад, — возразил Лиддел. — И нам известно, что Винсент Спектер мертв. Так кто же, черт возьми, взорвал эти бомбы?

— Мы можем иметь дело с учеником Спектера. С кем-то, кто не только овладел его методикой, но и имеет доступ к его запасам динамита, местонахождение которого, замечу я, мы так и не обнаружили.

— Вы не подтвердили совпадение номеров партии динамита, — заметил Лиддел. — Может быть, он не имеет отношения к взрывам Спектера.

— Боюсь, у нас имеется другое свидетельство, — сказал Сэм. — И вам оно вряд ли понравится. — Он посмотрел на Эрни Такеду: — Ну, давай, Эрни!

Такеда, всегда стеснявшийся выступать перед любой аудиторией, устремил взгляд на лежащий перед ним лабораторный отчет.

— На основании материалов, собранных нами на месте взрыва, — начал он, — мы можем высказать предварительное предположение о составе взрывчатки. Представляется вероятным, что это был электрический запал, приводимый в действие электронной схемой задержки, который, в свою очередь, воспламеняет динамит через детонационный шнур «Прима». Пластины динамита были обтянуты двухдюймовой зеленой изоляционной лентой. — Такеда прочистил горло и наконец оторвал взгляд от документа. — Идентичное устройство в прошлом году использовал при взрывах покойный Винсент Спектер.

Лиддел удивленно посмотрел на Сэма:

— То же самое устройство, та же партия динамита? Что, черт побери, происходит?

— По всей видимости, — ответил за Сэма Джиллис, — Винсент Спектер до своей гибели передал кому-то кое-какие из своих умений. Теперь мы имеем дело со вторым поколением террористов.

— Что нам предстоит свести воедино, — произнес Сэм, — так это психологический портрет этого новичка. За взрывами Спектера скрывался хладнокровный финансовый расчет. Его нанимали для выполнения конкретной работы, и он ее добросовестно делал — бум,

бум, бум! Эффектно. Эффективно. Почерка нового взрывника мы пока не знаем.

— Из ваших слов следует, — заметил Лиддел, — что вы ожидаете новых взрывов. Я правильно вас понял?

Сэм устало кивнул:

— К сожалению, именно это я имею в виду.

Неожиданно раздался стук в дверь, и в конференц-зал просунула голову женщина-полицейский из числа патрульных.

— Извините, но к телефону зовут Наварро и Джиллиса.

— Я поговорю, — сказал Джиллис и, тяжело встав из-за стола, направился к телефону.

Лиддел по-прежнему не сводил взгляда с Сэма Наварро.

— Так, значит, это все, что лучшая ищейка Портленда способна предложить? Выходит, нам нужно ждать нового взрыва, чтобы установить почерк террориста? А затем, может быть, только может быть, мы получим, черт побери, представление о том, что происходит, я правильно вас понял?

— Взрыв, мистер Лиддел, — это акт трусости. Это насилие при отсутствии преступника. Я специально повторю это слово — отсутствие. У нас нет ни имени, ни отпечатков пальцев, ни свидетелей, видевших, как он устанавливал взрывное устройство, ни…

— Шеф, — перебил его Джиллис, закончив разговор по телефону. — Только что поступило сообщение об еще одном…

— Что?! — воскликнул Куперсмит.

Сэм уже вскочил на ноги и быстро зашагал к выходу.

— Что там на этот раз? — бросил ему вдогонку Лиддел. — Еще один склад?

— Нет, — ответил ему Джиллис. — Церковь.

* * *

К тому времени, когда Наварро и Джиллис прибыли к церкви Доброго Пастыря, полицейские успели огородить место взрыва. На улице уже собралась толпа. Три патрульных автомобиля, две пожарные машины и одна «скорая помощь» были беспорядочно припаркованы на Форест-авеню. Спецмашина для вывоза бомбы стояла перед входом в церковь, точнее, перед тем, что осталось от входа. Дверь была сорвана с петель и валялась на земле. Всюду осколки стекла. Ветер трепал и разносил по улице вырванные страницы молитвенников, словно опавшие с деревьев листья.

— Грохнуло как следует! — проворчал Джиллис.

Они приблизились к заграждению, и дежурный полицейский повернулся в их сторону. Было видно, что он обрадовался их появлению.

— Наварро! Рад, что ты вовремя прибыл на эту вечеринку.

— Жертвы есть? — осведомился он.

— Насколько нам известно, жертв нет. В церкви в момент взрыва было пусто. Была назначена свадебная церемония, но ее в последнюю минуту отменили.

— Чья свадьба?

— Какого-то врача. Невеста сидит в патрульной машине. Она вместе со священником стала свидетелем взрыва, оба находились на стоянке.

— С ней я поговорю позже, — произнес Сэм. — Не отпускайте ее. И священника тоже.

Я проверю здание. Там может быть второе взрывное устройство.

— Разумеется, будет лучше, если это сделаешь ты, а не я.

Сэм надел специальный защитный костюм из обтянутых нейлоном металлических пластин и закрыл лицо защитной маской. Еще один

человек, взрывотехник, одетый точно в такой же костюм, стоял перед входом, ожидая разрешения войти в пострадавшее здание. Джиллис будет ждать снаружи, возле спецмашины. Ему предстояло по сигналу взять необходимое оборудование и вывезти найденное взрывное устройство.

— Все в порядке, — сказал Сэм взрывотехнику. — Пошли!

И они шагнули в зияющий дверной проем.

Первое, на что Наварро обратил внимание, был запах, сильный и чуть сладковатый. Динамит, подумал он. Этот запах был ему хорошо знаком — так всегда пахнет после взрыва. Ударной волной скамьи разбросало в разные стороны и перевернуло. Впереди, возле алтаря, их разнесло в щепки. Витражные стекла разбиты, и через голые проемы окон, обращенные на юг, в разгромленный храм лился солнечный свет.

Сэм и взрывотехник молча разделились и пошли по противоположным сторонам нефа. Место теракта будет со всей тщательностью осмотрено позже, а пока необходимо отыскать второе взрывное устройство. Смерть Марти Пикетта тяжким бременем лежала на совести Сэма.

Он не допустит, чтобы кто-то из полицейских вошел в здание, пока оно не будет полностью осмотрено на предмет новых бомб.

Двигаясь параллельно, Сэм и его коллега прошли вдоль всего нефа, стараясь отыскать то, что могло бы походить на взрывное устройство. Обломки серьезно замедляли поиск. Чем дальше они продвигались в глубь церкви, тем сильнее были видны разрушения и отчетливее запах взорванного динамита. «Приближаемся», — подумал он. Бомба была установлена где-то здесь, рядом…

Перед алтарем, там, где стоял когда-то передний ряд скамей, виднелась воронка — неглубокая, фута три в диаметре. Взрывом разорвало ковровую дорожку и раздробило на осколки бетонную плиту под ней. Небольшая глубина воронки свидетельствовала о малой силе взрыва.

«Изучим ее позднее, неторопливо и внимательно», — подумал Сэм. Их поиск продолжился. Осмотрев неф, они с взрывотехником осмотрели коридоры, комнаты для переодевания и комнаты отдыха. Никаких бомб. Затем настала очередь пристройки. Они осмотрели офисы, классы церковной школы и прочие помещения. Никаких бомб. Выйдя через заднюю дверь, они обыскали всю внешнюю стену. Здесь тоже никаких бомб.

Наконец, удовлетворившись осмотром, Сэм вернулся к ограждению. Там его ожидал Джиллис. Наварро снял с себя спецкостюм.

— Здание чисто, — сообщил он. — Вы собрали криминалистов?

Джиллис указал на группу из шести человек, ожидавших возле спецмашины. Здесь были двое патрульных полицейских и четыре техника из криминалистической лаборатории. Каждый из них сжимал в руках пакетики для сбора улик.

— Они ждут твоего слова.

— Пусть сначала сделает свою работу фотограф, а потом посылай туда остальных. Воронка от взрыва находится впереди, возле первого ряда скамей справа.

— Динамит?

Сэм кивнул:

— Если мне не изменяет обоняние. — С этими словами он обернулся и посмотрел на собравшуюся за заграждением толпу зевак. — Хочу поговорить со свидетелями. Где священник?

— Его отвезли в отделение экстренной медицинской помощи. Боли в груди. Стресс.

Сэм недовольно вздохнул.

— С ним кто-нибудь успел переговорить?

— Патрульный. У нас есть его показания.

— Отлично, — отозвался Сэм. — Значит, мне остается невеста.

— Она все еще ждет в патрульной машине. Ее зовут Нина Кормье.

— Кормье. Понял. — Наварро нырнул под желтую ленту ограждения и зашагал через толпу. Посмотрев на полицейские автомобили, он заметил в одном из них на переднем сиденье силуэт. Женщина даже не пошевелилась, когда он подошел к машине. Она смотрела прямо перед собой, как манекен из свадебного салона.

Сэм нагнулся и постучал по стеклу костяшками пальцев.

Женщина обернулась. Через стекло на него посмотрели огромные карие глаза. Несмотря на размазанную тушь, нежное округлое лицо было очень хорошеньким. Сэм жестом попросил ее опустить стекло. Женщина выполнила его просьбу.

— Мисс Кормье? Я детектив Сэм Наварро, полиция Портленда.

— Я хочу домой, — произнесла женщина. — Со мной уже поговорило так много полицейских. Прошу вас, отпустите меня домой.

— Конечно, но сначала я задам вам несколько вопросов.

— Несколько?

— Хорошо, — согласился Сэм. — Это будет не несколько, а чуть больше вопросов.

Женщина горестно вздохнула. Лишь после этого вздоха он заметил на ее лице печать усталости.

— Если я отвечу на ваши вопросы, детектив, вы отпустите меня домой?

— Обещаю вам.

— Вы всегда держите ваши обещания?

— Всегда, — кивнул Наварро.

Нина посмотрела на свои сжатые руки, лежавшие на коленях.

— Все правильно, — пробормотала она. — Мужчины и их обещания.

— Простите, о чем вы?

— Ничего, это я так.

Сэм Наварро обошел автомобиль, открыл дверцу и сел на водительское сиденье. Застывшая на пассажирском сиденье женщина ничего не сказала. Просто сидела как статуя и молчала, утопая в волнах складок невесомого белого атласа. Прическа растрепалась, и непослушные черные локоны шелковистых волос ниспадали ей на плечи. Не слишком счастливый образчик невесты — подавленная и удивительно одинокая.

Где же, черт его побери, жених этой несчастной красавицы?

Подавив в себе инстинктивный прилив сочувствия, Сэм потянулся за блокнотом и открыл его на чистой странице.

— Вы не назовете мне ваше полное имя и адрес?

Ответ был произнесен едва ли не безжизненным шепотом:

— Нина Маргарет Кормье, Оушен-Вью-Драйв, триста восемнадцать.

Сэм записал данные в блокнот и посмотрел на женщину в подвенечном платье. Она по-прежнему сидела, устремив взгляд на собственные руки. Но не на него.

— Отлично, мисс Кормье, — произнес Сэм. — Почему бы вам не рассказать, что случилось?

Боже, как ей хотелось поскорее вернуться домой! Она сидела в патрульной машине вот уже полтора часа. С ней успели поговорить трое разных полицейских, и она ответила на все их вопросы. Ее свадьба сорвалась, она чудом избежала смерти, а эти люди все равно продолжают смотреть на нее так, как будто она забавный уродец из кунсткамеры.

И этот тип рядом с ней, полицейский, холодный, как мороженая треска, надеется, что она захочет отвечать на те же самые дурацкие вопросы?

— Мисс Кормье, — со вздохом произнес он, — чем быстрее мы с вами закончим разговор, тем скорее вы сможете уехать домой. Что именно произошло?

— Произошел взрыв, — торопливо ответила она. — Я могу ехать?

— Что вы имеете в виду, употребив слово «взрыв»?

— Прогремел оглушительный взрыв. Много дыма и битого стекла. Я бы сказала, что это был типичный взрыв, от которого пострадало здание.

— Вы сказали о дыме. Какого цвета он был?

— Что?

— Черный дым? Белый?

— Разве это так важно?

— Я прошу вас ответить на мой вопрос.

Нина тяжело вздохнула:

— Мне кажется, дым был белый.

— Вам так кажется?

— Я в этом уверена. — Нина повернулась, чтобы получше разглядеть сидящего рядом с ней копа. Она впервые обратила внимание на лицо своего собеседника. Если бы он улыбался, если бы в его глазах промелькнула хотя бы тень человеческой теплоты, на него было бы даже приятно посмотреть. На вид ему ближе к сорока. Темно-каштановые волосы, которые следовало подстричь еще пару недель назад. Правильные черты лица, идеальные зубы, глубоко посаженные зеленые глаза. Пронзительный взгляд, в котором любая женщина узнала бы романтичного киногероя, типичного полицейского. Это был честный, суровый коп со значком на груди, вот только обаяния в нем ни на грош.

Он бросил на нее абсолютно равнодушный взгляд, как будто ему было все равно, что она скажет.

Нина посмотрела ему в глаза, а про себя подумала: «Вот она я, отвергнутая невеста. Он, наверно, сейчас раздумывает о том, что во мне не так, почему меня бросил жених. Какие ужасные недостатки скрыты во мне, коль жених так и не отвел меня к алтарю».

Она спрятала сжавшиеся в кулаки руки в ворохе атласа.

— Я уверена, что дым был белым, — упрямо повторила она. — Хотя какое это имеет значение?

— Имеет. Это указывает на относительное отсутствие углерода.

— Понятно, — сказала она таким тоном, будто это о чем-то ей говорило.

— А пламя было?

— Нет, никакого пламени.

— Вы почувствовали какой-нибудь запах?

— Вы имеете в виду запах газа?

— Любой, газа или чего-то еще?

Нина нахмурилась:

— Я не запомнила. Ведь я была на улице.

— Где именно?

— Мы с преподобным Салливаном сидели в машине. Так что я не почувствовала запаха газа. В любом случае природный газ ведь не имеет запаха, разве не так?

— И потому его трудно распознать.

— В таком случае что это меняет? Лично я ничего не почувствовала.

— Вы не заметили никого подозрительного? Может, кто-то ходил или стоял возле здания церкви до взрыва?

— Там был преподобный Салливан. Несколько моих родственников. Но они уехали значительно раньше.

— А незнакомцы? Люди, которых вы не знаете?

— Когда это произошло, в церкви никого не было.

— Я имею в виду время, предшествовавшее взрыву, мисс Кормье.

— «Предшествовавшее»?

— Вы не видели никого, кому не полагалось быть в церкви? Посторонних людей?

Нина удивленно посмотрела на него. Сэм ответил ей спокойным, сдержанным взглядом.

— Вы хотите сказать... вы полагаете...

Он ничего не ответил.

— Так это была не утечка газа?

— Нет, — ответил Наварро. — Это была бомба.

Нина откинулась на спинку сиденья. От его слов у нее перехватило дыхание. Значит, это вовсе не был несчастный случай, подумала она. Не случайность и не чья-либо оплошность...

— Мисс Кормье?

Лишившись дара речи, она вопросительно посмотрела со своего собеседника. Спокойный, абсолютно бесстрастный взгляд Сэма Наварро не на шутку ее испугал.

— Извините, что мне придется задать вам следующий вопрос, — произнес он. — Но как вы понимаете, есть нечто такое, что мне необходимо выяснить.

Нина сглотнула застрявший в горле комок.

— Вы знаете кого-нибудь, кто мог бы желать вашей смерти?

Глава 2

— Это абсурд! — воскликнула Нина. — Полная чушь!

— Я должен рассмотреть все возможные версии.

— Какие версии? Вы хотите сказать, что бомба предназначалась для меня?

— Ваша свадьба была назначена на два часа дня. Бомба взорвалась в два сорок. Взрыв произошел возле первого ряда скамей. Прямо перед алтарем. Я нисколько не сомневаюсь, — если судить по очевидной силе взрыва, — что будь вы и все ваши гости в тот момент внутри, то наверняка погибли бы. Или, по меньшей мере, получили бы серьезные увечья. Мы с вами говорим о бомбе, мисс Кормье. Это была не утечка газа. Не несчастный случай. Это было взрывное устройство. С его помощью кого-то хотели убить. Мне необходимо выяснить, кто мог быть потенциальной жертвой. Кто, по-вашему?

Нина ничего не ответила. Эти версии были настолько ужасны, что о них не хотелось думать.

— Кто должен был присутствовать на вашей свадьбе?

— Там… там должны были…

— Вы и преподобный Салливан. Кто еще?

— Роберт… мой жених. Моя сестра, Венди. Джереми Уолл, шафер…

— Кто-то еще?

— Мой отец собирался прийти. Затем две девочки: одна с букетом и одна с кольцами…

— Я интересуюсь только взрослыми. Давайте начнем с вас.

Нина упрямо покачала головой:

— Нет, не я… Это не могла быть я.

— Почему же?

— Этого не может быть.

— Почему вы так уверены в этом?

— Потому что я не знаю никого, кто мог бы желать моей смерти!

Ее сдавленный крик, похоже, удивил Сэма, и какое-то мгновение он молчал. Стоявший неподалеку полицейский обернулся и посмотрел на них. Наварро жестом дал понять: мол, все нормально, и тот отвернулся.

Нина нервно теребила подол платья. Этот коп — просто бесчувственное чудовище. Сэм Спейд[1], лишенный даже тени человеческой теплоты. Хотя в машине стало жарко, Нина почувствовала, что дрожит. Отчасти тому виной была абсолютная бесчувственность сидевшего рядом с ней мужчины.

— Можно я задам вам еще несколько вопросов на эту тему? — поинтересовался он.

Она предпочла промолчать.

— У вас есть друг или бывший возлюбленный, мисс Кормье? Кто-то, кто был недоволен вашей свадьбой?

— Нет, — прошептала Нина.

— Никакого бывшего друга?

— Нет, во всяком случае, за последний год у меня никого не было.

— Вы так давно знакомы с вашим женихом? Целый год?

— Да.

— Пожалуйста, назовите его полное имя и адрес.

— Роберт Дэвид Бледсоу. Оушен-Вью-Драйв, триста восемнадцать.

— Тот же самый адрес?

— Мы живем вместе.

— Почему свадьба не состоялась?

— Спросите об этом у Роберта Бледсоу.

— Так это было его решение? Расстроить свадьбу?

— Как говорится, он оставил меня прямо возле алтаря.

— Вам известна причина?

Нина горько рассмеялась:

— Я пришла к потрясающему умозаключению, детектив, что мужской ум для меня — тайна за семью печатями.

— Он вас не предупредил?

— Нет, его поступок стал для меня неожиданностью... — Нина тяжело сглотнула. — Как и эта бомба. Это все, что я могу вам сказать.

— На какое время было назначено бракосочетание?

— На два часа дня. Я уже прибыла в церковь в свадебном платье и все такое. Затем ко мне подходит Джереми, шафер, и протягивает мне записку. Роберту не хватило мужества сказать мне о своем решении лично. — Нина с видимым отвращением покачала головой.

— Что было в записке?

— Что я ему больше не нужна. Что он на какое-то время уезжает из города. Больше ничего.

— Мог Роберт по какой-то причине...

— Нет, это невозможно! — Нина заглянула прямо в глаза Сэму Наварро. — Вы ведь хотите знать, мог ли Роберт иметь к этому отношение, верно?

— Я хочу рассмотреть все возможные версии, мисс Кормье.

— Роберт не способен на насилие. Ради бога, ведь он врач!

— Все правильно. Через минуту я вас отпущу. Давайте рассмотрим все версии. Где вы работаете?

— Я медсестра в медицинском центре штата Мэн.

— В каком отделении?

— В отделении экстренной медицинской помощи.

— У вас есть какие-нибудь проблемы на работе? Конфликты с персоналом, с коллегами?

— Нет. Мы прекрасно ладим.

— Вам кто-нибудь угрожал? Например, ваши родители?

Нина возмущенно фыркнула:

— Детектив, будь у меня враги, уж поверьте, я бы об этом знала!

— Вовсе не обязательно.

— Вы, я смотрю, изо всех сил пытаетесь сделать из меня параноидальную истеричку!

— Неправда. Я лишь прошу вас задуматься о собственной жизни. Постараться вспомнить тех, кому лично вы можете не нравиться.

Нина снова откинулась на спинку сиденья и задумалась. «Люди, которым я могу не нравиться». Первым делом на ум пришла собственная семья. Старшая сестра Венди, с которой она никогда не была особенно близка. Лидия, их мать, вышедшая замуж за бездушного толстосума-сноба. Джордж, ее отец, женатый в четвертый раз, его нынешняя жена Даниэла, самоуверенная молодая блондинка, которая считает ее, Нину, досадным недоразумением. Не слишком правильное по всем канонам семейство, в котором, однако, не могло быть убийцы.

Она покачала головой:

— Нет, детектив, никто. Абсолютно никто.

Никто так никто. Сэм вздохнул и закрыл блокнот.

— Прекрасно, мисс Кормье. Пожалуй, на сегодня хватит.

— На сегодня?

— У меня, возможно, еще возникнут дополнительные вопросы. После того, как я поговорю с другими лицами из тех, кто был приглашен на свадьбу. — С этими словами полицейский вылез из машины и захлопнул дверцу. — Если вы что-нибудь вспомните, пожалуйста, позвоните мне, — произнес он в открытое окно и, написав на листке из блокнота свое имя и телефон, протянул его Нине. — Это мой прямой номер, — пояснил он. — Вы также можете связаться со мной в любое время суток через коммутатор полицейского участка.

— Так я… я могу идти?

— Да, вы свободны, — ответил он и зашагал прочь.

— Детектив Наварро!

Сэм моментально обернулся. Только сейчас ей бросилось в глаза, что он высокого роста.

Интересно, подумала Нина, как это ему удалось поместиться в полицейской машине рядом с ней?

— Что-то еще, мисс Кормье? — спросил Сэм.

— Вы сказали, что я могу ехать домой.

— Верно.

— Мне не на чем туда ехать, — сказала она и кивнула на взорванную церковь. — И позвонить тоже не могу. Вы не могли бы позвонить моей матери, чтобы она приехала за мной?

— Вашей матери? — Наварро огляделся по сторонам, словно искал способ разрешить эту малоприятную проблему, но, судя по всему, так ничего и не придумал. Наконец его взгляд остановился на той стороне салона, где сидела Нина, и он распахнул дверь. — Вы можете поехать со мной. Я довезу вас.

— Послушайте, я попросила лишь о телефонном звонке.

— Мне не составит труда отвезти вас. — Сэм протянул руку, предлагая ей вылезти из машины. — Все равно мне рано или поздно придется встретиться с вашей матерью.

— С моей матерью? Зачем?

— Она собиралась присутствовать на вашей свадьбе. Мне нужно поговорить с ней. Таким образом, я смогу одним ударом убить двух зайцев.

Как это, однако, по-джентльменски звучит, подумала Нина.

Он все еще продолжал протягивать ей руку. Она сделала вид, будто не замечает этого жеста. Выбраться из машины ей удалось не сразу: шлейф обмотался вокруг ног, словно путы. После недолгой битвы с платьем Нина наконец выбралась на свободу. Полицейский смерил ее ироничным взглядом. Она же подхватила шлейф и, прошуршав атласной тканью, с гордым видом прошла мимо.

— Мисс Кормье!

— Что? — бросила она ему через плечо.

— Мой автомобиль в другой стороне.

Нина остановилась, чувствуя, как ее щеки порозовели. Мистер Детектив наконец великодушно удостоил ее улыбкой — улыбкой, которая скорее подошла бы кошке, слопавшей канарейку, чем полицейскому.

— Вон тот голубой «таурус», — указал он. — Дверь открыта. Я приду через секунду, — сказал он и направился к группе полицейских.

Нина приблизилась к голубому «таурусу» и, брезгливо сморщив носик, заглянула в окно. Неужели ей предстоит ехать на этой машине? Что за хлам там, в салоне, навален? Она открыла дверцу — из машины на землю выкатился бумажный стаканчик. На полу под пассажирским сиденьем валялся пакет из «Макдоналдса», картонные стаканчики из-под кофе, позавчерашний номер «Портленд пресс геральд». Заднее сиденье было завалено всевозможными бумагами, газетами и папками-скоросшивателями. Там же валялся портфель, пиджак и — о господи! — рукавица для игры в бейсбол.

Она сгребла хлам, валявшийся на пассажирском сиденье, и перебросила в заднюю часть салона. Затем села, надеясь, что сиденье чистое.

Детектив Холодная Рыба приблизился к машине. Было видно, что он чем-то встревожен. Рукава рубашки закатаны, узел галстука распущен. Нина также заметила, что, хотя он порывался уйти, полицейские не отпускали его, продолжали задавать какие-то вопросы.

Наконец Наварро скользнул на водительское сиденье и захлопнул за собой дверцу.

— Так все-таки где живет ваша мать? — спросил он.

— Кейп-Элизабет. Насколько я понимаю, у вас много дел.

— Мой напарник возьмет на себя мою работу. Я довезу вас, побеседую с вашей матерью и заскочу в больницу, чтобы переговорить с преподобным Салливаном.

— Замечательно. Похоже, что вы сумеете прихлопнуть одним ударом даже не двух, а трех зайцев.

— Я сторонник эффективных методов.

Они ехали молча. Она не видела смысла поддерживать разговор лишь из соображений вежливости. Для таких, как он, вежливость — пустое слово. Нина напряженно смотрела в окно и мрачно размышляла о несостоявшейся свадьбе, о сэндвичах, ожидающих гостей, о самих

гостях, которые так никогда не войдут в банкетный зал. Придется позвонить и распорядиться, чтобы всю еду, пока та не успела испортиться, отправили в бесплатную столовую для бедных. И еще подарки. Дома лежат десятки подарков. Стоп, следует внести поправку — в доме Роберта. Это место никогда не было ее домом. Она там лишь жила. Она даже предложила оплачивать квартиру пополам. Роберт любил подчеркивать, как он уважает ее независимость. В любых хороших взаимоотношениях, говорил он, очень важна обоюдная ответственность, все должно делиться пятьдесят на пятьдесят. Они так решили с самого начала. На одном свидании за ресторан платил он, на следующем — она. Тем самым Нина пыталась показать, что является самостоятельной, независимой женщиной.

Теперь же все это выглядело очень глупо. «Разве я когда-либо была независимой женщиной? Я всегда мечтала о том дне, когда стану миссис Бледсоу», — с грустью подумала она. На это надеялась и ее семья, этого ждала от нее мать — удачного, счастливого замужества. Родные так и не поняли ее решения пойти учиться в школу медицинских сестер. Единственное, что утешило их тогда, — надежда на то, что подобный шаг поможет ей найти подходящего избранника. Какого-нибудь доктора. Она и познакомилась с доктором.

«И что я теперь имею? Кучу подарков, которые придется вернуть. Свадебное платье, которое у меня уже не возьмут обратно. И день, который я никогда не смогу забыть».

Больше всего потрясло Нину пережитое унижение. Даже не тот факт, что Роберт предательски бросил ее. Не тот факт, что она могла погибнуть при взрыве, прогремевшем в церкви. Сам взрыв казался ей чем-то нереальным, чем-то далеким и не имеющим к ней отношения, словно какой-нибудь телесериал. Далеким, как человек, который сидел на соседнем сиденье машины.

— Вы отлично держитесь, — похвалил ее Сэм.

Нина никак не ожидала услышать от детектива Холодная Рыба такие слова и поэтому вздрогнула.

— Простите, что вы сказали?

— Вы довольно сдержанно восприняли случившееся. Спокойнее, чем можно было бы ожидать от большинства женщин.

— Я не знаю, как все это можно воспринимать иначе.

— После взрыва люди чаще всего впадают в истерику.

— Я работаю в отделении экстренной медицинской помощи, детектив. Мне не положено впадать в истерику.

— И все же для вас это был шок, и его последствия рано или поздно дадут о себе знать.

— Вы хотите сказать, что это лишь затишье перед бурей? Я верно вас поняла?

— Что-то типа того. — Он повернулся к ней, и их взгляды встретились. Впрочем, Сэм поспешил перевести глаза назад на дорогу, и визуальный контакт оборвался. — Почему ваших родственников не было с вами в церкви?

— Я отправила их домой.

— Вы не хотели, чтобы они морально поддержали вас в эти минуты?

Нина посмотрела в окно:

— В нашей семье это как-то не принято… Думаю… скажем так, мне нужно было побыть одной. Когда животное ранено, детектив, оно заползает в нору зализывать раны. Вот так и я… — Нина не договорила и, вместо слов, усиленно заморгала, отгоняя непрошеную слезу.

— Я понимаю, вам сейчас не хочется говорить об этом, — произнес Сэм, — но, может быть, вы ответите мне на один вопрос. Как вы думаете,

кто мог быть потенциальной жертвой? Например, преподобный Салливан мог?

Нина отрицательно покачала головой:

— Нет, такие люди, как он, не имеют врагов.

— Но ведь это его церковь. Будь он внутри, то непременно бы погиб.

— Преподобный Салливан милейший человек, самое безобидное в мире существо! Каждую зиму он на улице раздает бездомным одеяла. Или готовит для них койки в приюте. Когда у нас в больнице оказываются бездомные пациенты, мы всегда зовем его.

— Меня интересует не его характер. Я хочу знать, нет ли у него врагов.

— У него нет врагов, — веско произнесла Нина.

— А остальные гости? Кого из них неизвестный террорист желал бы отправить на тот свет?

— Ума не приложу...

— Шафер, Джереми Уолл. Расскажите мне о нем.

— Джереми? Рассказывать особенно нечего. Он тоже врач. Радиолог.

— Женат?

— Холост. Убежденный холостяк.

— А ваша сестра Венди? Она была подружкой невесты?

— Главной подружкой невесты. Венди — счастливая мать семейства.

— У нее есть враги?

— Нет. Если только кто-то, кто усомнился в ее совершенстве.

— То есть?

— Скажем так — она идеальная дочь, которую хотела бы иметь каждая мать.

— Вы — ее полная противоположность?

Нина пожала плечами:

— Как вы догадались?

Наварро пропустил ее вопрос мимо ушей.

— Значит, есть какой-то главный игрок. Тот, кто предпочел остаться в тени.

Нина продолжала смотреть прямо перед собой. «Что я могу сказать ему о Роберте, — подумала она, — когда я сама ничего не понимаю?»

К ее облегчению, Сэм Наварро не стал больше донимать ее вопросами. По всей видимости, он понял, что в этой ситуации нажимать на нее не стоит. Она и так уже близка к нервному срыву. Когда же они по извилистой дороге приблизились к Кейп-Элизабет, Нина почувствовала, что ее непробиваемый щит может в любую минуту дать трещину и обрушиться. Но разве детектив Наварро не предупреждал ее об этом? Об эмоциональных последствиях? Ступор первых минут постепенно сменялся пронзительной болью. До сих пор она держалась неплохо: пережив сразу два нешуточных потрясения, отделалась лишь парой слезинок. И вот теперь она почувствовала, как ее руки начинают дрожать. Ей стоило немалых усилий не разрыдаться у него на глазах.

Вскоре они остановились перед домом ее матери. К этому моменту Нина была на грани истерики. Она не стала ждать, когда Сэм вылезет, обойдет машину и откроет для нее дверь. Она толкнула ее сама и, путаясь в шлейфе платья, неловко выбралась из автомобиля. Подойдя к входной двери, нажала на звонок, мысленно умоляя мать, чтобы та открыла ей прежде, чем она разрыдается.

Дверь распахнулась. На пороге возникла Лидия, все еще элегантно причесанная и одетая.

— Нина? О, моя бедная Нина! — воскликнула она, распахивая объятия.

Нина автоматически обняла мать. Ей так отчаянно не хватало ласковых прикосновений, что она не сразу заметила, как Лидия слегка отстранилась, чтобы не помять свое шуршащее платье зеленого шелка. А вот первый вопрос матери поверг ее в шок.

— Ты уже поговорила с Робертом?

Нина напряглась. «Я тебя умоляю, мама, — взмолилась она про себя. — Пожалуйста, не надо так поступать со мной».

— Я уверена, что все уладится, — заявила Лидия. — Вы с Робертом сядете и честно обсудите все то, что его беспокоит…

Нина резко отпрянула.

— Я не собираюсь ничего обсуждать с Робертом, — заявила она. — Что касается честных объяснений, то я не уверена, что у нас такие вообще когда-либо были.

— Дорогая, нет ничего удивительного в том, что ты сердишься…

— Но ты ведь не сердишься, мама? Ты ведь не можешь сердиться на меня?

— Конечно, не сержусь, но я не вижу причин так резко отвергать Роберта только потому…

Кажется, пора напомнить о своем присутствии, решил Сэм и нарочито прокашлялся. Лидия тотчас бросила взгляд в его сторону. Он по-прежнему стоял возле двери.

— Я детектив Наварро из полиции Портленда, — представился он. — Вы миссис Кормье?

— Моя нынешняя фамилия — Уоррентон, — нахмурившись, ответила Лидия. — В чем дело? Что полиции нужно в моем доме?

— В церкви произошел несчастный случай, мэм. Мы занимаемся расследованием.

— Несчастный случай?

— В церкви взорвалась бомба.

— Вы шутите! — Лидия удивленно выгнула брови.

— Я серьезен, как никогда. Взрыв прогремел в два часа сорок минут пополудни. К счастью, никто не пострадал. Но если бы свадебная церемония состоялась…

Лидия мгновенно побледнела и отпрянула назад, явно лишившись дара речи.

— Миссис Уоррентон, — продолжил Сэм, — я хотел бы задать вам несколько вопросов.

Нина не стала дожидаться этих вопросов. С нее хватит, сегодня она и без того наслушалась их. Она поднялась по лестнице в свободную спальню, где несколько часов назад оставила свой чемодан, приготовленный для свадебного путешествия на остров Сент-Джон. В нем лежали купальные принадлежности и пляжные платья, лосьон для загара и прочие мелочи. Все, что, по ее мнению, могло пригодиться для недели в курортном раю.

Она сняла свадебное платье и осторожно повесила его на спинку кресла. Почему-то платье показалось ей мертвенно-белым и безжизненным. И абсолютно ненужным. Нина посмотрела на содержимое чемодана, на свои разбитые мечты, размещенные ровными рядами и переложенные папиросной бумагой. В это мгновение последние остатки самообладания покинули ее. Одетая лишь в нижнее белье, она села на кровать и дала волю охватившему ее горю.

Ей было не перед кем притворяться, и она разрыдалась.

Лидия Уоррентон оказалась полной противоположностью своей дочери. Сэм это понял сразу, как только она открыла входную дверь. Безупречно одетая, элегантно причесанная, достоинства фигуры прекрасно подчеркивает зеленое платье. Лидия, как никакая другая женщина, идеально соответствовала классическому облику матери невесты.

Внешнее сходство, разумеется, было. У Лидии и Нины одинаковые черные волосы, пушистые ресницы. Но если в Нине заметна некая мягкость, уязвимость, то Лидия держалась чопорно-отстраненно, как будто между ней и окружающим миром был возведен защитный экран силового поля, отталкивающий любого, кто осмеливается приблизиться к ней. Она определенно притягивает к себе взгляды окружающих, подумал Сэм, и при этом богата, если судить по комнате, в которой он сейчас находился.

Дом представлял собой что-то вроде музея или роскошного антикварного магазина. Только что он успел заметить стоящий на подъездной дорожке «мерседес». Из окна гостиной, в которую его провела хозяйка, открывался живописный вид на океан. Вид на миллион долларов. Лидия изящно опустилась на обтянутый парчой диванчик и жестом предложила гостю старинное кресло. Оно было обтянуто тканью столь безупречного вида, что Сэм испытал желание проверить чистоту собственной одежды, прежде чем сесть.

— Бомба, — пробормотала Лидия, покачав головой. — Поверить в это не могу. Кому нужно было взрывать бомбу в церкви?

— Это не первый взрыв, который произошел в нашем городе.

Лидия удивленно посмотрела на гостя:

— Вы имеете в виду склад? Взрыв, прогремевший на прошлой неделе? Я читала в газетах, что это связано с какими-то криминальными разборками.

— Это лишь теоретическое предположение.

— А сегодня — церковь. Какая связь может быть между этими случаями?

— Связь между ними мы пока еще не установили, миссис Уоррентон. Мы пытаемся выяснить, есть ли вообще такая связь. Может быть, вы поможете нам в этом. Вам известна какая-либо причина, по которой кто-то мог взорвать бомбу в церкви Доброго Пастыря?

— Я ничего не знаю об этой церкви. Я хожу в другую. Это была идея моей дочери, она сама выбрала это место для бракосочетания.

— Похоже, вы не слишком одобряете ее выбор.

Лидия пожала плечами:

— Нине нравится поступать так, как ей вздумается. Я бы выбрала более… респектабельное место. И составила бы более обстоятельный список гостей. Но это же Нина. Она пожелала, чтобы все было как можно камернее и скромнее.

Скромность явно не является стилем жизни Лидии Уоррентон, подумал Сэм, обводя взглядом гостиную.

— Отвечу на ваш вопрос, детектив. Я не вижу никакой причины для взрыва бомбы в церкви Доброго Пастыря.

— В какое время вы уехали из церкви?

— Почти сразу после двух часов. Когда я поняла, что не смогу ничего сделать для Нины.

— Пока вы находились там, вы не заметили никого подозрительного в храме?

— Там были лишь те, кого пригласили. Флорист. Священник. Гости.

— Имена помните?

— Начнем с меня. Моя дочь Венди. Шафер, не помню его имени. Мой бывший муж Джордж и его последняя жена.

— Последняя?

Лидия презрительно фыркнула:

— Эту особу зовут Даниэла. Его четвертая.

— А ваш муж?

Хозяйка дома на мгновение замолчала.

— Эдвард опоздал. Его самолет из Чикаго задержался на два часа.

— Так он еще не добрался до города?

— Нет. В церковь он не успевал. Собирался прямо на банкет.

Сэм снова огляделся по сторонам. Впечатляюще.

— Могу я спросить вас, миссис Уоррентон, чем занимается ваш муж?

— Он президент фирмы «Ридли — Уоррентон».

— Лесозаготовительной фирмы?

— Именно.

Теперь понятно, откуда и шикарная обстановка дома, и «мерседес», подумал Сэм. Фирме «Ридли — Уоррентон» принадлежали обширные лесные угодья северной части штата Мэн. Ее разнообразная продукция, от сырой древесины до высокосортной писчей бумаги, экспортировалась во многие страны мира.

Следующий вопрос Сэма Наварро напрашивался сам собой.

— Миссис Уоррентон, — спросил он, — у вашего мужа есть враги?

Ответ поверг его в замешательство. Лидия Уоррентон рассмеялась:

— У любого богатого человека, детектив, есть враги.

— Можете назвать кого-нибудь конкретного?

— Вам нужно спросить об этом самого Эдварда.

— Непременно спрошу, — сказал Сэм, вставая с кресла. — Как только ваш муж вернется, попросите его позвонить мне, договорились?

— Мой муж — очень занятой человек.

— Я тоже, — парировал Сэм и, коротко кивнув, вышел из дома.

Сев в «таурус», он несколько мгновений сидел неподвижно, глядя на особняк. Пожалуй, это был самый впечатляющий дом из всех, в которых

ему когда-либо доводилось бывать. Впрочем, с особняками он был знаком не слишком хорошо. Сэмюэль Наварро был сыном бостонского копа, отец которого тоже был бостонским копом. Когда ему было двенадцать лет, только что овдовевшая мать привезла его в Портленд. Жизнь у них была нелегкая, но мать принимала это как данность и не роптала.

В отличие от матери смирение было не в его духе. Его подростковый возраст состоял из пяти лет нескончаемого бунтарства. Драки на школьном дворе. Курение тайком в ванной комнате. Знакомство с дурной компанией, бесцельно слонявшейся в районе Моньюмент-сквер. В его детстве особняков не было.

Сэм завел двигатель, и автомобиль покатил в город. Расследование только-только начиналось. Их с Джиллисом ждала долгая ночь. Предстояло допросить священника, флориста, шафера, подружку невесты и жениха.

Прежде всего жениха.

Доктор Роберт Бледсоу, тот самый человек, который отменил свадьбу. Его решение, будь оно случайным или преднамеренным, спасло жизнь десяткам людей. Неужели это просто счастливое совпадение? Верится с трудом. Что, если Бледсоу получил какое-то предупреждение? Что, если главной целью террориста был именно он?

Какова же истинная причина, вынудившая его бросить невесту прямо у алтаря?

Перед мысленным взором Сэма моментально возник образ Нины Кормье. Ее лица ему никогда не забыть. И дело не в огромных карих глазах и сочных губах, которые так и тянет поцеловать. Больше всего его впечатлила ее гордость, обостренное чувство собственного достоинства. Та самая гордость, которая заставляет ее высоко держать подбородок и ровную спину, пусть даже если на глаза наворачиваются слезы. Сэм искренне восхищался этой женщиной. Никаких рыданий, никакой

жалости к себе. Ее унизили, бросили, оскорбили. И все же она не желала сдаваться и время от времени взбрыкивала. Сэма этот ее наивный кураж одновременно и забавлял, и раздражал. Для женщины, которая выросла в тепличных условиях, Нина Кормье была на редкость стойким бойцом.

Сегодня ей преподнесли горькую пилюлю, но она с достоинством ее проглотила.

Удивительная, воистину удивительная женщина.

Сэм не мог дождаться той минуты, когда услышит, что именно доктор Роберт Бледсоу скажет о ней.

На часах было пять, когда Нина, в футболке и шортах, вышла из гостевой комнаты в доме своей матери. К этому моменту она уже успела успокоиться и взять себя в руки. Свадебное платье она повесила в шкаф — лишь бы только не видеть. Слишком много неприятных воспоминаний прицепилось к нему, подобно колючкам чертополоха.

Внизу, в гостиной, она застала мать. Лидия сидела с бокалом в руке. Детектива Наварро не было видно. Звякнув кубиками льда, Лидия поднесла бокал к губам, и Нина поняла: руки матери дрожат.

— Мам! — позвала она.

От звука ее голоса голова Лидии дернулась.

— Ты напугала меня.

— Мне, пожалуй, пора. С тобой все в порядке?

— Да, да, конечно, — вздрогнув, произнесла Лидия и после секундной паузы, как будто после раздумья, добавила: — Как ты?

— Нормально. Мне просто потребуется время. Хотелось бы побыть одной, без Роберта.

Мать и дочь какое-то мгновение молча смотрели друг на друга, не зная, что сказать. Впрочем, между ними так было всегда. Нина выросла

обделенная материнской любовью. Мать всегда была слишком занята собой, чтобы замечать ее душевные страдания. И вот результат: натянутое молчание двух женщин, которые едва знают и понимают друг друга. Дистанцию между ними нельзя было измерить годами, для этого скорее сгодилось бы расстояние между галактиками.

Мать сделала глубокий глоток из бокала.

— Как все прошло? — наконец спросила Нина. — Как ты побеседовала с детективом?

Лидия пожала плечами:

— Что тут скажешь? Он задавал вопросы, я отвечала.

— Он тебе что-нибудь сообщил? О том, кто мог это сделать?

— Нет. Мистер Наварро не очень общителен. Да и не слишком обаятелен, если уж на то пошло.

Возразить было нечего. Нина знала: даже кубики льда в бокале и то теплее, чем Сэм Наварро. Но ведь этот человек всего лишь делает свою работу. Ему не платят за обаяние.

— Ты можешь остаться на ужин, если хочешь, — предложила Лидия. — Почему бы нет? Я скажу повару…

— Все в порядке, мама. В любом случае спасибо.

— Ты из-за Эдварда не хочешь оставаться?

— Нет, мама. Не из-за этого. Честное слово.

— Ведь именно поэтому ты так редко у меня бываешь. Из-за него, я знаю. Жаль, мне хотелось бы, чтобы ты полюбила его. — Лидия вздохнула и посмотрела на бокал. — Он очень добр ко мне и очень щедр. Уж этого, надеюсь, ты не станешь отрицать.

Нина подумала об отчиме, и «щедрый» было отнюдь не первое слово, которое пришло ей на ум. Первым пришло другое — бессердечный.

Бессердечный и властный. Нине меньше всего хотелось говорить об Эдварде Уоррентоне.

Она направилась к выходу:

— Мне нужно съездить домой и забрать вещи. Я уже решила — жить я там больше не буду. Я от него съеду.

— Но разве нельзя вам с Робертом снова наладить отношения?

— После того, что сегодня случилось? — Нина покачала головой.

— Может, все-таки стоит попробовать? Может, вам с ним поговорить по душам? Вдруг вы сможете что-то для себя изменить.

— Прошу тебя, мама, не надо.

Лидия откинулась на спинку кресла:

— В любом случае приглашение отужинать остается в силе. Ужин того стоит.

— Как-нибудь в другой раз, — мягко ответила Нина. — Пока, мам.

Идя к двери, она не услышала никакого ответа.

Ее «хонда» стояла возле дома, там, где она оставила ее утром. Утром того дня, когда должна была состояться ее свадьба. Как горделиво Лидия улыбнулась ей, когда они садились с ней в лимузин. Именно так матери и следует смотреть на свою дочь. Так, как она никогда не смотрела на Нину раньше.

И очевидно, уже больше никогда не посмотрит.

Поездка в церковь, улыбки, смех — все это было как будто целую вечность назад. Нина завела «хонду» и выехала с подъездной дорожки.

По старой привычке она покатила на юг, в направлении Хантс-Пойнт. Там находился дом Роберта. Когда-то он был их домом. Дорога была извилистой, но Нина ехала на автопилоте, машинально сворачивая на

каждом новом повороте то вправо, то влево. Что, если Роберт на самом деле не уехал из города? Что, если он дома? Что они тогда скажут друг другу?

Допустим: «Прощай!»

Нина еще крепче вцепилась в руль и подумала обо всем, что она в таком случае ему скажет. О том, что она чувствует себя предательски брошенной. Она ехала, мысленно прокручивая целый год жизни. Целый, черт побери, год ее жизни!

Лишь пролетев мимо Смагглерс-Коув, она бросила взгляд в зеркало заднего вида. За ней ехал какой-то черный «форд». Тот самый «форд», который она заметила несколько миль назад, в Делано-Парк. В любое другое время она оставила бы этот факт без внимания, но сегодня, после того, что услышала от детектива Наварро…

Усилием воли подавив нехорошее предчувствие, Нина поехала дальше и вскоре свернула в направлении прибрежной автострады, ведущей к Оушен-Драйв.

«Форд» повторил ее маневр. Впрочем, реальных причин для беспокойства по-прежнему не было. В конце концов, это ведь главная трасса района. Любой другой водитель имеет право на нее свернуть.

Чтобы немного ослабить беспокойство, Нина свернула влево, в сторону Пебблс-Пойнт, зная, что это пустынная дорога, движения по которой почти нет. Здесь они с «фордом» непременно разъедутся в разные стороны.

Однако «форд» упрямо свернул вслед за ней. И тогда ей сделалось по-настоящему страшно.

Нина нажала на педаль акселератора. «Хонда» начала набирать скорость. Она понимала, что слишком резко делает повороты на пятидесяти милях в час, но, с другой стороны, как еще ей оторваться от

преследующей ее машины? Впрочем, «форд» вряд ли отстанет, он тоже добавил скорости и уже догонял ее.

Резко набрав скорость, «форд» с ревом рванул вперед и в считаные мгновения догнал ее «хонду». Теперь они ехали бок о бок, сворачивая на одних и тех же поворотах.

«Он пытается столкнуть меня с дороги!» — мелькнула мысль в голове Нины.

Она попыталась разглядеть водителя, но тонированное стекло позволяло увидеть лишь смутный силуэт. «Зачем ты это делаешь? — хотелось ей закричать. — Зачем?»

Неожиданно «форд» дернулся в сторону, прижимая ее к обочине. От удара «хонда» едва не потеряла управление. Нина изо всех сил вцепилась в руль, стараясь удержать машину на ходу.

Чертов придурок! Нужно поскорее оторваться от него.

Она резко ударила по тормозам.

«Форд» бросило вперед, но его водитель тут же сбросил скорость и снова оказался рядом с ее «хондой».

Нина искоса посмотрела на преследователя. К ее удивлению, окно пассажирского сиденья оказалось опущено. Она разглядела водителя. Мужчина. Темноволосый. В солнечных очках.

Она на миг бросила взгляд на дорогу, которая впереди, ярдах в пятидесяти, резко уходила вверх.

Прямо навстречу «форду» летел какой-то автомобиль.

Раздался скрежет шин об асфальт. Затем последовал глухой удар, и в лицо ей полетели колючие осколки стекла. Еще мгновение — и ее машину отбросило куда-то в сторону.

Сознания Нина не потеряла — даже когда «хонда» слетела с дороги. Даже когда, натыкаясь на кустарник и молодые деревца, перевернулась несколько раз.

Наконец машина остановилась и, застыв в вертикальном положении, привалилась к стволу клена.

Нина хотя и оставалась в полном сознании, однако не могла пошевелиться. Она была настолько потрясена, что не испытывала ни боли, ни страха. Единственное, что она ощущала, — это удивление. Господи, неужели она жива?

Затем, сквозь кокон потрясения, понемногу начало просачиваться ощущение физического дискомфорта. Вскоре дала о себе знать боль в груди и плече. Ага, все понятно, ее спасла подушка безопасности, правда, при этом сильно ударила по ребрам.

Со стоном отщелкнув пряжку ремня безопасности, Нина, обессилев, повалилась вперед, на руль.

— Эй, леди!

Она тотчас обернулась: в окно машины заглядывало чье-то встревоженное лицо. Как оказалось, какой-то пожилой мужчина.

— С вами все в порядке? — спросил он, рывком распахнув дверцу.

— Я... да, думаю, все в порядке.

— Я вызову скорую помощь.

— Нет, не надо, со мной все в порядке, — повторила она и сделала глубокий вдох. Боль в груди вновь напомнила о себе, но, пожалуй, это единственное ее ранение. С помощью пожилого мужчины Нина выбралась из машины и постаралась выпрямиться. Вид разбитого автомобиля потряс ее.

«Хонде» изрядно досталось: дверь водительского сиденья погнута, стекло разбито, бампер сорван.

Нина обернулась и посмотрела на дорогу.

— Там была другая машина, — произнесла она. — Черная...

— Вы имеете в виду того идиота, который едва не убил вас?

— Где он?

— Умчался прочь. Вам нужно заявить в полицию на этого нахала. Наверно, пьян, как сапожник.

«Пьян»? Нет, как бы не так. Дрожа, она обхватила себя за плечи и снова бросила взгляд на дорогу. Пусто. «Форд» бесследно исчез.

Глава 3

Гордон Джиллис оторвался от гамбургера с жареной картошкой и поднял голову.

— Что-нибудь интересное узнал? — спросил он.

— Ни черта подобного, — ответил Сэм. Повесив курку на вешалку, он устало опустился в стоявшее перед столом кресло и потер руками лицо.

— Как поживает священник?

— Прекрасно. Врач утверждает, что обошлось без инфаркта. Но еще денек они его в больнице подержат, так, на всякий случай.

— Что он думает о взрыве бомбы? Подозревает кого-нибудь?

— Заявил, что врагов у него нет. Все, кого я о нем спрашивал, в один голос твердят, что преподобный Салливан — патентованный святой. — Сэм со стоном откинулся на спинку кресла. — Как у тебя дела?

Джиллис оторвал край обертки гамбургера и, продолжая жевать, начал докладывать:

— Я допросил шафера, подружку невесты и флориста. Никто ничего не видел.

— А церковный сторож?

— Мы все еще пытаемся отыскать его. Его жена говорит, что он обычно возвращается домой около шести. Я пошлю Кули поговорить с ним.

— По словам преподобного Салливана, сторож открывает входную дверь в церковь в семь утра. Дверь весь день остается открытой. Так что любой мог войти внутрь и оставить там сверток с бомбой.

— А прошлым вечером во сколько он закрыл дверь? — поинтересовался Джиллис.

— Обычно ее закрывает секретарша. Как правило, в шесть вечера. К сожалению, этим утром она уехала на выходной к родственникам в Массачусетс. Мы пытаемся связаться ней… — Не договорив, Сэм замолчал.

У Джиллиса зазвонил телефон.

— Да, слушаю. Что там?

Напарник торопливо записал что-то в блокнот, который тут же протянул Сэму.

На листке бумаги корявым почерком были нацарапаны несколько слов: «Дорога на Труди-Пойнт».

А через секунду Джиллис произнес:

— Мы выезжаем, — и, отключив мобильник, нахмурился.

— Что случилось? — спросил Сэм.

— Поступило сообщение одной из мобильных групп. Это касается нашей невесты.

— Нины Кормье?

— Ее машина слетела с дороги возле Труди-Пойнт.

Сэм встрепенулся:

— Она цела?

— Кто? Невеста или машина? Шучу. С ней все в порядке. Они бы не стали нам звонить, но она настояла на том, чтобы нам сообщили об этой аварии.

— Об аварии? Почему?

— Она утверждает, что это не обычная авария. Говорит, будто кто-то пытался столкнуть ее с дороги.

И плечо, и ребра по-прежнему ныли. На лице несколько порезов от осколков стекла. Слава богу, голова ясная. Вернее, ясная в той мере, чтобы узнать человека, который вылез из знакомого ей голубого «тауруса». Тот самый насупленный детектив. Сэм Наварро. Он даже не посмотрел в ее сторону.

В сгущающихся сумерках Нина наблюдала за тем, как он о чем-то разговаривал с патрульным полицейским. Затем оба отправились осматривать разбитую машину. Сэм медленно обошел «хонду», и, глядя на него, Нина подумала, что он напоминает ей осторожно крадущегося кота. Нет, он действительно двигался с легкой, кошачьей грацией. Взгляд сосредоточен на чем-то, видимом лишь ему одному. В какой-то момент он остановился и опустился на корточки, чтобы разглядеть что-то в траве. Затем встал и заглянул в окно со стороны водительского сиденья, вернее, в то, что осталось от окна. Потрогал разбитое стекло, открыл дверь и сел на пассажирское сиденье. Что он там, черт побери, ищет? Нине была видна лишь его темная голова, которая то появлялась, то исчезала из поля зрения. Похоже, он что-то ищет под сиденьями. Как хорошо, что ей не пришлось ничего прятать в салоне машины. Нина нисколько не сомневалась в том, что зоркий детектив Наварро способен на расстоянии мили разглядеть контрабанду.

Наконец он вылез из разбитой «хонды». Волосы всклокочены, брюки помялись. Наварро снова о чем-то заговорил с патрульным. Затем обернулся и, посмотрев на Нину, направился прямо к ней.

У нее тотчас участился пульс. Было что-то такое в этом человеке, что одновременно притягивало ее и внушало страх. Нечто большее, нежели простое ощущение его физического присутствия, которое и без того было внушительным. Больше всего Нину поражало то, каким совершенно бесстрастным взглядом он смотрел на нее. От этой холодной замкнутости ей было не по себе. Ведь, что греха таить, большинство мужчин находили ее привлекательной и как могли пытались продемонстрировать ей свою заинтересованность.

Этот же тип, по всей видимости, воспринимал ее лишь как еще одну потенциальную жертву неизвестного преступника. Объект его интеллектуального интереса, только и всего. Нина выпрямилась и, когда он приблизился, спокойно встретила его взгляд.

— С вами все в порядке? — полюбопытствовал он.

— Несколько ушибов, пара порезов. Больше ничего.

— Вы уверены, что вам не нужно в больницу? Я мог бы отвезти вас.

— Со мной все в порядке. Я же медсестра и неплохо разбираюсь в таких вещах.

— Я слышал, что врачи и медсестры — самые несносные пациенты. Я отвезу вас в больницу. Для полной уверенности.

Нина недоверчиво рассмеялась:

— Это звучит как приказ.

— Вообще-то да.

— Детектив, я уверена, что если бы я была…

Увы, она говорила с его спиной. Этот несносный тип повернулся к ней спиной. И уже шагал к своему «таурусу».

— Детектив! — позвала Нина.

— Да? — оглянулся через плечо Сэм.

— Я не… это не… — Она вздохнула. — Ладно, все в порядке, — пробормотала она и пошла за ним следом. Нет смысла спорить с этим человеком. Тем более что он снова повернулся к ней спиной.

Садясь на пассажирское сиденье, Нина вновь почувствовала, как у нее больно кольнуло в груди. Может, он, в конце концов, прав? Она, как медсестра, знала: порой последствия травм дают о себе знать лишь спустя несколько часов или даже суток. Как ни прискорбно признаваться в этом, но приказ мистера Детектива, похоже, имеет смысл — нужно поехать в больницу.

Ей было неуютно настолько, что за всю дорогу она не сказала ни слова.

Молчание первым нарушил Сэм Наварро.

— Вы не хотите рассказать мне, что с вами стряслось? — спросил он.

— Я уже дала показания. Все есть в полицейском протоколе. Кто-то столкнул меня с дороги.

— Да, черный «форд» с номерными знаками штата Мэн.

— Вам успели сообщить подробности.

— По словам свидетеля, ему показалось, будто вас столкнул пьяный водитель. Он утверждает, что это вряд ли было умышленное действие.

Нина покачал головой:

— Я не знаю, что и думать.

— Когда вы в первый раз увидели этот «форд»?

— Пожалуй, неподалеку от Смагглерс-Коув. Мне показалось, будто он едет за мной.

— Он отклонялся от прямого пути? Проявлял признаки неправильной езды?

— Нет, он просто ехал следом за мной.

— Вы его видели когда-нибудь раньше?

— Вряд ли.

— Мог он поехать за вами сразу, как только вы отъехали от дома вашей матери?

Нина задумалась. Сэм Наварро по-прежнему не смотрел на нее, устремив взгляд прямо перед собой. А вот его тон стал явно другим — каким-то уклончивым. Если не скептическим. Впрочем, своим последним вопросом он дал понять, что имел в виду нечто большее, нежели просто пьяного водителя. Неожиданно Нине стало страшно.

— Вы предполагаете, что он мог поджидать меня?

— Я просто рассматриваю различные версии.

— Тот полицейский посчитал, что это был просто пьяный водитель.

— Это его личное мнение.

— А каково ваше, если не секрет?

Наварро не ответил. Он продолжал вести машину, непробиваемый как танк. Неужели этот человек никогда не злится? Не раздражается? Может, попробовать раззадорить его, чтобы этот чурбан хотя бы раз продемонстрировал свои истинные чувства?

— Детектив Наварро, — твердо произнесла Нина. — Я честно плачу налоги и тем самым частично оплачиваю ваше жалованье. Мне кажется, я заслуживаю большего, нежели ваши недомолвки. Вы отмахиваетесь от меня, как от назойливой мухи.

— Где-то я уже это слышал. Старая как мир песня о слугах закона.

— Я готова петь любые песни, лишь бы получить от вас ответ!

— Я не уверен, что вам понравится то, что я скажу.

— Это почему же?

— Я бегло осмотрел вашу машину. То, что я обнаружил, до известной степени подтверждает ваш рассказ. На водительском сиденье я нашел кусочки отставшей черной краски. Свидетельство того, что вашу «хонду» протаранил какой-то черный автомобиль.

— Я хорошо различаю цвета. Я же сказала, что это был черный «форд»!

— Я также заметил, что стекло в окне водительского сиденья разбито. Причем разбито так, что по нему пошли трещины, похожие на лучи звезды. Такое вряд ли могло произойти в результате аварии, когда машина переворачивается.

— Это потому, что оно уже было разбито, когда я слетела с дороги.

— Откуда вы знаете?

— Я помню, как стекло разлетелось на осколки. Откуда, по-вашему, у меня порезы на лице? От разбитого стекла. Это случилось до того, как я перевернулась.

— Вы уверены? — Сэм пытливо посмотрел на нее. — Абсолютно уверены?

— Да, уверена. Неужели это так важно?

Наварро вздохнул:

— Еще как! Поскольку объясняет то, что я обнаружил в вашей машине.

— В моей машине? — Нина озадаченно тряхнула головой. — И что же вы нашли в ней?

— В правой двери возле пассажирского сиденья, той самой, что ударилась о дерево. Металл сильно смяло, неудивительно, что другие полицейские этого не заметили. Но я понял, что там что-то нечисто. И я нашел, что искал.

— Что вы нашли?

— Пулевое отверстие.

Нина почувствовала, как кровь разом отхлынула от ее лица, а она сама лишилась дара речи. Ее мир содрогнулся под непомерным весом его слов.

Наварро продолжал говорить все тем же бесстрастным тоном. Просто поразительно. «Он не человек, — подумала Нина. — Он машина. Бездушный робот».

— По всей видимости, пуля попала в окно вашей машины, — продолжил тем временем Сэм Наварро. — Пролетела за вашим затылком. Вот почему разбилось стекло. Пуля пролетела под небольшим углом и не задела вас, но оставила дырку в пластмассовой обшивке противоположной двери, где, предположительно, и застряла. Ее вытащат оттуда. Сегодня вечером нам будет известен калибр и тип оружия. Но я до сих пор не знаю, — надеюсь, вы это мне скажете, — почему кто-то пытался убить вас.

Нина решительно встряхнула головой:

— Это какое-то недоразумение! Ошибка!

— У этого типа злобные намерения. Он устроил взрыв бомбы в церкви. Он преследовал вас. Стрелял в вас. Никаких ошибок нет и быть не может!

— Нет, может!

— Подумайте хорошенько и скажите, кто мог желать вашей смерти. Подумайте, Нина!

— Я же сказала вам. У меня нет врагов!

— Должны быть.

— Я не... — Нина неожиданно разрыдалась и уткнулась лицом в ладони. — У меня их нет, — прошептала она.

Сэм подождал, пока она успокоится, а потом заговорил снова:

— Простите меня. Я знаю, такие вещи трудно признать...

— Вы не знаете! — Нина подняла голову и смерила его сердитым взглядом. — Да и откуда вам это знать, детектив. Я всегда считала, что нравлюсь людям. Или — по крайней мере — никто меня не может ненавидеть. Я всегда пытаюсь ладить с окружающими. И вот теперь вы говорите мне, что есть кто-то... кто-то, кто хочет...

Она сглотнула застрявший в горле комок и устремила взгляд вперед, на темнеющую в сумерках дорогу.

Сэм снова умолк, давая Нине возможность успокоиться. Он понимал: ей сейчас слишком плохо, так что лучше не давить на нее новыми вопросами. А еще он подозревал, что ее физическое и эмоциональное состояние гораздо хуже, чем она пытается показать окружающим, и хорохорится она из последних сил. Но как бы она ни храбрилась, судя по тому, на что теперь похожа ее машина, ей здорово досталось при аварии.

В больнице, в отделении экстренной медицинской помощи, он нервно расхаживал по коридору, пока врач осматривал Нину. Ей сделали несколько рентгеновских снимков, и она вышла в коридор еще бледнее, чем в ту минуту, когда он привез ее сюда. «Последствия шока, — подумал Наварро. — Похоже, до нее наконец дошло, в какую переделку она попала».

Они вернулись в машину; Нина какое-то время сидела молча. Сэм искоса бросал на нее взгляды, ожидая, что она расплачется, впадет в истерику, но его спутница оставалась на удивление спокойной. Ее поведение внушало тревогу. Нездоровая реакция.

— Вам нельзя сегодня ночью оставаться одной. Есть кто-нибудь, к кому вы могли бы поехать? — поинтересовался Сэм.

Вместо ответа, Нина пожала плечами.

— Может, отвезти вас к матери? — предложил он. — Соберете свой чемодан и...

— Нет. Только не к матери, — пробормотала она.

— Почему?

— Я не хочу… не хочу причинять ей беспокойство.

— Ей? — Сэм нахмурился. — Простите меня, что задаю вам этот вопрос, но разве матери не для того существуют, чтобы искать у них утешения?

— Брак моей матери, как бы вам сказать… не предполагает сочувствия к ее детям.

— Она не хочет видеть дочь в своем доме?

— Это не ее дом, детектив. Это дом ее мужа. А он относится ко мне без особого восторга. Честно говоря, эти чувства взаимны.

Нина снова посмотрела вперед. В это мгновение она показалась ему удивительно мужественной и сильной. И такой одинокой.

— С того дня, как они поженились, Эдвард Уоррентон контролирует всю ее жизнь, вплоть до самых последних мелочей. Он помыкает ею, а она безропотно мирится с этим. Потому что главное для нее — его деньги. Я просто не смогла дальше это терпеть и в один прекрасный день высказала ему все, что думаю по этому поводу.

— Пожалуй, вы поступили правильно.

— Как вы понимаете, тем самым я не добавила гармонии в их семейную жизнь. Уверена, именно поэтому он и улетел в Чикаго. Ему нужен был повод, лишь бы только не появляться на моей свадьбе. — Нина вздохнула и откинула голову на подголовник сиденья. — Я знаю, что нехорошо злиться на родную мать, но я все равно злилась. Меня ужасно раздражало, что она не может постоять за себя.

— Понятно. Значит, везти вас к матери не стоит. А к отцу? С ним вы ладите?

Нина кивнула. Правда, слишком поспешно.

— Наверно, я смогу побыть у него.

— Превосходно. Потому что я все равно не допущу, чтобы сегодня ночью вы остались одна. — Не успел он договорить фразу до конца, как понял, что ему не следовало говорить этих слов. Ибо в них прозвучала забота об этой женщине, забота, которую он не имеет права демонстрировать. Не стоит смешивать личные чувства со служебным долгом. Настоящий полицейский никогда не допустил бы такой досадной оплошности.

Даже в темном салоне автомобиля Сэм поймал на себе ее удивленный взгляд. И потому куда более равнодушным тоном, чем сам предполагал, добавил:

— Вы единственное связующее звено в этой истории со взрывом бомбы. Вы нужны мне живой и невредимой, чтобы я мог продолжить расследование.

— Да, конечно, — упавшим голосом произнесла Нина и устремила взгляд перед собой. Она больше не проронила ни слова, пока они не подъехали к дому на Оушен-Вью-Драйв.

Не успел Сэм припарковать машину, как Нина распахнула дверцу, чтобы выйти наружу. Увы, Сэм тотчас затащил ее обратно.

— Одну минутку!

— В чем дело?

— Посидите здесь минуту. — Он окинул взглядом дорогу, высматривая, нет ли поблизости других машин. Вроде ничего подозрительного. На улице ни души. — Все в порядке, — произнес он и, обойдя машину, открыл для нее дверь. — Соберите только один чемодан. Возьмите самое нужное. Пожалуйста, поспешите.

— Я не собиралась вывозить мебель.

— Я просто хочу побыстрее отвезти вас. Если за вами действительно следят, то сюда они обязательно придут. Так что копаться не стоит, договорились?

Его слова, призванные напомнить ей об опасности, произвели должный эффект. Нина вылезла из машины и едва ли не бегом бросилась к дому. Сэм был даже вынужден попросить ее подождать на крыльце, пока он быстро осмотрит дом.

Через пару секунд Наварро высунул голову из-за двери:

— Все чисто.

Пока она собирала чемодан, Сэм прошелся по гостиной. Это был старый, но просторный дом, безвкусно обставленный; правда, из окон открывался изумительный вид на океан. Именно в таком доме, наверно, и подобает жить врачу. Сэм подошел к роялю марки «Стейнвей» и одним пальцем тронул несколько клавишей.

— Кто играет на пианино? — спросил он.

— Роберт, — последовал ответ из спальни. — Мне медведь на ухо наступил.

Сэм обратил внимание на фотографию в рамке, стоявшую на рояле. На фото была изображена улыбающаяся пара. Нина и голубоглазый блондин. Не иначе как Роберт Бледсоу. Похоже, у этого парня есть все на свете: внешность, деньги, диплом врача. И эта женщина. Женщина, которая ему больше не нужна. Сэм прошел через гостиную, чтобы поближе рассмотреть развешанные по всей стене дипломы. Дипломы Роберта Бледсоу. Гротон. Дартмут. Гарвард. Кроме этого, доктор Бледсоу состоял в Лиге плюща. Такой мужчина — желанный зять для любой женщины старше среднего возраста. Неудивительно, что Лидия Уоррентон так хотела, чтобы ее дочь восстановила с ним отношения.

Неожиданно зазвонил телефон. Звонок был резким и неприятным. Сэм моментально ощутил прилив адреналина.

— Можно взять трубку? — спросила Нина. Она застыла в дверях, ее было не узнать. Лицо превратилось в испуганную маску.

Наварро кивнул:

— Ответьте.

Она подошла к телефону и после секундного колебания взяла трубку. Сэм подошел ближе и прислушался.

— Алло!

Никто не ответил.

— Алло! — повторила Нина. — Кто это? Алло!

Раздался щелчок, затем, через мгновение, гудок отбоя.

Нина вопросительно посмотрела на Сэма. Она стояла так близко, что ее черные шелковистые волосы касались его лица. Он поймал себя на том, что смотрит прямо в ее огромные глаза и реагирует на ее близость так, как и положено реагировать мужчине.

Только не это, мысленно одернул он себя.

Сэм торопливо сделал шаг назад, чтобы между ними возникло допустимое приличиями пространство. И хотя теперь они стояли на расстоянии добрых трех футов друг от друга, его все равно тянуло к ней. Держи дистанцию, приказал он себе. Нина Кормье мешала ему мыслить ясно и логично. А это опасно.

Детектив отвел глаза, и его неожиданно привлек мигающий огонек автоответчика.

— Вам оставили сообщение, — сказал он.

— Что?

— Ваш автоответчик. На нем записано три звонка.

Нина озадаченно посмотрела на телефонный аппарат и машинально нажала кнопку «Воспроизведение».

Раздалось три гудка, за ними последовало три паузы и гудок отбоя.

Нина, словно парализованная, уставилась невидящим взглядом на автоответчик.

— Но почему? — прошептала она. — Почему они звонили и тут же вешали трубку?

— Чтобы проверить, дома ли вы.

До нее моментально дошел смысл его слов, и она, как ужаленная, отпрянула от телефона.

— Нужно скорее уезжать отсюда! — испуганно воскликнула она и бросилась обратно в спальню.

Сэм отправился за ней следом. Нина кидала в чемодан одежду, даже не потрудившись ее аккуратно сложить. Брюки, блузки и нижнее белье были свалены беспорядочной кучей.

— Только самое главное, — посоветовал Сэм Наварро. — Нам пора уходить.

— Да, да, вы правы. — Нина развернулась и бросилась в ванную комнату. Он услышал, как она шарит по шкафчику, собирая косметику.

Через секунду она вышла с битком набитой сумочкой-косметичкой, которая тут же полетела в чемодан.

Щелкнув замками, Сэм закрыл крышку.

— А теперь пошли!

В машине, пока они ехали, Нина сидела молча, вжавшись в сиденье. Сэм то и дело посматривал в зеркало заднего вида, чтобы вовремя заметить преследователя. Впрочем, никаких признаков погони он не заметил.

— Расслабьтесь, все в порядке, — произнес он. — Я отвезу вас в дом вашего отца. Там вы будете в безопасности.

— Что будет потом? — еле слышно спросила Нина. — Сколько мне там придется прятаться? Несколько недель или даже месяцев?

— До тех пор, пока мы не распутаем это дело.

Нина отрешенно покачала головой:

— Но ведь это явный абсурд. Полнейшая бессмыслица.

— Может быть, многое прояснится, когда мы побеседуем с вашим женихом. Вы знаете, где он может находиться?

— Боюсь, если Роберт и доверял кому-то свои тайны, то только не мне… — Обхватив себя руками, она устремила взгляд в окно. — В записке говорилось, что он ненадолго уедет из города. Похоже, ему просто захотелось где-то спрятаться. От меня…

— От вас? Или от кого-то еще?

Нина отрицательно мотнула головой:

— Я много не знаю. Не в его привычках было делиться чем-то со мною. Боже, если бы я только знала! Честное слово, я пережила бы. Я что угодно переживу! Мне бы только понять…

«Что за человек Роберт Бледсоу?» — раздумывал Сэм. Каким мужчиной нужно быть, чтобы отказаться от такой женщины? Бросить ее одну перед лицом опасности?

— Кто бы ни был этот незнакомец, который звонил и бросал трубку, он может наведаться в ваш дом, — сказал Сэм. — Интересно было бы подкараулить его. Посмотреть, кто это будет такой.

— Да, конечно, — кивнула Нина.

— Вы не дадите мне ключ от дома?

— Вы хотите… подстеречь его внутри?

— Если наш преступник там появится, он попытается взломать дверь. А я буду ждать его внутри.

Нина удивленно посмотрела на Сэма Наварро:

— Вас же могут убить.

— Поверьте мне, мисс Кормье, я вовсе не строю из себя героя. Я всегда действую наверняка.

— Но если он появится…

— Я буду готов к его приходу. — Сэм ободряюще улыбнулся ей.

Увы, это ее не успокоило. Теперь она выглядела более испуганной, чем раньше.

«Неужели она боится за меня?» — подумал он. Каким-то необъяснимым образом это подняло ему настроение. Ужас. Следующее, что он сделает, — это сунет голову в петлю ради этих прекрасных карих глаз. Неужели его угораздило попасть в ту самую ситуацию, от которой полицейских предостерегали и которую советовали всячески избегать: играть роль героя перед привлекательной женщиной. Из-за этого рассталось с жизнью немало хороших копов.

Это может стоить жизни ему самому.

— Я бы не советовала вам заниматься этим в одиночку, — возразила Нина.

— Я буду не один. Меня прикроют.

— Вы уверены?

— Уверен.

— Обещаете? Что будете действовать наверняка?

— Вы, случаем, не моя мать? — забывшись, огрызнулся Сэм.

Нина вытащила из бумажника ключи и бросила их на приборную доску.

— Нет, конечно, я не ваша мать, — парировала она. — Но вы — полицейский, отвечающий за это дело. Чтобы распутать его, вы мне нужны живым и здоровым.

Поделом ему. Она беспокоится за его безопасность, а он, как последний чурбан, ответил ей грубостью. Причем сам не мог объяснить почему. Но одно он знал точно: всякий раз, заглянув в ее глаза, он с трудом сдерживал в себе желание дать стрекача. Лишь бы только не угодить в ловушку.

Вскоре они уже въезжали в чугунные ворота, за которыми начиналась подъездная дорожка к дому ее отца.

Нина не стала ждать, когда Сэм откроет ей дверь. Она торопливо вышла из машины и стала подниматься на крыльцо. Наварро двинулся за ней следом — тащил чемодан и восхищенно разглядывал дом. Особняк Джорджа Кормье был огромен и впечатлял даже больше, чем особняк Лидии Уоррентон. От его внимания не ускользнула изощренная система видеонаблюдения. По крайней мере, сегодня ночью Нина Кормье будет в безопасности.

Дверной звонок прогудел, как церковный колокол. Его эхо наверняка прозвучало в десятке комнат. Дверь открыла блондинка. И какая блондинка! Не старше тридцати, в блестящем облегающем трико, выгодно подчеркивавшем все выпуклости ее роскошного тела. На лице поблескивают капельки здорового пота. Из соседней комнаты доносился бухающий ритм музыки для аэробики.

— Привет, Даниэла! — негромко поздоровалась Нина.

Лицо Даниэлы приняло сочувствующее выражение столь стремительно, что поразило Сэма своей неискренностью.

— О, Нина, мне очень жаль, что все так получилось сегодня! Венди позвонила и рассказала нам о том, что произошло в церкви. Никто не пострадал?

— Нет, нет, слава богу! — ответила Нина и сделала паузу, как будто остерегаясь задать следующий вопрос. — Как ты думаешь, я могу сегодня переночевать у вас?

Выражение сочувствия на лице блондинки моментально испарилось. Даниэла удивленно уставилась на чемодан в руке Сэма:

— Я… я… позволь я спрошу твоего отца. В данный момент он принимает ванну и…

— У Нины нет другого выбора. Ей нужно где-то переночевать, — вмешался Наварро и прошел мимо Даниэлы в дом. — Ей небезопасно оставаться одной в своем доме.

Взгляд Даниэлы переместился на Сэма, и он заметил легкую искорку интереса в ее равнодушных голубых глазах.

— Боюсь, что я не расслышала ваше имя, — произнесла она.

— Это детектив Наварро, — сочла нужным вмешаться Нина. — Из антитеррористического отдела полиции Портленда. А это, — она повернулась к Сэму, — это Даниэла Кормье. Моя… э-э-э… жена моего отца.

Ей следовало употребить слово «мачеха», но эта потрясающая блондинка меньше всего походила на чью-либо мать. Взгляд, которым она удостоила его, был каким угодно, но только не материнским.

Даниэла наклонила голову, и в этом движении Сэм распознал и любопытство, и кокетство.

— Так вы полицейский?

— Да, мэм.

— Антитеррористический отдел? Так вы думаете, что в церкви взорвали бомбу?

— Я не имею права говорить об этом, — ответил Сэм. — Во всяком случае, пока не закончено следствие. — Он повернулся к Нине: — Если вы остаетесь здесь, то я уезжаю. Убедитесь, что ворота закрыты. И включите охранную сигнализацию. Утром я загляну к вам.

Кивнув на прощание, он задержал взгляд на Нине. И в очередной раз удивился тому, как реагирует на эту женщину его тело. В ней была такая необычайная притягательность, что ему стоило немалых усилий заставить себя, наконец, расстаться с ней.

И все-таки он это сделал. Еще раз кивнув, Сэм вышел. Снаружи было темно. Он постоял немного на крыльце, оглядывая прилегающую к дому территорию. Кажется, все спокойно. В обществе людей Нина будет в безопасности. И все же, задумался Сэм, смогут ли эти двое помочь ей в случае непредвиденных обстоятельств? Отмокающий в ванне отец и сексапильная мачеха в трико не внушали слишком большого доверия. По крайней мере, Нина разумная женщина и, хочется надеяться, правильно поведет себя при малейших признаках опасности.

Придя к мысли, что все в порядке, Сэм сел за руль и покатил обратно к дому Роберта Бледсоу на Оушен-Вью-Драйв.

Доехав до места, он оставил машину на улице за углом, ключами, которые дала ему Нина, открыл входную дверь и, войдя внутрь, позвонил Джиллису. Пусть группа наблюдения прибудет к дому и объедет окрестности. Закончив разговор, Сэм задернул шторы, сел на диван и начал ждать. Было девять часов вечера.

В полдесятого он почувствовал, что не может усидеть на одном месте. Он принялся мерить шагами гостиную, прошелся по кухне, столовой, выглянул в коридор. Злоумышленник, если он, конечно, наблюдает за домом, не увидит ничего подозрительного в том, что в комнатах будет то

зажигаться, то гаснуть свет. Не исключено, что он ждет той минуты, когда обитатели дома лягут спать.

Выключив в гостиной свет, Сэм отправился в спальню.

Нина не успела задвинуть ящик гардероба. Расхаживая по спальне, Сэм несколько раз прошел мимо этого ящика, испытывая соблазн заглянуть в него. Там было сложено нижнее белье. Наверху какая-то черная кружевная вещица, кончик которой выглядывал наружу. Сэм не смог удержаться. Остановившись возле гардероба, он вытащил заинтересовавший его предмет и поднял на уровень глаз.

Это нечто оказалось крошечным лоскутком, обшитым кружевами, с тонкими, как спагетти, тесемочками, призванным больше демонстрировать, чем скрывать. В голову тотчас полезли ненужные мысли. Сэм бросил кружевное изделие обратно в ящик и рывком задвинул его.

Черт, он снова отвлекся от главного — своей работы, а этого он допускать не должен. Но было в Нине Кормье и его отношении к ней нечто такое, что заставляло его вести себя как последний идиот.

Раньше, по долгу службы, ему приходилось встречаться с другими женщинами. Среди них иногда бывали и настоящие красавицы. Вроде этой милашки в трико, Даниэлы Кормье, мачехи Нины. Ему хватало благоразумия не стаскивать с себя брюк и не делать опрометчивых поступков. Это был вопрос самоконтроля и самосохранения. Женщины, которых он встречал, обычно оказывались в беде, и не было ничего удивительного в том, что они видели в Сэме этакого белого рыцаря, мускулистое средство решения своих проблем.

Впрочем, наваждение длилось недолго. Рано или поздно рыцарь освобождался от доспехов, и взгляду этих женщин представал тот, кем он был на самом деле: обычный коп. Не богатый, не слишком умный. В общем, лишенный тех достоинств, которые они могли бы счесть для себя полезными.

Однажды с ним случилась занятная история. Но только однажды. Та женщина была начинающей актрисой, которую поколачивал любовник. Неудивительно, что она пыталась от него сбежать. Сэма, как начинающего копа, назначили ее охранять. Все, казалось бы, способствовало их взаимной симпатии. Увы, он жестоко ошибся, и прозрение не заставило себя ждать. Несколько недель Сэм ходил как сексуально озабоченный, влюбленный подросток, наивно полагая, что она его тоже любит.

А затем она бросила его, бросила, как ненужную вещь.

Из этой истории он извлек трудный, но полезный урок: ни при каких обстоятельствах не смешивать любовь и работу. Находясь при исполнении служебных обязанностей, он больше никогда не переступал эту черту и не переступит ее в отношении Нины Кормье.

Сэм отошел от гардероба к противоположной стене комнаты. В следующее мгновение до его слуха донесся глухой стук.

Кто-то приближался к входной двери.

Сэм выключил в спальне свет, вытащил пистолет и выскользнул в коридор. У входа в гостиную он задержался, внимательно вглядываясь в темноту. Через шторы на окнах просачивался слабый свет уличных фонарей. В комнате он не заметил никакого движения, никаких подозрительных теней. Снаружи, со стороны крыльца, раздался скребущий звук, а потом что-то негромко звякнуло.

Сэм навел пистолет на входную дверь. Он был готов стрелять, если возникнет опасность. В проеме открывшейся двери, на фоне уличных фонарей возник мужской силуэт.

— Полиция! — крикнул Сэм. — Стоять!

Глава 4

Силуэт застыл на месте.

— Руки вверх! — скомандовал Сэм. — Я сказал, руки вверх!

Незнакомец поднял руки.

— Не стреляйте! — испуганно вскрикнул он.

Сэм подошел к стене и щелкнул выключателем. Комнату залил яркий свет, и стоявший перед Сэмом человек растерянно заморгал. Увидев, кто перед ним, Сэм выругался.

В следующее мгновение снаружи раздались громкие шаги, и на крыльцо вбежали двое полицейских с пистолетами в руках.

— Мы держим его под прицелом, Наварро! — крикнул один из них.

— Вы прибыли вовремя, ребята, — процедил сквозь зубы раздосадованный Сэм. — Успокойтесь. Это не тот.

Он засунул пистолет в кобуру и посмотрел на высокого блондина, на лице которого все еще застыло выражение нескрываемого ужаса.

— Я детектив Наварро из полиции Портленда. Если не ошибаюсь, доктор Роберт Бледсоу?

Роберт Бледсоу нервно откашлялся.

— Да, это я. Что происходит? Что эти люди делают в моем доме?

— Где вы были весь день, доктор Бледсоу?

— Я был... Слушайте, можно я опущу руки?

— Конечно.

Роберт Бледсоу опустил руки и осторожно обернулся через плечо на двоих полицейских, стоявших у него за спиной.

— Это так необходимо — целиться в меня из пистолетов?

— Можете идти, ребята! — сказал Сэм полицейским. — Тут все в порядке.

— Оставить наружку? — спросил один из копов. — Или отозвать ее?

— Сегодня ночью тут вряд произойдет что-то серьезное. Но вы далеко не отъезжайте. Побудьте где-нибудь по соседству до утра.

Полицейские ушли.

— Так где вы все-таки были, доктор Бледсоу?

Как только все нацеленные на Бледсоу пистолеты были убраны в кобуру, страх отпустил его и уступил место праведному гневу. Он был готов испепелить взглядом незваного гостя.

— Во-первых, ответьте, что вы делаете в моем доме? Мы что, живем в полицейском государстве, где копы врываются в дом и угрожают хозяину оружием? Вы не имеете права вторгаться в частное владение. Я обещаю вам крупные неприятности, если вы прямо сейчас не предъявите мне ордер на обыск!

— У меня нет ордера.

— Нет ордера? — Бледсоу рассмеялся неприятным, похожим на клекот смехом. — Вы проникли в мой дом без ордера? Вы вломились в мое жилище и угрожаете мне?

— Я не вламывался к вам, — бесстрастным тоном ответил Сэм. — Я вошел через входную дверь.

— О, конечно.

Сэм вытащил из кармана полученные от Нины ключи и показал их Роберту:

— Открыв дверь вот этим.

— Это… эти ключи принадлежат моей невесте! Откуда вы их взяли?

— Она мне их одолжила.

— Что-о-о?! — Голос Роберта Бледсоу сорвался на крик. — Где Нина? Она не имела права давать кому-либо ключи от моего дома!

— Я поправлю вас, доктор. Она жила здесь вместе с вами. Это делает ее законным жильцом данного дома. И дает ей право санкционировать проникновение полиции в это помещение. Этим правом она и воспользовалась. — Сэм не сводил с Бледсоу пристального взгляда. — А сейчас я задам вам тот же вопрос в третий раз. Где вы были, доктор Бледсоу?

— Я был в отъезде, — выпалил Роберт.

— Не могли бы вы уточнить ваше местопребывание?

— Ну хорошо. Я ездил в Бостон. Мне нужно было на какое-то время выехать из города.

— Зачем?

— Это что, допрос? Я не должен ничего отвечать вам! Я вообще могу не разговаривать с вами до прибытия моего адвоката. — Он повернулся к телефону и поднял трубку.

— Вам не понадобится адвокат. Разумеется, если вы не совершили никакого преступления.

— «Преступления?» — переспросил Роберт, поворачиваясь к Сэму. — Вы меня в чем-то обвиняете?

— Я ни в чем вас не обвиняю. Но я хочу услышать ваши ответы на мои вопросы. Вы знаете, что сегодня случилось в церкви?

Роберт Бледсоу положил трубку на место и кивнул:

— Я… я слышал, что там произошел какой-то взрыв. Об этом сообщали в новостях. Вот поэтому я вернулся раньше, чем предполагал. Я испугался, что кто-то мог пострадать при взрыве.

— К счастью, обошлось без жертв. В момент взрыва в церкви было пусто.

Роберт облегченно вздохнул.

— Слава богу! — произнес он. Он все еще стоял, положив руку на телефонную трубку, как будто раздумывая, звонить или нет. — Полиции… то есть вам… известна причина?

— Да. Это была бомба.

Роберт вздрогнул и посмотрел на Сэма. Затем медленно опустился в ближнее кресло.

— Я слышал… по радио говорили… что это был взрыв. Про бомбу ничего не было сказано.

— Мы еще не делали официального заявления.

Роберт бросил на него еще один взгляд:

— Какого дьявола в церкви кому-то понадобилось взрывать бомбу?

— Это мы и пытаемся выяснить. Взорвись она во время свадебной церемонии, погибли бы несколько десятков человек. Нина рассказала мне, что вы были единственным, кто не явился туда. Почему?

— Я не смог бы этого вынести, — ответил Роберт и безвольно опустил руки вдоль туловища. — Я не готов к женитьбе.

— Это какая-то исключительно личная причина?

— А как же иначе? — Роберт неожиданно посмотрел на Наварро так, будто до него только что дошел истинный смысл его вопроса. — О боже! Неужели вы думаете, что эта бомба имеет какое-то отношение ко мне?

— Эта мысль приходила мне в голову. Давайте рассмотрим сопутствующие обстоятельства. Вы без предупреждения отменили свадьбу. Затем исчезли из города. Конечно, мы раздумывали о ваших мотивах. Предположили, что вы могли получить какую-то угрозу и пустились в бегство.

— Нет, нет, все было совсем не так. Я отменил свадьбу потому, что не хотел жениться.

— Не скажете ли мне, по какой причине?

Лицо Роберта приняло каменное выражение.

— К сожалению, не скажу, — ответил он и внезапно встал с кресла. Затем прошел через всю комнату, открыл бар, налил себе скотча и стоя выпил, не глядя на Сэма.

— Я разговаривал с вашей невестой, — произнес Сэм. — Она красивая женщина. Яркая, интересная, привлекательная. — «Она магнитом притягивает меня к себе, черт побери!» — мысленно добавил он.

— Вы хотите знать, почему я бросил ее прямо у алтаря, верно? — спросил Роберт.

— Почему же?

Роберт допил содержимое бокала и наполнил его снова.

— У вас была конкретная причина?

— Нет.

— В чем же дело, доктор Бледсоу? Испугались? Она вам наскучила? — Сэм сделал паузу. — У вас есть другая женщина?

Роберт обернулся и смерил его ледяным взглядом:

— Это вас не касается! Уходите из моего дома!

— Уйду, если вы настаиваете. Но я с вами еще поговорю.

Сэм направился к входной двери, остановился и, оглянувшись, добавил:

— Вы знаете кого-нибудь, кто желал бы зла вашей невесте?

— Нет.

— Никого, кто желал бы ее смерти?

— Смешной вопрос.

— Сегодня днем кто-то пытался столкнуть с дороги ее машину.

Роберт вздрогнул и растерянно посмотрел на Наварро. Он был искренне напуган.

— Нина? Кто это был?

— Вот и я тоже пытаюсь это выяснить. Это может иметь отношение к взрыву бомбы, но может и не иметь. Вы представляете себе, что происходит? Как вы думаете, кто пытается ее убить?

Роберт Бледсоу секунду помолчал, прежде чем ответить.

— Нет, никто. Я ни на кого не могу подумать. Где она сейчас?

— Эту ночь она проведет в безопасном месте. Но она не может прятаться вечно. Так что если вы что-нибудь вспомните, то позвоните мне. Если она вам все еще не безразлична.

Роберт ничего не ответил. Сэм Наварро развернулся и вышел. По пути домой он позвонил Джиллису по автомобильному телефону. Как он и предполагал, напарник оказался на месте, за рабочим столом.

— Вернулся жених, — сообщил ему Сэм. — Утверждает, что не представляет себе, из-за чего в церкви кто-то взорвал бомбу.

— Интересно, почему меня это не удивляет? — съехидничал Джиллис.

— Есть что-нибудь новенькое?

— Есть. Пропал церковный сторож.

— Кто?

— Церковный сторож. Тот самый, который утром открыл храм. Мы весь вечер пытаемся найти его.

Сэм почувствовал, как участился его пульс.

— Интересно.

— Мы уже разослали сигнал всем постам. Имя этого парня Джимми Броган. У него незначительное преступное прошлое. Несколько лет

назад попался на мелком воровстве. И еще два случая вождения машины в нетрезвом виде. Вот такие дела. Ничего серьезного. Я отправил Кули поговорить с его женой и осмотреть дом.

— У этого Брогана есть опыт обращения со взрывчатыми веществами?

— Насколько мне известно, нет. Его жена клянется, что он чист как младенец и ни в чем не виновен. И всегда приходит домой к ужину.

— Колись, что еще у тебя есть, Джиллис!

— Честное слово, больше ничего. Если только ты не желаешь, чтобы я вскрыл себе вены. Я устал, как старая загнанная собака, и сейчас поеду домой.

— Ладно, до завтра. Увидимся утром.

По пути домой Сэм неустанно думал о фактах. Несостоявшееся бракосочетание. Пропавший церковный сторож. Злоумышленник на черном «форде».

И еще бомба.

Есть ли в этой гуще событий место для Нины Кормье? И если есть, то где оно?

Домой он приехал в полдвенадцатого вечера. Открыв дверь, вошел и включил свет. Взгляду тотчас предстал знакомый беспорядок. Какой же тут все-таки бардак! Надо как-нибудь прибрать. Или, может, переехать в другое место? Это будет легче сделать, чем заниматься уборкой.

Он прошелся по гостиной, подбирая по пути грязную одежду и посуду. Оставив чашки в кухонной раковине, забросил одежду в стиральную машину и нажал на кнопку «Пуск». Субботний вечер, самое время для беспечного холостяка заняться стиркой.

Он стоял на кухне, слушая монотонное урчание стиральной машины и думая о том, что можно сделать, чтобы это жилище стало похожим на дом. Может, купить новую мебель? Его маленький домик в целом

неплох, но мысленно он продолжал сравнивать его с хоромами Роберта Бледсоу, где имеется «Стейнвей». Нет, ему нужен такой дом, который любая женщина с радостью назвала бы настоящим.

Черт побери, вот только что ему делать с женщиной, даже если бы и нашлась бесшабашная особа, которая отважилась бы к нему переехать. Он слишком долго был холостяком, слишком долго. В его жизни конечно же время от времени появлялись женщины, но ни с одной из них долгих отношений не возникало. И что кривить душой, вина за это лежала исключительно на нем. Вернее, виновата была работа. Его подружки упорно отказывались понять, как можно, будучи в здравом рассудке, предпочитать семье безумную работу, связанную с бомбами и террористами. Все они как личное оскорбление воспринимали его нежелание бросить ради них эту чертову работу. А может, ему просто еще не встречалась женщина, ради которой он был бы готов уйти со службы.

И вот результат, подумал Сэм, устало глядя на корзину с ворохом мятой одежды. Беспечная холостяцкая жизнь.

Стиральная машина продолжала гудеть, а он отправился спать.

Как обычно, один.

В окнах дома номер 318 по Оушен-Вью-Драйв горел свет. Значит, кто-то есть дома. Эта бабенка Кормье? Роберт Бледсоу? Или оба?

Медленно проезжая в зеленом «джипе-чероки» мимо дома, он окинул его долгим взглядом.

Его внимание привлек густой кустарник под окнами, тени, отбрасываемые соснами и березами, высаженными по периметру земельного участка вокруг дома. Тайных уголков здесь хватает.

Затем его взгляд упал на автомобиль, припаркованный в квартале от дома. На него падал косой свет уличного фонаря, и он разглядел в нем силуэты двоих мужчин. «Копы», — подумал он. Наблюдают за домом.

Впрочем, торопиться ему нет резона. Не сегодня, так завтра.

Он заехал за угол и покатил дальше.

Это дело может подождать. Самая обычная зачистка, несложное дельце, которое можно будет провернуть, когда выдастся свободная минута. Пока же ему предстоит закончить другую, более важную работу. В его распоряжении всего одна неделя.

Он поехал дальше, в направлении города.

Ровно в девять утра появилась охрана, чтобы вывести Билли «Снежного человека» Бинфорда из тюремной камеры.

Его адвокат, Альберт Дарьен, уже ждал своего клиента. Через отделявшую их плексигласовую перегородку Билли разглядел мрачное выражение лица Дарьена. Все понятно: новости его ждут не самые хорошие. Билли сел напротив адвоката. Охранник стоял достаточно далеко и не мог слышать их разговор, но Билли был слишком опытен, чтобы говорить открыто. Конфиденциальность отношений адвоката и клиента — полная чушь. Если федералам или окружному прокурору приспичит взять человека за жабры, им ничего не стоит повсюду насажать жучков, подслушивая кого угодно, даже священника, исповедующего заключенного. Это просто возмутительно, как они нарушают права граждан.

— Привет, Билли! — поздоровался Дарьен через переговорное устройство. — Как с тобой обращаются?

— Как с турецким султаном. Как, черт побери, по-твоему, тут со мной могут обращаться? Ты задолжал мне несколько услуг, Дарьен. Телевизор. Мне нужен свой, личный телевизор.

— Билли, у нас проблемы.

Билли не понравился тон, каким Дарьен произнес эту фразу.

— Какие проблемы? — спросил он.

— Этот старый осел Лиддел отказывается обсуждать признание вины. Уперся и требует передачи дела прямо в суд. Любой другой окружной прокурор не стал бы этим заморачиваться, но я думаю, что Лиддел хочет использовать твое дело в качестве трамплина, чтобы усесться в губернаторское кресло.

— Лиддел собрался баллотироваться в губернаторы?

— Официально он пока еще об этом не заявлял. Но если он упечет тебя за решетку, то, думаю, это дельце у него выгорит. Честно тебе скажу, Билли, у него на тебя есть всего выше крыши. Хватит с лихвой, чтобы «закрыть» тебя.

Билли подался вперед и посмотрел на адвоката через плексигласовую перегородку:

— Я именно за это тебе и плачу. Так какого черта ты не можешь взять ситуацию под контроль?

— У них там на тебя горы компромата. Хобарта сделали свидетелем обвинения.

— Хобарт подонок. Облить его грязью, чтобы потом не отмылся, — пара пустяков.

— Они разжились документами поставок. Это все есть на бумаге, Билли.

— Отлично, тогда попытайся еще раз провернуть добровольное признание вины. Все, что угодно. Лишь бы ты как можно скорее вытащил меня отсюда.

— Я же сказал тебе, Лиддел слышать не желает ни о каком добровольном признании.

Билли замолчал, но через несколько секунд, понизив голос, добавил:

— О Лидделе можешь не беспокоиться. О нем позаботятся.

Дарьен удивленно уставился на своего клиента:

— Что ты хочешь этим сказать?

— Ты только добейся для меня признания. О Лидделе не беспокойся. Я сам займусь...

— Я не хочу ничего слышать об этом, — сказал Дарьен. Его руки заметно подрагивали. — Я ничего не хочу знать, ты понял?

— Тебе и не нужно ничего знать. Я все сделаю сам, без тебя.

— Не вмешивай меня в это дело.

— От тебя, Дарьен, требуется лишь одно: чтобы ты не довел это дело до суда. Ты меня понял?

— Понял, понял. — Дарьен нервно посмотрел на охранника, который не проявлял никакого интереса к их разговору. — Я попытаюсь.

— Смотри! — предупредил его Билли, и его губы растянулись в неприятной ухмылке. — На следующей неделе все будет по-другому. Окружной прокурор первым с радостью согласится обсудить добровольное признание вины.

— Это с какой стати? Что случится на следующей неделе?

— Ты же не желаешь ничего знать.

Дарьен сделал глубокий вдох и кивнул:

— Ты прав. Я ничего не желаю знать.

Нину разбудило буханье ритмичной танцевальной музыки. Даниэлу она нашла внизу. Та лежала на полированном полу зала для аэробики и старательно выполняла упражнения. Этим утром на Даниэле было блестящее розовое трико. Ее стройные ноги грациозно взлетали вверх в такт энергичной музыке. Какое-то время Нина восхищенно наблюдала за ней, зачарованная легкостью движений красивого, тренированного тела. Даниэла старательно работала над собой. Практически ничем другим она не занималась.

Выйдя замуж за Джорджа Кормье, она, похоже, сделала единственной целью своей жизни стремление к физическому совершенству.

Музыка закончилась. Даниэла легким движением вскочила на ноги. Потянувшись за полотенцем, она заметила Нину, стоявшую в дверях.

— Доброе утро!

— Доброе утро! — отозвалась Нина. — Я сегодня проспала. Отец уже уехал на работу?

— Ты же его знаешь. Любит уходить из дому на рассвете. — Даниэла вытерла полотенцем пот с лица.

Возникло неловкое молчание. Так бывало всегда. Скорее, это даже нечто большее, нежели простая неловкость во взаимоотношениях двоих посторонних людей. Просто с трудом верилось, что эта потрясающая золотоволосая богиня фактически была ее мачехой. Не имей они обе отношения к Джорджу Кормье, их больше ничто на свете не связывало бы.

Со всей очевидностью Нина поняла это сейчас, когда смотрела на идеально красивое лицо этой идеально красивой блондинки.

Даниэла уселась на велотренажер и принялась крутить педали.

— У Джорджа, кажется, заседание совета директоров, — сообщила она. — Он вернется к ужину. Да тебе уже дважды звонили за это утро. Один звонок был от полицейского, того самого симпатяги, ну, ты помнишь.

— Детектив Наварро?

— Да. Он хотел узнать, как у тебя дела.

«Он беспокоится обо мне», — подумала Нина. Как ни странно, настроение ее мгновенно улучшилось. Сэм хотел убедиться, что она жива и здорова. Впрочем, не исключено, что он просто пожелал удостовериться, что ему на руки не свалился очередной труп.

Да, скорее всего детектив Наварро звонил именно по этой причине.

Неожиданно загрустив, Нина собралась выйти из комнаты, но остановилась.

— А второй звонок? — спросила она. — Ты сказала, что звонили дважды. Кто это был?

— Да, верно, — ответила Даниэла, продолжая энергично крутить педали. — Второй звонок был от Роберта.

Нина удивленно посмотрела на нее:

— Звонил Роберт?

— Он хотел знать, здесь ли ты.

— Где он?

— У себя дома.

Нина недоверчиво покачала головой:

— Ты могла бы мне сразу сказать.

— Ты крепко спала. Я решила не будить тебя.

«Я не стану ждать его звонка, — подумала Нина. — Я хочу услышать его ответы как можно скорее. Хочу поговорить с ним, глядя ему в глаза».

Чувствуя, как бешено стучит в груди сердце, она вышла из дома и, сев в отцовский «мерседес», покатила в направлении Оушен-Вью-Драйв. Отцу машина сегодня не понадобится, в конце концов, в гараже у него стоят еще «ягуар» и БМВ.

Когда Нина подъехала к дому Роберта, ее била нервная дрожь. Ею владели одновременно и гнев и страх. Что же, черт возьми, она ему скажет?

Что он скажет ей в ответ?

Она поднялась на крыльцо и позвонила в дверь. Ключей у нее не было. Они остались у Сэма Наварро. В любом случае это больше не ее дом. Он никогда и не был ее домом.

Дверь открылась. Перед ней возник удивленный Роберт — в шортах и футболке. Лицо раскраснелось после зарядки. Не слишком похоже на человека, переживающего из-за своей невесты.

— Нина? — растерянно произнес он. — Я беспокоился за тебя.

— Прости, но мне с трудом в это верится.

— Я даже звонил в дом твоего отца...

— Что случилось, Роберт? — с горестным вздохом спросила она. — Почему ты так поступил?

Роберт отвел глаза — доказательство того, насколько они отдалились друг от друга.

— Это трудно объяснить.

— Мне тоже было трудно. Пришлось сказать людям, чтобы они расходились по домам. Я ничего не понимала. Почему все сразу рухнуло? Ты ведь мог сам сказать мне. За неделю. Даже за день до этого. Но ты бросил меня, оставил посреди церкви с идиотским букетом в руке. Я стояла и думала: неужели это я в чем-то виновата? Что я сделала не так?

— Дело не в тебе, Нина.

— Тогда в чем же?

Роберт не ответил. Он по-прежнему смотрел в сторону, не желая повернуть к ней лицо. Возможно, просто боялся заглянуть ей в глаза.

— Я прожила с тобой целый год, — сказала Нина с каким-то печальным удивлением. — И я не имею ни малейшего представления о том, что ты за человек.

Едва сдерживая рыдания, она прошла мимо него в дом и направилась прямо в спальню.

— Что ты делаешь? — крикнул ей вслед Роберт.

— Собираюсь забрать остальные вещи. И навсегда, черт возьми, уйти из твоей жизни!

— Нина, тебе не кажется, что это просто глупо с твоей стороны. Мы с тобой пытались добиться понимания. Но у нас ничего не получилось. Почему бы нам не остаться друзьями?

— А разве мы с тобой были друзьями?

— Хочется думать, что да. И почему бы нам ими не остаться?

Нина покачала головой и горько рассмеялась.

— Друзья не поворачивают нож, вонзив его тебе в спину. — С этими словами она шагнула в спальню и принялась выдвигать ящики комода. Вытащив одежду, она грудой свалила ее на кровать. Аккуратность ее не волновала. Хотелось одного: побыстрее покинуть этот дом и никогда больше сюда не возвращаться. Забыть навсегда и сам дом, и его хозяина. Еще минуту назад она надеялась, что их отношения все еще возможно исправить, так сказать, немного подлатать и попытаться начать новую жизнь. Теперь она знала: этого никогда не будет. Он ей больше не нужен. Она его не хочет. Она даже не помнит, что именно в Роберте Бледсоу когда-то привлекало ее. Его внешность, образование, медицинские дипломы — все это было прекрасно, но не настолько важно. Нет, то, что она видела в Роберте, — или ей казалось, что видела, — это его ум и его любовь. И он неустанно ей их демонстрировал.

Ну и актер!

Роберт наблюдал за ней с видом оскорбленного достоинства, как будто виновата во всем она сама. Впрочем, Нина оставила без внимания это выражение, подошла к шкафу, вытащила из него целую охапку платьев

и также свалила их на кровать. Куча была настолько велика, что грозила обрушиться на пол.

— Ты только за этим сюда и приехала? — спросил Роберт.

— Да.

— Тебе не хватит чемоданов.

— Тогда я воспользуюсь пакетами для мусора. И еще мне нужно забрать мои книги.

— Сегодня? Да у тебя их тут целые тонны!

— На этой неделе у меня будет масса свободного времени. Или ты забыл, что у меня сорвался медовый месяц?

— Будь разумной, Нина. Послушай, я знаю, что ты сердишься. Но, прошу тебя, не надо психовать.

— Хочу и психую! — крикнула она.

В следующий момент за их спинами раздалось чье-то негромкое покашливание. Оба удивленно оглянулись. В дверях спальни, глядя на Нину и Роберта чуть лукавым взглядом, стоял Сэм Наварро.

— Вас, полицейских, никто не учил, что нужно стучать в дверь, прежде чем войти? — рявкнул Роберт.

— Я стучал, — ответил Сэм. — Но мне никто не ответил. Кроме того, вы оставили входную дверь открытой.

— Вы нарушаете неприкосновенность жилища, — вспылил Роберт. — Вы в очередной раз заявились в мой дом без ордера.

— Ему не нужен ордер! — оборвала бывшего жениха Нина.

— Согласно закону у него должен быть ордер!

— Не должен, если я пригласила его сюда!

— Никого ты не приглашала. Он сам пришел в мой дом.

— Дверь была открыта, — повторил Сэм. — Я беспокоился за вас, — добавил он и посмотрел на Нину. — Было неразумно с вашей стороны, мисс Кормье, одной приехать сюда. Вы должны были позвонить мне, прежде чем уезжать из дома отца.

— Неужели я ваша пленница? С каких это пор? — пробормотала Нина и вернулась от шкафа к кровати с новой охапкой одежды. — Как вы узнали, что я здесь?

— Я позвонил вашей мачехе буквально через минуту после того, как вы уехали. Он предположила, что вы отправились сюда.

— И была права. Но я очень занята, как видите.

— Да, она умеет делать вид, будто занята, — проговорил Роберт.

Нина резко развернулась и смерила Роберта вопросительным взглядом:

— Что ты хочешь этим сказать?

— Я не единственный, кто во всем виноват! Чтобы разорвать отношения, требуются усилия обоих!

— Я не бросала тебя в церкви!

— Верно, но ты постоянно оставляла меня. Каждую ночь, много месяцев подряд.

— Что? Что-о-о?!

— Каждую чертову ночь я оставался здесь один! Я мог бы приходить домой и наслаждаться прекрасным ужином. Но тебя никогда не было дома.

— Я нужна была в больнице во время ночного дежурства. Я не могла, не имела права отказываться!

— Ты могла бы уволиться.

— Уйти с моей работы?! И чем бы, по-твоему, я стала заниматься? Изображать из себя счастливую домохозяйку перед человеком, который даже не может решить, нужно ли ему жениться на мне?

— Если бы ты любила меня, ты была бы счастлива.

— О боже! Поверить своим ушам не могу — ты делаешь меня главной виновницей всех бед! Значит, я тебя недостаточно любила?!

— Нина, мне нужно поговорить с вами, — вмешался в разговор Сэм.

— Не сейчас! — почти в унисон выкрикнули Нина и Роберт.

— Думаю, что тебе не помешает знать причину того, почему я повел себя так, а не иначе, — заявил Роберт, глядя на Нину. — Чтобы жить с тобой, требуется ангельское терпение. Так что вполне естественно, что я стал посматривать в другую сторону.

— «В другую сторону?» — Нина посмотрела на него так, как будто ей только что открылась некая истина. — Значит, была другая сторона.

— А как ты хотела?

— Я знаю ее?

— Сейчас это не имеет значения.

— Для меня имеет. Когда ты с ней познакомился?

Роберт отвел глаза:

— Давно.

— Как давно?

— Слушай, это совершенно не важно…

— Полгода мы с тобой планировали эту свадьбу. Мы с тобой. И ты ни разу не упомянул о том, что встречаешься с другой женщиной, так?

— Мне сейчас абсолютно ясно, что в данный момент ты не в состоянии рассуждать трезво. Пока ты не успокоишься, я не стану говорить с тобой на эту тему. — Роберт развернулся и вышел из комнаты.

— Я не способна рассуждать трезво?! — крикнула ему вслед Нина. — Да я сейчас трезвее, чем была шесть месяцев назад!

В ответ прозвучал хлопок входной двери.

«Другая женщина, — подумала Нина. — Ну как я сразу не догадалась! Я ничего не подозревала».

К горлу моментально подступил комок тошноты, и она опустилась на кровать. Одежда кучей полетела на пол, но Нина этого не заметила. Не замечала она и того, что плачет, что по ее щекам стекают и капают на блузку слезы. Ей было больно, и ничего больше она не чувствовала.

Она даже не заметила, как Сэм подошел и сел рядом.

— Он вас не стоит, Нина, — успокоил он ее. — Не надо из-за него так расстраиваться.

Лишь когда его рука осторожно коснулась ее плеча, она подняла голову и увидела, что он смотрит ей прямо в глаза.

— Я не расстраиваюсь, — ответила Нина.

Сэм нежно провел пальцами по ее мокрой от слез щеке.

— А я думаю, что расстраиваетесь.

— Нет, нисколько. — Нина разрыдалась и прижалась лицом к его груди. — Не расстраиваюсь, — прошептала она.

Она смутно ощутила, как его руки обняли ее спину. А затем он неожиданно еще крепче прижал ее лицо к своей груди. Сэм не проронил ни слова. Какой немногословный полицейский. Его дыхание согревало ей волосы, губы почти касались ее лба. Она даже услышала, как бьется в груди его сердце.

Так же часто, как и ее собственное.

Это ничего не значит, подумала она. Он просто проявил доброту и сочувствие. Успокаивает, как успокаивал бы любого, кто нуждается в утешении. Она точно так же поступает на работе в палате экстренной медицинской помощи. То была ее работа. А это — его работа.

И все-таки его участие было приятно.

Ей потребовалось усилие воли, чтобы высвободиться из его объятий. Отстранившись, она посмотрела ему в лицо — оно по-прежнему сохраняло бесстрастное выражение. Никакой страсти, никакого желания. Перед ней был слуга закона, умевший держать в кулаке свои чувства.

Нина быстро вытерла слезы. Она чувствовала себя глупо — все-таки мало приятного в том, что детектив Сэм Наварро стал свидетелем того, как они с Робертом выясняли отношения. Теперь он в курсе их дел, знает все — вплоть до самых мелких, унизительных подробностей. Ей было стыдно смотреть ему в глаза.

Нина встала и принялась подбирать с пола одежду.

— Не хотите поговорить об этом? — спросил он.

— Нет.

— А по-моему, вам бы не помешало. Человек, которого вы любили, любит другую женщину. Думаю, вам не позавидуешь.

— Отлично, мне нужно поговорить об этом! — разозлилась Нина и, швырнув охапку одежды на кровать, посмотрела Сэму в глаза. — Но только не с бездушным полицейским, которому на все просто наплевать!

Возникла долгая пауза. Хотя он все так же бесстрастно смотрел на нее, Нина угадала, что нанесла ему весьма болезненный удар. Впрочем, он был слишком горд, чтобы это признать.

Она покачала головой:

— Извините, ради бога, извините, Наварро. Я не хотела. Вы не заслуживаете таких слов.

— Вообще-то, наверно, заслуживаю.

— Вы просто делаете свою работу, а я набрасываюсь на вас. — Злясь на себя за опрометчивые слова, Нина села на кровать рядом с ним. — Я выплеснула на вас свои отрицательные эмоции, а сердита на саму себя. Как это я позволила ему внушить мне, будто действительно в чем-то виновата.

— Кстати, в чем виноваты?

— В этом-то все дело! Я не знаю, почему я должна чувствовать себя в чем-то виноватой. Послушать его, выходит, я им постоянно пренебрегала. Но я никогда бы не оставила моей работы, даже ради него. Я люблю свою работу.

— Он врач. Должно быть, ему тоже приходится много часов проводить в больнице. По ночам и в выходные.

— Большую часть выходных он тоже работал.

— Вас это обижало?

— Конечно нет. Это ведь его работа.

— И что? — Сэм посмотрел на нее, вопросительно подняв брови.

— Старые добрые двойные стандарты, — вздохнув, ответила Нина.

— Точно. Я бы не стал давить на жену, чтобы та ушла с работы, которую она любит, только для того, чтобы она готовила мне обеды и ужины и каждый вечер ждала моего прихода.

Нина посмотрела на собственные руки, лежавшие на коленях.

— Не стали бы?

— Это не любовь, это обладание. Собственнические инстинкты.

— Я думаю, что ваша жена — счастливая женщина, — мягко и задумчиво произнесла Нина.

— Я просто теоретически рассуждал.

Нина нахмурилась:

— Вы хотите сказать… вы имели в виду гипотетическую… потенциальную жену?

Сэм кивнул.

Выходит, он не женат. Ее щеки тотчас порозовели от неожиданной радости. Боже, что это с ней происходит?

Нина отвернулась. Не хотелось бы, чтобы детектив заметил смущение в ее глазах.

— Вы сказали… э-э-э… что вам нужно со мной поговорить.

— Это связано с вашим делом.

— Должно быть, это для вас важно, если вы взяли на себя труд отыскать меня и приехать сюда.

— Боюсь, что дело приняло неожиданный оборот. Кстати, не слишком приятный.

Нина внутренне напряглась:

— Что случилось?

— Пожалуйста, расскажите мне, что вам известно о церковном стороже.

Нина смущенно покачала головой:

— Я его совсем не знаю. Ни его самого, ни его имени.

— Его звали Джимми Броган. Весь вчерашний вечер мы пытались отыскать его. Нам стало известно, что это он вчера утром открыл двери церкви. Все утро он то входил в храм, то выходил из него. Но похоже,

никто не видел, куда он направился после взрыва. Мы знаем, что он не появился в соседнем баре, куда обычно заходил каждый день.

— Вы сказали «его звали». Не значит ли это, что…

Сэм кивнул:

— Сегодня утром мы нашли его тело. В его собственной машине, которая стояла посреди поля в Скарборо. Убит выстрелом в голову. Пистолет валялся в салоне. На нем отпечатки его пальцев.

— Самоубийство? — спросила Нина едва ли не шепотом.

— Похоже на то.

Нина замолчала, потрясенная услышанным.

— Мы ждем отчета из криминалистической лаборатории. Есть много фактов, которые лично мне не дают покоя. Слишком все как-то аккуратно сделано, слишком типично для самоубийства. Никаких ниточек, за которые мы могли бы потянуть. Никаких явных мотивов.

— Включая даже взрыв бомбы?

— Да, включая даже взрыв бомбы. В багажнике машины были найдены предметы, которые свидетельствуют о причастности Брогана к взрыву. Детонирующий шнур и зеленая изолента. Все это весьма веские доказательства.

— Вы как-то не слишком убедительно это произнесли.

— Проблема в том, что, насколько нам известно, у Брогана не было никакого опыта обращения со взрывчаткой. Кроме того, мы не смогли установить никаких мотивов, которые бы подтолкнули его к взрыву бомбы. Не было ему смысла нападать и на вас. Вы смогли бы нам помочь?

Нина мотнула головой:

— Мне ничего не известно об этом чело веке.

— Вам что-то говорит фамилия Броган?

— Нет, ничего.

— Но он вас знал. В машине обнаружили клочок бумаги с вашим адресом.

Нина растерянно посмотрела на Сэма. Тот ответил ей невозмутимым взглядом. Она ничего не смогла прочитать в его глазах, и ей сделалось немного не по себе. Как же глубоко под личиной полицейского прячет этот человек свою истинную суть!

— Откуда у него мог оказаться мой адрес? — спросила она.

— Какая-то связь между вами все-таки должна быть.

— Я не знаю людей по фамилии Броган.

— Почему он пытался убить вас? Почему хотел столкнуть с дороги?

— Откуда вам известно, что это был он?

— Его машина. Та, в которой мы нашли его тело.

Нина сглотнула застрявший в горле комок.

— Черная машина?

Сэм кивнул:

— Да, черный «форд».

Глава 5

Сэм отвез ее в морг. Всю дорогу они молчали. Он не торопился поделиться известной ему информацией, она же была слишком напугана, чтобы поинтересоваться подробностями. По пути ей не давала покоя мысль: «Кто такой этот Джимми Броган и почему он хотел убить меня?»

В морге, пока они шли по коридору, Сэм крепко держал ее за руку. Он был рядом с ней, когда служитель отвел их к ряду выдвижных ящиков, в

которых хранились мертвые тела. Когда тот вытащил нужный ящик, Нина невольно вздрогнула. Сэм тотчас обнял ее за талию — хотел поддержать, зная, что сейчас ее ждет малоприятное зрелище.

— Зрелище не для слабонервных, — предупредил служитель. — Вы готовы?

Нина кивнула.

Служитель приподнял простыню и отступил в сторону. За годы работы медсестрой Нина насмотрелась всякого, но такое видела впервые. Ей хватило лишь одного взгляда на лицо мертвеца — точнее, того, что от него осталось. Она поспешно отвела глаза.

— Я не знаю его, — прошептала она.

— Вы уверены? — спросил Сэм.

Нина кивнула. Ноги неожиданно сделались ватными, и она пошатнулась. Наварро моментально поддержал ее и повел прочь.

В кабинете коронера ей предложили выпить чаю, и она сидела, держа чашку обеими руками, пока Сэм разговаривал по телефону со своим напарником. Суть разговора она воспринимала смутно, как во сне. Сэм Наварро был, как всегда, спокоен и деловит, будто только что представшая их взорам жуткая картина не произвела на него никакого впечатления.

— ...не признала его. И не вспомнила его имени. Ты уверен, что это не вымышленная фамилия? — произнес в трубку Сэм.

Нина продолжала сжимать чашку, но не сделала ни глотка, опасаясь, что ее может вывернуть наизнанку. На столе возле нее лежало досье на Джимми Брогана. Большая часть того, что она узнала из этой папки, не пробудила в ней никаких воспоминаний. Она не вспомнила ни его адреса, ни имени жены. Было знакомо лишь место работы: церковь Доброго Пастыря. «Интересно, — подумала она, — предупредили ли преподобного Салливана? Выписали ли его уже из больницы?»

Самоубийство церковного сторожа наверняка станет для старика двойным потрясением. Сначала — взрыв бомбы в церкви. И вот теперь — церковный сторож наложил на себя руки. Нужно навестить Салливана, узнать, все ли с ним в порядке...

— Спасибо, Джиллис. Я вернусь в три. Да, хорошо, сделай все там, договорились? — Сэм положил трубку и повернулся к Нине. Заметив выражение ее лица, он нахмурился. — Все в порядке?

— Да, все нормально, — ответила Нина и, невольно вздрогнув, еще крепче сжала чашку.

— Вы не очень хорошо выглядите. Вам нужно время, чтобы прийти в себя. — Он протянул ей руку. — Сейчас самое время перекусить. Тут рядом есть уличное кафе.

— Вы еще можете думать о еде?

— Я стараюсь не пропускать время приема пищи. Или вы хотите, чтобы я отвез вас домой?

— Мне все равно, — ответила Нина, вставая с кресла. — Поскорее уведите меня отсюда.

Сэм с волчьим аппетитом уничтожал гамбургер, Нина рассеянно ковырялась в салате.

— Просто в голове не укладывается, — призналась она. — Как можно, выйдя из морга, заставить себя что-то съесть?

— Меня вынуждает необходимость, — пожал плечами Сэм. — Если перестать питаться, на работе можно быстро превратиться в бесплотную тень.

— Вы, должно быть, на своей службе всякой жути повидали.

— Думаю, вы на своей работе тоже всякого насмотрелись в палате экстренной медицинской помощи.

— Да, но к нам все-таки привозят живых.

Сэм вытер пальцы салфеткой и отодвинул тарелку в сторону.

— Верно. При взрыве бомбы, когда мы приезжаем на место происшествия, для нас редкая удача, если кто-то остается в живых. Если вообще что-то находим.

— Как вы с этим живете? Как вы выдерживаете на такой службе?

— Бросаю ей вызов. Кто кого.

— Нет, в самом деле, Наварро. Как вы выдерживаете этот ужас?

— Называйте меня Сэм, договорились? Что касается того, как я с этим справляюсь, то тут уместнее спросить, почему я это делаю. По правде говоря, вызов — действительно не последнее дело. Люди, которые взрывают бомбы, — особая, уникальная порода преступников. Террорист — это не парень, который владеет винным магазином рядом с вашим домом. Это — изобретательные типы. Среди них есть настоящие гении своего черного дела. Но в то же время они трусы. Это, так сказать, убийцы, действующие на расстоянии. Это делает их особенно опасными. Обожаю ловить этих типов и отправлять за решетку.

— То есть вы получаете удовольствие от поимки преступников.

— «Удовольствие» не совсем верное слово. Тут было бы уместнее сказать, что их поиск подобен мозаике, которую я не в силах выпустить из рук. Я смотрю на ее фрагменты и никак не могу отложить их в сторону. Я пытаюсь понять, что за извращенный ум создал эту штуку. — Сэм покачал головой. — Возможно, именно это любопытство и делает из меня чудовище, которое из любопытства не прочь помериться умом с отъявленными злодеями.

— Может, это означает, что вы отличный, выдающийся коп.

Сэм рассмеялся:

— Или то, что я такой же чокнутый, как эти чертовы террористы.

Глядя на его улыбающееся лицо, Нина неожиданно поймала себя на том, что буквально пару часов назад эти глаза казались ей неприятными и колючими. Улыбка превратила Сэма Наварро из бездушного полицейского в нормальное человеческое существо. И в очень симпатичного парня.

«Только не вздумай влюбиться», — мысленно одернула она себя. Не хватало, чтобы от Роберта она ушла прямиком к полицейскому, фанатично влюбленному в свою работу.

И она заставила себя отвести взгляд в сторону, лишь бы только смотреть куда угодно, но только не на его лицо. Объектом наблюдения она выбрала собственные руки. Точнее, длинные загорелые пальцы.

— Если бомбу взорвал Броган, то мне, видимо, больше нет причин опасаться за свою безопасность.

— Если бомбу взорвал именно он, а не кто-то другой.

— Улики вполне убедительные. Почему я не слышу в ваших словах уверенности?

— Не могу объяснить этого. Просто… я нутром это чувствую. Наверно, это инстинкт. Вот поэтому я прошу, чтобы вы были осторожны.

Нина подняла голову и встретилась с ним взглядом. От улыбки на его лице не осталось и следа. Перед ней снова сидел холодный, рассудительный коп.

— Вы считаете, что еще ничто не закончилось? — спросила Нина.

— Да, я так считаю.

Сэм отвез Нину обратно на Оушен-Вью-Драйв и помог ей загрузить в багажник «мерседеса» несколько стопок книг и охапок одежды. Лишь убедившись, что она благополучно добралась до отцовского дома, он вернулся в участок.

В три часа состоялось совещание, на котором, кроме Наварро, присутствовали Джиллис, Танака из криминалистической лаборатории и третий сотрудник антитеррористического отдела, Фрэнсис Кули. Каждый из них выложил, образно выражаясь, свой фрагмент мозаики.

Первым заговорил Кули:

— Я проверил, а затем перепроверил имеющиеся сведения на Джимми Брогана. Это не псевдоним, а его подлинное имя. Сорок пять лет, родился и вырос в Южном Портленде, незначительное криминальное прошлое. Женился десять лет назад. Детей нет. Восемь лет назад священник Салливан взял его на работу. Броган работал в церкви сторожем и подсобным рабочим. С ним не было никаких проблем, правда, несколько раз опаздывал на работу и страдал похмельем. В армии не служил. Образование школьное среднее. Умом не блистал. Жена говорит, что он был косноязычен. Я не представляю себе, как этот парень мог заложить бомбу.

— Есть у миссис Броган какие-нибудь мысли о том, каким образом у ее покойного мужа мог оказаться адрес Нины Кормье? — спросил Сэм.

— Нет. Она никогда раньше не слышала этого имени. И потом, жена покойного утверждает, что адрес записан чужим почерком, не рукой ее супруга.

— У них были какие-нибудь семейные проблемы?

— Нет, она утверждает, что у них была счастливая семья. Она очень горюет из-за смерти мужа.

— Получается, что мы имеем в качестве главного подозреваемого счастливого в браке, косноязычного, малограмотного сторожа?

— Боюсь, что это так, Наварро.

Сэм покачал головой:

— Дела с каждой минутой становятся все хуже и хуже. — Он посмотрел на Танаку: — Эдди, прошу тебя, дай нам несколько ответов на наши вопросы.

Танака, как обычно, сначала нервно откашлялся.

— Тебе не понравится то, что я сейчас скажу.

— Ну что же, ударь меня побольнее, дружище.

— Хорошо. Во-первых, пистолет, найденный в машине, числится среди украденных в прошлом году стволов. Похищен у официально зарегистрировавшего его жителя Майами. Мы не знаем, где Броган мог взять пистолет. Жена утверждает, что он совершенно не разбирался в огнестрельном оружии. Во-вторых, автомобиль Брогана — это тот самый «форд», который столкнул «хонду» Нины Кормье с дороги. Кусочки краски совпадают. В-третьих, предметы, найденные в багажнике, — это те же самые элементы взрывного устройства, которое было подложено в церкви. Зеленая изолента двухдюймовой ширины. Идентичный детонаторный шнур.

— Почерк Винсента Спектера, — заметил Джиллис. — Зеленая изолента.

— Это может означать и то, что мы имеем дело с учеником Спектера. А сейчас выложу то, что тебе уж точно не понравится. Мы получили предварительный отчет коронера. На руке трупа нет следов пороха. Это заключение не обязательно является доказательством, потому что порох можно стереть, но такого просто не может быть в случае самоубийства. К тому же этой версии противоречит трещина в черепе.

— Что-о-о?! — почти в унисон воскликнули Наварро и Джиллис.

— Вмятина и трещина в черепе, в теменной кости. Из-за пулевого повреждения тканей ее не сразу заметили. Однако рентгеновский снимок ее выявил. Джимми Брогана ударили по голове. Ударили до того, как в него выстрелить.

Молчание в комнате продолжалось добрых десять секунд.

Первым его нарушил Джиллис:

— А ведь я почти повелся на это. Повелся со всеми потрохами.

— Он крут, — произнес Сэм. — Но не слишком крут. — Он посмотрел на Кули: — Мне нужны дополнительные сведения на Брогана. Я хочу, чтобы ты и твоя команда раздобыли имена всех его друзей, всех знакомых. Переговорите со всеми. Похоже, что наш сторож водился с плохими парнями. Может быть, кто-то что-то знает, кто-то что-то видел.

— Разве парни из убойного отдела не станут разгребать это дерьмо?

— Мы тоже будем его разгребать. Они могут что-нибудь пропустить. И не влезай в их игры, договорились? Нам их славы не надо. Нам нужен лишь наш террорист.

Кули наигранно вздохнул и встал из-за стола.

— Думаю, что тут замешана вдова Брогана.

— Джиллис, — сказал Сэм. — Я хочу, чтобы ты поговорил с шафером и подружкой невесты еще раз. Проверь, есть ли какие-нибудь ниточки, которые связывают их с Броганом. Может быть, они опознают его на фото. Я съезжу в больницу и поговорю с Салливаном. И еще я снова пообщаюсь с доктором Бледсоу.

— А что там невеста? — полюбопытствовал Джиллис.

— Я уже задал ей несколько вопросов. Утверждает, что не знает его. Полностью отрицает.

— Мне ее жаль. Это надо же, как ее угораздило оказаться в самой гуще событий!

— Согласен. И главное, она не имеет ни малейшего представления о том, почему это случилось. Но может быть, ее бывший жених знает.

На этом совещание закончилось и все разошлись выполнять задания. Для того чтобы найти злоумышленника, взорвавшего бомбу, требуются

усилия целой команды. Хотя с Сэмом работали хорошие люди и классные специалисты, он знал, что парни на пределе. После случайной смерти полицейского от взрыва, прогремевшего неделю назад, расследованием занялся убойный отдел, который, как безумный, работал на износ, не жалея ни людей, ни ресурсов. Антитеррористический отдел они воспринимали как взвод технарей, то есть тех, кого вызывают, когда не хотят лишиться собственной головы при взрыве.

Парни из убойного отдела умны.

Однако парни из антитеррористического отдела еще умнее.

Вот поэтому Сэм Наварро лично отправился в медицинский центр штата Мэн, чтобы еще раз переговорить со священником Салливаном. Самые последние сведения о смерти Джимми Брогана направляли следствие в совершенно новое русло. Возможно, Броган был просто безобидным простофилей. Возможно, он стал свидетелем чего-то такого, о чем мог поведать отцу Салливану.

В больнице Сэму сказали, что преподобного Салливана утром перевели из палаты интенсивной терапии в обычную. Угроза инфаркта миновала.

Войдя в палату, Сэм увидел, что священник сидит на кровати с хмурым выражением лица. У него уже был посетитель — Дик Йетс из убойного отдела, не самый симпатичный, на взгляд Сэма, персонаж.

— Привет, Наварро, — произнес Йетс своим обычным самодовольным тоном. — Тебе не нужно было тащиться сюда. Мы занимаемся делом Брогана.

— Я хотел бы лично поговорить с преподобным Салливаном.

— Он ничем не сможет помочь тебе.

— Тем не менее, — стоял на своем Сэм, — мне хотелось бы задать ему несколько вопросов.

— Не возражаю, — все так же самодовольно бросил Йетс и направился к выходу. — Мне кажется, что вам, ребятам из антитеррористического, лучше не тратить драгоценное время и заниматься своими проблемами, пока мы будем раскручивать это дело.

Сэм повернулся к священнику — тот, похоже, слушал разговор полицейских без особого восторга.

— Извините, отец Салливан, — начал Сэм, — но мне придется немного побеспокоить вас и задать пару вопросов.

Преподобный Салливан покорно вздохнул. По его морщинистому лицу было видно, что он устал.

— Я вряд смогу сообщить вам что-то новое.

— Вам уже рассказали о смерти Брогана?

— Да. Этот полицейский из отдела по расследованию убийств…

— Детектив Йетс.

— Он поведал мне подробностей больше, чем следовало. Мне не нужны… все эти излишние детали.

Сэм опустился на стул. Сегодня священник выглядел немного бодрее, хотя и не самым лучшим образом. События последних суток, несомненно, сказались на старике. Сначала взрыв в церкви, затем убийство сторожа. Сэму очень не хотелось тревожить старика дополнительными расспросами, однако иного выбора у него не было.

К сожалению, новых ответов он не получил. Салливан был не в курсе личной жизни своего сторожа. Он также не представлял себе, по какой причине Броган мог задумать взрыв в церкви Доброго Пастыря. Незначительные события отрицательного характера в храме, конечно, происходили. Несколько актов вандализма и мелкие кражи. Именно по этой причине он и начал запирать двери храма по ночам, что лично ему было крайне неприятно, потому что храм должен быть открыт для

страждущих в любое время дня и ночи. Однако страховая компания настояла, чтобы храм запирался, и Салливан велел персоналу закрывать церковь в шесть часов вечера и открывать ее в семь утра.

— После этого акты вандализма повторялись? — поинтересовался Сэм.

— Ни разу, — ответил священник. — То есть до взрыва бомбы ни разу.

Да, это тупик, подумал Наварро. Йетс был прав. Не стоило здесь появляться. Только зря время потратил.

Он встал и направился к выходу, но неожиданно раздался стук в дверь, и в комнату сунула голову какая-то коренастая полная женщина.

— Преподобный Салливан, я вам не помешаю? — спросила незнакомка.

Печаль во взгляде священника сменилась выражением радости. И благодарности.

— Хелен! Я так рад, что вы вернулись! Вы слышали о том, что у нас стряслось?

— Утром показывали в новостях. Как только я узнала об этом, сразу собрала вещи и отправилась домой.

Держа в руке букетик гвоздик, женщина подошла к священнику и трогательно его обняла.

— Я видела церковь, проезжая мимо. Это ужасно.

— Вы не знаете самого плохого, — сказал Салливан. — Джимми мертв.

— О господи! — Хелен в ужасе отпрянула. — Что… неужели при взрыве?

— Нет. Говорят, будто он застрелился. Я не знал, что у него был пистолет.

Хелен неуклюже сделала шаг назад. Сэм подхватил ее под локоть и усадил на стул, с которого только что поднялся. Лицо Хелен побледнело. Было видно, что она потрясена услышанным.

— Простите меня, мэм, — осторожно начал Сэм. — Я детектив Наварро из полиции Портленда. — Могу я узнать ваше полное имя?

— Хелен Уиппл, — ответила женщина.

— Вы работаете секретарем в церкви?

Женщина удивленно посмотрела на него:

— Да, да.

— Мы пытались связаться с вами, мисс Уиппл.

— Я была… я гостила у сестры, в Амхерсте. — Хелен сжала руки и покачала головой. — Я не могу поверить в это. Я ведь видела Джимми еще вчера. Не могу поверить, что его больше нет.

— Вы видели Брогана? В какое время?

— Это было рано утром, до того как я выехала из города. — Она принялась копаться в сумочке, отчаянно пытаясь отыскать носовой платок. –

Я остановилась, чтобы до отъезда оплатить кое-какие счета.

— Вы с ним разговаривали?

— Естественно. Джимми такой… — Из горла Хелен вырвалось сдавленное рыдание. — Он был такой дружелюбный человек. Он часто заходил в мой кабинет поболтать. Я уезжала на выходной к сестре, а мистера Салливана еще не было. Я в последнюю минуту попросила Джимми уладить кое-какие дела.

— Какие?

— Предстоял суматошный день. Знаете, в церкви должна была состояться свадьба. Флорист постоянно заходил ко мне в кабинет, чтобы позвонить по телефону. В мужском туалете протекала раковина, и нужно было вызвать сантехника, чтобы устранить неисправность. Мне пришлось дать Джимми несколько последних указаний. Куда убрать

свадебные подарки, какому сантехнику позвонить. Я так обрадовалась, когда прибыл мистер Салливан и я смогла, наконец, уехать.

— Простите меня, мэм, — перебил ее Сэм. — Вы что-то сказали о свадебных подарках.

— Да, верно. Это, конечно, пустяк, но кто-то отправил подарки прямо в церковь, а не в дом невесты.

— Сколько же подарков оказалось в церкви?

— Только один. Джимми, бедный Джимми... Это так несправедливо. Его жена и...

Сэм изо всех сил пытался сохранить терпение.

— Так что это был за подарок?

— Ах да. Джимми сказал, что его принес какой-то человек. Он показал его мне. Очень красиво упакованная вещица, с ленточками и чудесными серебряными колокольчиками.

— Мисс Уиппл, — снова прервал ее Сэм. — Что случилось с подарком?

— Не знаю. Я велела Джимми передать его матери невесты. Наверно, он так и сделал.

— Но ведь матери невесты в церкви еще не было, верно? Так что же Джимми сделал с этим подарком?

Хелен Уиппл беспомощно пожала плечами:

— По всей видимости, оставил его там, где она могла его найти. На передней скамье.

Передняя скамья. Эпицентр взрыва.

— Кому был адресован подарок? — резко спросил Сэм.

— Жениху и невесте конечно же.

— Доктору Бледсоу и его невесте?

— Да. Так и было написано на карточке. Доктору и миссис Бледсоу.

Теперь все довольно пугающе сходится, подумал Сэм, вернувшись в машину. Метод доставки. Время взрыва. Но главная цель злоумышленника еще не вполне ясна. Кто же должен был погибнуть — Нина Кормье или Роберт Бледсоу? Или оба?

Он знал, что у Нины нет ответа на этот вопрос. Она не в состоянии назвать своих врагов и помочь ему ничем не может.

Поэтому Сэм отправился на Оушен-Вью-Драйв, к дому Роберта Бледсоу. На сей раз доктор ответит на его вопросы. Первым будет такой: кто та женщина, с которой он встречался, и ревновала ли она своего возлюбленного? Задумала ли она смерть десятка людей, присутствующих в церкви?

За два квартала до дома Бледсоу Сэм понял, что что-то не так. Впереди мелькали огни проблесковых маячков полицейских машин. На тротуарах толпились зеваки.

Сэм остановил машину и быстро протиснулся через толпу. Возле подъездной дорожки к дому Бледсоу была натянута желтая лента полицейского ограждения. Сэм показал свой жетон патрульному и шагнул внутрь оцепления. Детектив Дик Йетс приветствовал его своим обычным самодовольным тоном:

— Привет, Наварро. Тут все под нашим контролем.

— Что под вашим контролем? Что тут случилось?

Йетс кивком указал на стоявший чуть поодаль БМВ.

Сэм медленно обошел автомобиль сзади и только сейчас увидел кровь, которой был заляпан руль и переднее сиденье. Небольшая лужица вытекла из салона на землю.

— Роберт Бледсоу, — пояснил Йетс. — Выстрел в висок. Скорая его только что увезла. Он все еще жив, но вряд ли выкарабкается. Он как раз

подъехал к дому и выходил из машины. В багажнике пакет с едой. Мороженое чуть подтаяло. Соседка заметила, как от дома быстро рванул какой-то зеленый «джип». Ей кажется, что она видела за рулем мужчину, но толком не успела разглядеть его лицо...

— Мужчина? — оборвал его Сэм. — Темноволосый?

— Точно.

— О господи! — Сэм развернулся и направился к своей машине. Нина, подумал он, и неожиданно перешел на бег. Темноволосый мужчина столкнул машину Нины Кормье с дороги. Роберт Бледсоу мертв. Неужели Нина следующая?

Сэм услышал, как Йетс крикнул ему вслед:

— Наварро!

Но Сэм его уже не слушал. Прыгнув за руль, он, проскрежетав шинами, развернулся и поехал обратно. А чтобы никто не мешал, включил аварийные световые сигналы и так мчался до самого дома Джорджа Кормье.

Ему показалось, что он звонил целую вечность, прежде чем дверь открылась и на пороге возникла Даниэла. Ее безупречно красивое лицо расплылось в улыбке.

— Здравствуйте, детектив!

— Где Нина? — требовательно спросил он, пройдя мимо нее в дом.

— Она наверху. А что случилось?

— Мне нужно поговорить с ней. Срочно. — С этими словами Сэм бросился вверх по лестнице. Однако тотчас замер на месте, услышав шаги, доносившиеся с верхней площадки. Подняв голову, он увидел Нину.

С ней все в порядке, с облегчением подумал Сэм. С ней по-прежнему все в порядке.

На ней были джинсы и футболка. Через плечо переброшен ремешок сумочки. Судя по всему, она собиралась выйти из дому.

Спускаясь вниз по лестнице, она оставляла за собой приятный шлейф ароматов мыла и шампуня. «Ее запах», — подумал он, испытав волнующее чувство узнавания. Когда же он успел запомнить этот запах?

Спустившись на нижнюю ступеньку, Нина нахмурилась.

— Что-то случилось? — спросила она.

— Так вам никто еще не звонил? Вам ничего не сообщали?

— О чем?

— О Роберте.

Нина буквально на глазах сникла и пристально посмотрела на Сэма. В ее глазах он прочел немой вопрос. Ей было страшно задать его вслух.

Сэм взял ее за руку. Та была холодной.

— Вам лучше пойти со мной.

— Куда?

— В больницу. Его отвезли в больницу.

Он осторожно довел ее до двери.

— Подождите! — неожиданно крикнула Даниэла.

Сэм оглянулся. Даниэла застыла на месте. Судя по взгляду, ее охватила паника.

— Что с Робертом? Что с ним случилось?

— В него стреляли. Это произошло совсем недавно, считаные минуты тому назад, прямо перед его домом. Боюсь, что дела его плохи.

Даниэла в ужасе отшатнулась. Ее реакция, испуганное выражение лица подсказали Сэму то, что ему нужно было узнать. «Даниэла и есть та женщина, с которой встречался Роберт, — подумал он. — Любовницей доктора была эта блондинка с безупречным телом и красивым лицом».

Сэм почувствовал, как дрожит рука Нины. Он слегка подтолкнул ее к двери.

— Нам нужно ехать, — сказал он. — Времени у нас в обрез.

Глава 6

Следующие четыре часа они провели в приемном покое больницы.

Хотя Нины в данный момент не было среди тех, кто боролся за жизнь Роберта, она живо представляла себе, что сейчас происходит за закрытыми дверями операционной. Переливание крови и физиологического раствора. Контроль за работой сердца и кровяным давлением. Как хорошо Нина все это знала! Ведь в иные времена она сама занималась пациентами, будучи частью команды медиков, спасавших человеческие жизни. Сейчас же у нее иная роль — ждать за дверями, переживая за исход операции. Пусть ее отношения с Робертом безвозвратно оборвались, пусть она не простила ему предательства, она не желала ему зла.

И тем более смерти.

Лишь присутствие Сэма помогло ей сохранять спокойствие и не впасть в истерику этим долгим, показавшимся бесконечным вечером. Приходили и уходили какие-то другие полицейские. Час шел за часом, но лишь Сэм Наварро оставался с ней рядом. Он сидел на больничном диванчике, сжав руки в молчаливом сочувствии. Было видно, что он устал, и тем не менее не покидал ее. Стрелка часов приблизилась к десяти вечера.

Сэм оставался рядом с ней до той минуты, когда из палаты вышел нейрохирург и сообщил, что Роберт Бледсоу скончался на операционном столе.

Нина приняла этот удар молча. Потрясение было столь велико, что у нее не нашлось даже слез. Все, что она смогла из себя выжать, — это негромкое «спасибо вам за все ваши старания». Она даже не заметила, как Сэм обнял ее за талию. Лишь когда, обмякнув, она привалилась к нему, до нее дошло, что он рядом, поддерживает ее и не дает упасть.

— Я отвезу вас домой, — предложил он. — Здесь вам больше нечего делать.

Нина покорно кивнула. Сэм помог ей встать и повел к выходу. Они были уже на полпути к двери, когда ее позвал чей-то голос:

— Мисс Кормье! Мне нужно задать вам несколько вопросов.

Нина обернулась: перед ней стоял человек с неприятным лицом грызуна. Это он обратился к ней. Она не помнила его имени, но знала, что это коп. Он весь вечер крутился в приемном покое, постоянно куда-то выходил и возвращался снова. Теперь он изучающе смотрел на нее, и его взгляд почему-то был ей неприятен.

— Давай попозже, Йетс, — бросил ему Сэм, ведя Нину к выходу. — Сейчас не лучшее время для разговоров.

— Сейчас самое лучшее время задавать вопросы, — упрямо возразил полицейский с лицом грызуна. — Сразу после случившегося.

— Она сказала мне, что ничего об этом не знает.

— Мне она этого не говорила, — упрямо заявил Йетс, глядя Нине в глаза. — Мисс Кормье, я из отдела по расследованию убийств. Ваш жених так и не пришел в сознание, и мы не смогли допросить его. Вот поэтому я хочу поговорить с вами. Где вы были сегодня днем?

Озадаченная вопросом Нина лишь мотнула головой:

— Я была в доме отца. Я узнала об этом только недавно...

— Лишь когда я рассказал ей, — вмешался в разговор Сэм.

— Ты, Наварро?

— Я прямо с места преступления поехал в дом ее отца. Нина была там. Это может подтвердить Даниэла Кормье.

— Я обязательно это проверю, — ответил Йетс, все так же буравя Нину крысиными глазками. — Насколько мне известно, вы с доктором Бледсоу расторгли вашу помолвку. Кроме того, вы как раз собирались переехать из его дома в другое место.

— Да, — еле слышно произнесла Нина.

— Как я понимаю, вы наверняка чувствовали себя оскорбленной. Вы собирались… э-э-э… вернуться к нему?

Испуганная подтекстом вопроса, Нина энергично тряхнула головой:

— Вы хотите сказать… что я могу иметь к этому какое-то отношение?

— А разве нет?

Между ними решительно встал Сэм:

— Хватит, Йетс!

— Да ты кто такой, Наварро? Ее адвокат?

— Она не обязана отвечать на такие вопросы.

— Нет, обязана. Может, и не сейчас, но обязана. Ей все равно придется ответить на них.

Сэм взял Нину за руку и решительно повел к выходу.

— Будь осторожен, Наварро! — крикнул ему вслед Йетс, когда они выходили из больничных дверей. — Ты шагаешь по тонкому льду!

Сэм ничего не ответил, однако Нина догадалась, что он буквально кипит от ярости. Об этом говорило то, как крепко он сжимал ее руку весь путь до автостоянки.

— Спасибо, Сэм, — негромко произнесла она, когда они сели в машину.

— За что?

— За то, что увели меня от этого ужасного человека.

— В конечном счете вам все равно придется давать ему показания. Йетс, конечно, тот еще зануда, но такая у него работа.

«Так же как и у тебя», — подумала Нина с неожиданной горечью. Она отвернулась и стала смотреть в окно. Сэм Наварро вновь стал полицейским. Полицейским, бесстрастно пытающимся сложить воедино разрозненные фрагменты мозаики. Она для него — один из таких фрагментов.

— Вам придется завтра встретиться с ним, — сказал Сэм. — Хочу предупредить: допросы Йетс проводит очень жестко.

— Мне нечего сказать ему. Я была в доме отца. Даниэла может это подтвердить.

— Никто не сможет опровергнуть ваше алиби. Но убийство не всегда совершается напрямую. Убийцу можно и нанять.

Нина повернулась к нему и смерила его удивленным взглядом:

— Вы ведь не думаете, что…

— Я говорю о логике, которой будет руководствоваться Йетс. Когда кого-то убивают, подозреваемые номер один — это, как правило, супруги или возлюбленные. Вы с Бледсоу только что порвали отношения. Это случилось в общественном месте, на глазах у многих людей, и вполне естественно, что после такого публичного унижения вы чувствовали себя оскорбленной.

Из чего напрашивается вполне логичный вывод: у вас были основания желать ему смерти.

— Я его не убивала. Вы это прекрасно знаете!

Сэм Наварро ничего не ответил. Он бесстрастно продолжал вести машину, как будто не слышал ее слов.

— Наварро, вы слышите меня? Я его не убивала!

— Я слышу.

— Так почему вы ничего не говорите?

— Потому что думаю, что тут дело совсем в другом.

Только сейчас Нина обратила внимание, что Сэм, нахмурившись, пытается что-то разглядеть в зеркале заднего обзора. Затем он взял автомобильный телефон и набрал номер.

— Джиллис? — произнес он. — Окажи мне любезность. Узнай, не сел ли Йетс на хвост Нине Кормье. Да, да, прямо сейчас. Я в машине. Перезвони. — С этими словами он положил трубку.

Нина повернулась и тоже посмотрела в зеркало заднего обзора. Она заметила позади них зажженные фары какой-то машины.

— Нас кто-то преследует?

— Я в этом пока не уверен. Знаю лишь, что какая-то машина снялась с места следом за нами, когда мы выехали с больничной стоянки. И до сих пор висит у нас на хвосте.

— Ваш приятель из убойного отдела, должно быть, считает, что я опасна, если решил проследить за мной.

— Он просто установил наблюдение за подозреваемой.

«Получается, что я подозреваемая, — подумала Нина и откинулась на спинку сиденья. Как хорошо, что в темноте Сэм не видит лица. — Неужели и я под подозрением?»

Сэм вел машину спокойно, не проявляя никаких признаков волнения, плавно, без всяких рывков, чтобы не вызвать подозрений у водителя

следовавшей за ними машины. Напряженную тишину нарушил пронзительный звонок телефона. Он поднял трубку.

— Наварро, — произнес он и после паузы спросил: — Ты уверен? — Затем снова посмотрел в зеркало. — Я на Конгресс-стрит, направляюсь на запад. Прямо за мной следует темная машина, скорее всего «джип-чероки». Делаю полный разворот и проезжаю Хоултон-стрит. Если ты дождешься меня, то мы сможем прижать этого парня. Только не спугни его. Постарайся подобраться к нему ближе и хорошенько его разглядеть. Так. Поворачиваю. Буду там через пять минут. — Он положил трубку и внимательно посмотрел на Нину. — Вы понимаете, что происходит?

— А что происходит?

— Нас преследует не полицейский.

Нина снова оглянулась на фары следовавшего за ними по пятам автомобиля. Значит, не полицейский.

— Тогда кто это?

— Это мы и собираемся узнать. Теперь слушайте меня внимательно. Через минуту нужно будет, чтобы вы пригнулись и легли на пол машины. Не сейчас. Пока что я не хочу вызывать у него подозрений. Но когда Джиллис сядет ему на хвост, дела примут увлекательный оборот. Вы готовы к этому?

— Боюсь, выбора у меня нет.

Сэм свернул в сторону. Не слишком резко, просто небрежно сменил направление.

Следовавший за ними автомобиль повторил его маневр.

Сэм снова повернул и выехал обратно на Конгресс-стрит. Теперь они двигались на восток, возвращаясь туда, откуда недавно выехали.

Преследователь не отставал от них. В половине одиннадцатого вечера в воскресенье движение на дороге было слабым, и спрятаться за другими машинами он не мог.

— Вот и Джиллис, — прокомментировал Сэм. — Точно по графику. — Он кивком указал на голубую «тойоту», припаркованную возле тротуара. Еще мгновение, и они проскочили мимо нее.

В следующую секунду «тойота» сорвалась с места и поехала следом за «джипом».

— Попался! — торжествующим тоном бросил Сэм. Они приближались к перекрестку. На светофоре горел желтый свет. Наварро специально сбросил скорость, чтобы не отрываться от двух машин, ехавших за ним следом.

Как только загорелся красный свет, «чероки» на полном ходу вырвался вперед и, обогнав их, рванул через перекресток.

Сэм чертыхнулся и резко нажал на акселератор. Они вылетели на перекресток в тот момент, когда из какого-то переулка на полной скорости выкатил грузовик. Сэм молниеносно вильнул в сторону и помчался вдогонку за «джипом».

«Чероки», заметив впереди новый перекресток, резко свернул за угол.

— А этот парень не дурак, — пробормотал Сэм. — Он разгадал наш маневр.

— Осторожно! — крикнула Нина, когда прямо перед ними от тротуара отъехала какая-то машина.

Сэм нажал на клаксон и увеличил скорость.

«Он с ума сошел, — подумала Нина. — Я еду в машине, за рулем которой сидит сумасшедший полицейский».

Они торопливо свернули за угол и оказались в переулке. Нина от страха вцепилась в приборную доску. Она успела заметить, да и то краем глаза,

лишь ряды мусорных контейнеров, мимо которых они промчались. В дальнем конце переулка Сэм резко затормозил.

«Чероки» и след простыл.

За ними остановилась «тойота».

— Куда он скрылся? — услышали они голос Джиллиса.

— Не знаю! — отозвался Сэм. — Я поеду на восток!

Он свернул направо. Нина оглянулась: Джиллис свернул налево. Все понятно, они поведут поиск с обеих сторон. Тогда хотя бы один из них выйдет на след «чероки».

Они проехали еще четыре квартала, но «джип» нигде не увидели. Сэм потянулся за телефоном и снова вызвал Джиллиса.

— Я в пролете, — сообщил тот. — Его здесь нет. Как твои дела? — Услышав отрицательный ответ, напарник Сэма недовольно рыкнул. — Хорошо. Я хотя бы успел запомнить его номера. Проверим. До связи. — С этими словами он положил трубку.

— Выходит, вы запомнили номера? — спросила Нина.

— Запомнил. Массачусетские. Это уже что-то, если нам повезет, мы прихватим этого парня. — Сэм посмотрел на Нину. — Я не уверен, что вам следует возвращаться в дом вашего отца.

Их взгляды встретились. То, что она прочитала в его глазах, подтвердило ее худшие опасения.

— Вы полагаете, что этот человек преследовал меня, я правильно вас поняла?

— Да. И я хотел бы знать почему. Тут закручивается какое-то нехорошее дело, к которому имеете отношение и вы, и Роберт. Ну как, что-нибудь такое припоминаете?

Нина отрицательно покачала головой.

— Это какое-то недоразумение, — прошептала она. — Скорее всего.

— Кто-то, мы не знаем кто, готов пойти на любые злодеяния, лишь бы лишить вас жизни. Не думаю, чтобы он — или она — выбрали вас в качестве жертвы по ошибке.

— Она? Неужели вы думаете, что…

— Как я уже говорил, убийце не обязательно совершать преступление своими руками. Исполнителя можно найти, заплатив ему деньги. Возможно, мы имеем дело как раз с такой версией. Я все больше и больше склоняюсь к ней. Тут явно поработал профессионал.

От его слов Нину бросило в дрожь, и она не нашлась что ответить. Да что на это возразишь? Интересно то, что сидевший рядом с ней коп говорил о жутких вещах спокойным, будничным тоном.

— Я понимаю, все это с трудом укладывается в голове, — добавил Сэм. — Но в данном случае упорное нежелание посмотреть правде в глаза может стать для вас фатальным. Так что позвольте мне вам кое-что объяснить. Грубые, жестокие факты, но против них не поспоришь. Роберт мертв. И следующая на очереди — вы.

«Но меня не за что убивать! — подумала она. — Я никогда никому не угрожала».

— Мы не можем возложить вину на Джимми Брогана, — продолжил Наварро. — Думаю, что он к этому не причастен. Он просто мог увидеть то, чего ему не следовало видеть, и поэтому его устранили. Затем его смерть обставили как самоубийство, чтобы сбить полицию со следа и помешать ходу расследования. Наш убийца очень хитер. Своих жертв он выбирает тщательно. — Сэм выразительно посмотрел на нее, и Нина расслышала в его голосе холодную, непререкаемую логику. — Сегодня я еще кое-что узнал, — признался Наварро. — В то утро, на которое была назначена ваша свадьба, в церковь был доставлен некий подарок. Джимми Броган мог видеть человека, который его принес. Мы предполагаем, что Броган положил подарок возле передней скамьи, там,

где был эпицентр взрыва. Подарок был адресован вам и Роберту. — Наварро замолчал, как будто ожидая, что Нина сейчас начнет с ним спорить.

Но спорить она не стала. Не стала потому, что события развивались очень стремительно и с первого раза она просто не успела вникнуть в суть его жутких намеков.

— Помогите мне, Нина, — обратился к ней Сэм. — Назовите какое-нибудь имя, припомните какой-нибудь мотив.

— Я вам уже сказала. — Казалось, ее голос вот-вот сорвется и она разрыдается. — Я ничего не знаю!

— Роберт признался, что у него была другая женщина. Вам известно, кто она такая?

Нина обхватила себя за плечи, сжавшись в комочек:

— Нет.

— Вам не кажется, что Даниэла и Роберт были как-то особенно близки?

Нину словно ударило током. Даниэла? Ее мачеха? Она мысленно перебрала события последних шести месяцев. Вспомнила вечера, которые вместе с Робертом проводила в доме отца. Все эти приглашения на обеды и ужины. Ей было приятно, что отец и Даниэла так быстро приняли ее будущего жениха и в семействе Кормье как будто наконец установилась гармония. Даниэла, которая раньше не проявляла особой теплоты по отношению к падчерице, неожиданно стала включать Нину и Роберта в списки приглашенных на всевозможные светские мероприятия.

Даниэла и Роберт.

— Это еще одна причина, — произнес Сэм, — почему я считаю ваше возвращение в дом отца нецелесообразным.

Нина резко повернулась к нему:

— Вы думаете, что Даниэла…

— Мы еще раз ее допросим.

— Но зачем ей было убивать Роберта? Если она его любила?

— Ревность. Что вы на это скажете? Если она лишалась Роберта, то, кто знает, вдруг она не желала никому его отдавать.

— Но он же разорвал нашу помолвку! Между нами все было кончено!

— На самом деле?

Хотя Сэм задал этот вопрос тактичным и мягким тоном, Нина уловила в его голосе легкое напряжение.

— Вы же там были, Сэм, — сказала Нина. — Вы стали свидетелем нашей ссоры. Вы слышали, как он сказал, что не любит меня. Иногда мне кажется, что Роберт никогда меня не любил. — Ее голос предательски дрогнул. — Для него все было кончено.

— А для вас?

Своим вопросом Сэм задел ее за живое. На глаза тотчас навернулись слезы. Весь вечер она сдерживала себя, чтобы не расплакаться. Все эти бесконечные часы ожидания в приемном покое больницы она провела в каком-то оцепенении. Когда ей сообщили, что Роберт мертв, она отреагировала на это известие лишь далеким уголком сознания, но, главное, ничего не почувствовала. Ни потрясения, ни горя. И пусть Роберт оскорбил и унизил ее, выставил на посмешище, с этим человеком она все-таки прожила под одной крышей целый год.

Теперь все это казалось ей чьей-то чужой жизнью. Не ее собственной и не жизнью Роберта. Скорее сон, не имевший ничего общего с действительностью. И Нина заплакала. Тихо. Еле слышно. Устало. Это были не слезы горя, а слезы невероятной усталости.

Сэм промолчал. Он продолжал вести машину, а тем временем сидящая рядом с ним женщина лила беззвучные слезы. И все же ему хотелось

сказать ей многое. Например, что Роберт Бледсоу был первостатейным негодяем и не стоит ее слез. Впрочем, разве влюбленные женщины способны внять рациональным доводам? Сэму почему-то казалось, что Нина любила этого бездушного типа Бледсоу, иначе стала бы она так расстраиваться?

Не в силах утешить ее, Сэм еще крепче сжал руль. Увы, не в его власти успокоить Нину Кормье, помочь ее горю. Никакие Роберты во всем мире не стоят страданий такой женщины. Впрочем, в противоположность им, существовали и такие мужчины, из-за которых стоило бы плакать. Золотые парни. Сэм посмотрел на Нину, и на него накатила волна сострадания к ней. Нет, не только сострадание — нечто такое, что удивило его самого. Он хотел ее. Хотел как женщину.

Сэм подавил в себе это чувство в зародыше. Ведь что это, как не очередное подтверждение тому, что он зря впутался в такую ситуацию. Нет, конечно, полицейский тоже человек и вполне может кому-то сочувствовать, но стоит чувствам пересечь незримую линию, как самое время дать полный назад.

«Но я не могу отступить назад. Во всяком случае, не этим вечером. Пока я не смогу убедиться в том, что ей не грозит опасность», — подумал он, а вслух произнес:

— Вам нельзя ехать к отцу, впрочем, и к матери тоже. Особенно к матери, в ее доме нет ни системы сигнализации, ни крепких ворот. При желании убийце ничего не стоит проникнуть туда.

— Я сегодня подписала договор о найме квартиры. Правда, там пока еще нет никакой мебели, но…

— Даниэла знает об этом?

Нина ответила не сразу, помолчав пару секунд.

— Да, знает.

— Тогда это исключается. А ваши подруги?

— У них у всех дети. Если они узнают, что за мной охотится убийца… — Нина сделала глубокий вдох. — Я переночую в гостинице.

Сэм посмотрел на нее: Нина сидела, распрямив плечи и спину. Все понятно, она просто храбрится, сделал он вывод. Обычная бравада. «Боже, что же мне делать?» — подумал он. Она боится, и ее нельзя осуждать за это. Они оба смертельно устали. Он не может оставить ее одну в отеле в этот час. Он вообще не может оставить ее одну. Тот, кто преследует ее, уже легко расправился с Джимми Броганом и Робертом Бледсоу. Для такого опытного убийцы Нина Кормье станет легкой жертвой.

Перед ними открывалось шоссе № 1, и он выехал на него.

Через двадцать минут они уже мчались мимо лесополосы. В этом месте почти не было домов, а те немногие, что здесь все-таки были, располагалась на большом расстоянии друг от друга. Переехать в эту пустынную местность Сэма соблазнили в первую очередь деревья. В детстве, сначала в Бостоне, а затем в Портленде, он всегда жил в самом сердце города. Вырос он посреди бетона и асфальта, но всегда испытывал тягу к лесам. Каждое лето он отправлялся на север ловить рыбу на берегу озера.

Остальную часть года он довольствовался жизнью в заброшенном уголке среди берез и сосен.

Сэм свернул на свою личную грунтовую дорогу, которая змеилась среди деревьев, прежде чем перейти в посыпанную гравием подъездную дорожку. Только когда он выключил двигатель и посмотрел на свой дом, его посетили первые сомнения: похвастаться ему особенно нечем. Скромный домишко с двумя спальнями. Сэм лично сколотил его из деревянных щитов три года назад. Что касается обстановки, то она была, мягко говоря, простецкой, не говоря уже о том, какой живописный беспорядок наверняка встретит их внутри.

Что делать. Ничего лучше в данную минуту он придумать не мог.

Он вылез из машины, обошел и открыл дверцу. Нина вышла наружу и с удивлением посмотрела на крошечный домик, затерявшийся в чаще леса.

— Где мы? — спросила она.

— В безопасном месте. Во всяком случае, здесь безопаснее, чем в отеле. — Сэм указал на переднее крыльцо. — Это только на одну ночь. Пока мы не придумаем что-нибудь еще.

— Кто здесь живет?

— Я.

Даже если этот факт как-то испугал ее, она не показала виду.

А может, просто устала и была слишком подавлена, чтобы придать этому какое-то значение. Она молча ждала, пока он возился с замком. Открыв дверь, Сэм пропустил ее вперед, затем шагнул следом и включил свет.

Бросив взгляд на гостиную, он мысленно поблагодарил Всевышнего. Никакой одежды на диване, никаких грязных тарелок и чашек на кофейном столике. И все же его жилище было трудно назвать чистым и аккуратным. Повсюду разбросаны старые газеты, в углах скопились комочки пыли. Типичная берлога неряхи холостяка. С другой стороны, беспорядок не такой и страшный. Все могло быть гораздо хуже.

Сэм запер дверь на замок и задвижку.

Нина молча стояла посреди комнаты. Ее глаза выдавали удивление и растерянность. Неужели она в ужасе от его дома? Сэм прикоснулся к ее плечу, и она вздрогнула.

— С вами все в порядке? — спросил он.

— Да, все хорошо.

— Не очень-то похоже.

Она на самом деле выглядела жалко. Глаза покраснели от слез, со щек давно сошел румянец. Неожиданно Сэм поймал себя на том, что ему хочется взять в ладони ее лицо и согреть. Боже, что это с ним? Неужели он превращается в утешителя попавших в беду женщин? Эта женщина точно угодила в беду.

Вместо этого он развернулся и отправился в гостевую спальню. Одного взгляда на царивший там беспорядок хватило, чтобы он отказался от намерения предложить ее Нине. Для гостей это место не годится. Впрочем, предлагать эту комнату он не стал бы даже врагу. Имелось лишь одно решение проблемы. Он будет спать на диване в гостиной, а ей отдаст свою спальню.

Простыни. О боже, где у него чистые простыни?

Сэм принялся яростно рыться в шкафу и наконец нашел комплект чистого белья. К счастью, он оказался на высоте положения. Обернувшись, Сэм едва не натолкнулся на стоявшую у него за спиной Нину.

Она протянула руки за простынями.

— Я постелю себе на диване в гостиной. А вы ляжете в моей комнате.

— Нет, Сэм. Мне и без того неловко. Позвольте я лягу на диване.

Что-то в ее взгляде — точнее, в горделиво вздернутом подбородке — подсказало ему: она больше не желает быть предметом жалости.

Он протянул ей простыни, затем одеяло.

— Знаете, диван не очень ровный, кое-где продавленный. Не думаю, что вам будет удобно.

— В последнее время в моей жизни далеко не все было ровно. Так что к неровностям мне не привыкать.

Ага, она пробует шутить. Что же, неплохо. Значит, еще не все потеряно. Ее воля, ее попытки взять себя в руки вызвали у него искреннее восхищение.

Пока Нина застилала диван, Сэм отправился на кухню и позвонил домой Джиллису.

— У нас есть информация по массачусетским номерам, — сообщил ему напарник. — Они были украдены две недели назад. По «чероки» сведений пока нет. Слушай, этот парень чертовски сообразителен.

— И опасен.

— Думаешь, это наш взрывник?

— И наш стрелок. Все тесно переплетено, Джиллис.

— Но как в эту картину вписывается взрыв на складе, тот самый, что прогремел на прошлой неделе? Мы предположили, что это криминальная разборка, верно?

— Верно. Грозное предупреждение конкурентам Билли Бинфорда.

— Бинфорд в тюрьме. Его ждет далеко не радужное будущее. С какой стати ему заказывать взрыв в церкви?

— Целью взрыва была не церковь, Джиллис. Целью был Бледсоу или Нина Кормье. Если не оба.

— Но какое Нина Кормье имеет отношение к Бинфорду?

— Пока не знаю. Она никогда не слышала о нем. — Сэм потер лицо. Черт, да он успел обрасти щетиной! И вообще, как же он устал! Устал так, что не в состоянии работать мозгами. — Кстати, есть еще одна версия, которую мы пока еще не исключили, — произнес он. — Старое доброе преступление на почве ревности. Ты ведь допрашивал Даниэлу Кормье?

— Да. Сразу после взрыва. Там есть на что посмотреть.

— Ты в ней ничего странного не заметил?

— Что ты имеешь в виду?

— Что-то, что показалось тебе неестественным? Ее реакция, ее ответы?

— Да нет, не припоминаю. Подавленная, растерянная, как и все остальные. Ты, собственно, к чему клонишь?

— Я думаю, что парням из убойного нужно пообщаться с ней сегодня.

— Я передам это предложение Йетсу. И что подсказывает тебе твое чутье?

— У них с Робертом Бледсоу была интрижка.

— И она из ревности устроила взрыв в церкви? — рассмеялся Джиллис. — Боюсь, она дама не такого типа.

— Помнишь, что говорят о таких, как она?

— Да, но я представить себе не могу, что такая роскошная блондинка…

— Следи за своими гормонами, Джиллис.

Его напарник насмешливо фыркнул:

— Если кому и следует следить за своими гормонами, так это тебе.

«Что я постоянно и говорю самому себе», — подумал Сэм, кладя трубку на место. Он еще на какое-то мгновение задержался на кухне, повторяя слова, которые твердил себе десятки раз после знакомства с Ниной. «Я полицейский. Я на службе, мой долг — защищать людей. Не соблазнять, а защищать. И не влюбляться».

Он вернулся в гостиную. Увы, всего один взгляд на Нину, и его решимость дала первую трещину. Нина стояла у окна, вглядываясь в темноту. В доме Сэма не было штор — зачем они, когда вокруг лес? От кого ему занавешиваться? Но сейчас он увидел, насколько она уязвима, даже в его доме. У него тотчас сделалось неспокойно на душе.

— Я бы советовал вам держаться подальше от окон, — предостерег он.

Нина обернулась. В ее глазах читался испуг.

— Вы думаете, что кто-то мог выследить нас?

— Не думаю, но все равно, лучше держаться от окон подальше.

Чувствуя, как ее бьет дрожь, Нина подошла к дивану и села. Сэм обратил внимание, что она уже успела застелить диван. Неожиданно ему бросилось в глаза, насколько пообтрепалось одеяло, насколько обтерлась мебель. Раньше этих мелочей он просто не замечал. Как не замечал массу других вещей в своей холостяцкой жизни, не замечал потому, что ему и в голову не приходило, что ее можно сделать приятней и лучше. Только сейчас, увидев сидящую на диване Нину Кормье, он понял, насколько в комнате пусто и голо. Лишь присутствие этой женщины слегка оживило эти стены, привнесло в них человеческое тепло. Пусть даже чуть-чуть.

Впрочем, скоро ее здесь не будет.

И чем раньше, тем лучше, сказал он себе. Прежде, чем она успеет окончательно вскружить ему голову. Прежде, чем слишком глубоко проникнет в его жизнь.

Сэм подошел к камину, затем, инстинктивно чувствуя, что нужно что-то сказать, вернулся к двери, ведущей на кухню.

— Вы, должно быть, проголодались, — произнес он.

Нина отрицательно покачала головой:

— Не могу даже думать о еде. Не могу думать ни о чем, кроме…

— Кроме Роберта?

Нина опустила голову, но ничего не ответила. Неужели она снова плачет? Впрочем, на это она имеет полное право. Но нет, она притихла, как будто все силы ее ушли на то, чтобы сдержать эмоции.

Наварро сел на стул напротив.

— Расскажите мне о Роберте, — предложил он. — Расскажите все, что знаете о нем.

Нина глубоко вздохнула:

— Даже не знаю, что вам рассказать. Мы прожили вместе год. Теперь же мне кажется, будто мы с ним всегда были чужими друг другу.

— Вы познакомились на работе?

Нина кивнула:

— В отделении экстренной медицинской помощи, в вечернюю смену. На тот момент я проработала там уже три года. В один прекрасный день к нам в отделение пришел Роберт. Он был хороший врач. Пожалуй, один из лучших, с кем я работала. С ним было интересно общаться. Он путешествовал по всему свету, многое знал и умел. Помню, я сильно удивилась, когда мне сказали, что он не женат.

— Никогда не был?

— Никогда. Он признался мне, что ищет ту единственную женщину, с которой захочет связать свою жизнь. Однако до сих пор так и не нашел.

— В сорок один год он, похоже, был чересчур разборчив.

Нина посмотрела на него с легким удивлением:

— Вы тоже не женаты, детектив. Разве это не делает вас чересчур разборчивым?

— Что ж, вы правы. Но я не утруждал себя поисками жены.

— Вам это было неинтересно?

— Слишком мало времени для романтических увлечений. Специфика работы, так сказать.

Нина вздохнула:

— Нет, просто в этом вся суть самца. Мужчины не слишком-то спешат жениться.

— Разве я так сказал?

— Этот вывод подсказывает мне мой жизненный опыт.

— Мы все подлецы, так, что ли? Давайте вернемся к конкретной мужской особи по имени Роберт. Итак, вы встретились в отделении экстренной медицинской помощи. Это была любовь с первого взгляда?

Нина откинулась на спинку дивана и поморщилась. От Сэма не ускользнула эта гримаса, на мгновение исказившая ее красивое лицо.

— Нет, нет. Все было совсем не так. По крайней мере, для меня. Впрочем, не стану отрицать, он, конечно, казался мне симпатичным.

«Конечно», — подумал Сэм с ноткой цинизма.

— Но когда он в первый раз пригласил меня на свидание, я не думала, что за этим последует что-то серьезное. Лишь после того, как я представила его моей матери, до меня стало доходить, что Роберт — завидная пара. Мать была от него в восторге. Ведь все мои предыдущие парни были в ее глазах неудачниками. И вот я прихожу к ней с нашим доктором. Такого она от меня не ожидала и явно приготовилась к тому, что скоро услышит звон свадебных колоколов.

— А ваш отец?

— Думаю, он был рад тому, что я встречаюсь с мужчиной, который не станет жениться на мне исключительно из-за его денег. Такая опасность вечно не давала ему покоя. Его деньги. И его жёны. Или, скорее, та женщина, на которой он женат в тот момент.

Сэм задумчиво покачал головой:

— Удивительно, как это вы, насмотревшись на опыт своих родителей, все-таки решились связать себя семейными узами.

— Но именно поэтому я и решила выйти замуж! — Нина пристально посмотрела ему в глаза. — Я мечтала создать нормальную, крепкую семью, не такую, как у них. Потому что в нашей семье не было ничего постоянного. Мои родители развелись, когда мне было восемь. Затем началась нескончаемая череда жен отца и любовников матери. Мне не хотелось жить так, как они. — Вздохнув снова, Нина посмотрела на свою левую руку, на которой так и не появилось обручального кольца. — Мне не дает покоя вопрос: может, счастливая семья — это просто сказка, чья-то выдумка, а на самом деле счастливых семей не существует?

— У моих родителей была счастливая семья.

— Правда?

— Да, до тех пор, пока не умер мой отец. Он у меня был бостонским копом. Немного не дотянул до двадцати лет службы в полиции. — Говоря эти слова, Сэм смотрел не на нее, а в какую-то точку в пространстве, старательно избегая ее сочувственного взгляда. Он не нуждается в сочувствии. Отец умер. Мать его пережила. Ничего особенного. — После смерти отца мы с матерью перебрались в Портленд, — продолжил он свой рассказ. — Ей хотелось поселиться в более безопасном, более спокойном городе. Так, где можно не опасаться того, что ее сына случайно подстрелят на улице. — Сэм печально улыбнулся. — Она сильно переживала из-за того, что я стал копом.

— А почему вы стали копом?

— Наверно, тут дело в генах. Почему вы стали медсестрой?

— К моему случаю гены не имеют никакого отношения. — Нина на мгновение задумалась. — Меня, пожалуй, привлекала возможность помогать конкретным людям, избавлять их от страданий. Мне нравится общаться с людьми, лечить их. Это было для меня очень важно. Конкретика, а не абстрактные рассуждения о служении человечеству. — Она устало улыбнулась. — Вы сказали, что ваша мать не хотела, чтобы

вы стали полицейским. Моя мать тоже была не в восторге от моей карьеры.

— Что она имела против работы в больнице?

— Ничего. Просто это была неподходящая профессия для ее дочери. Она считает это физическим трудом, что, по ее мнению, недостойное занятие. От меня ожидали большего.

Я должна была удачно выйти замуж, вести жизнь не лишенную приятности и помогать человечеству, занимаясь благотворительностью. Неудивительно, что она так обрадовалась моей помолвке с Робертом. Она подумала, что я наконец ступила на правильную стезю. Она действительно впервые в своей жизни испытала гордость за меня.

— Но ведь вы собирались замуж за Роберта Бледсоу не для того, чтобы угодить вашей матери?

— Не знаю. — Нина посмотрела на него с искренним удивлением. — Я больше ничего не знаю.

— А как же любовь? Как я понимаю, вы любили его.

— Как я могу быть в чем-то уверена? Я только что узнала, что он встречался с другой женщиной, изменял мне. Я как будто жила в какой-то сказке, влюбившись в человека, которого выдумала. — Нина откинулась на спинку дивана и закрыла глаза. — Хватит. Не хочу больше говорить на эту тему.

— Мне очень важно знать о нем как можно больше. Это поможет учесть все возможные причины, из-за которых его могли убить. Крайне редко бывает так, что кто-то подходит к совершенно незнакомому человеку и стреляет ему в голову. Убийца должен иметь какой-то мотив.

— А если никакого мотива не было? Вдруг убийца был сумасшедшим. Или наркоманом.

Роберт мог оказаться в неправильном месте в неправильное время.

— Скажите честно, вы ведь сами в это не верите. Разве не так?

Нина ответила не сразу.

— Наверно, нет, — тихо призналась она.

Сэм внимательно посмотрел на нее, думая о том, насколько ранимой она выглядит в это мгновение. Будь на его месте другой мужчина, он бы обнял ее, попытался утешить в эти нелегкие минуты.

Неожиданно Сэм испытал отвращение к самому себе. Сейчас не время задавать ей вопросы, не время вести себя как типичный полицейский. И все же именно такой стиль поведения удерживал его от опрометчивого шага. Служил защитой, помогал держаться на расстоянии от нее.

Сэм поднялся со стула:

— Пожалуй, и вам, и мне было бы неплохо хотя бы немного выспаться.

Нина ответила ему молчаливым кивком.

— Если вам что-то понадобится, то моя комната в конце коридора. Вы уверены, что хотите остаться на диване? Отказываетесь лечь на кровати? Мы можем поменяться местами.

— Мне хорошо и здесь. Спокойной ночи.

Сэм отправился в спальню. Меряя шагами комнату, он принялся расстегивать рубашку. Несмотря на усталость, спать не хотелось, мозг продолжал обдумывать недавние события. За последние два дня имели место: взрыв в церкви, убийство мужчины и попытка покушения на жизнь женщины. Внутренний голос подсказывал, что эти события как-то связаны друг с другом. Не исключено, что они имеют отношение к взрыву на складе на прошлой неделе. Однако прямую связь Сэм, как ни бился, установить не мог. Возможно, он слишком туп и ему не хватает сообразительности. Или его мозг просто опьянел от избытка гормонов и теперь не в состоянии мыслить трезво и логично.

А все из-за нее. Он не хотел таких сложностей. Но в то же время не мог думать об этом деле, одновременно не думая о ней.

И вот теперь эта женщина находится в его доме.

Женщины не спали под его крышей с тех пор, как… Короче, очень давно. Его последний роман продлился всего несколько недель. С той женщиной он познакомился на вечеринке. Затем по взаимному согласию все закончилось. Никаких серьезных последствий, никаких душевных страданий.

Как, впрочем, и никакого удовольствия.

Сейчас главное удовольствие ему приносила работа. Он мог не беспокоиться — кто-кто, а преступники в этом мире никогда не переведутся.

Сэм выключил свет и вытянулся на кровати, чувствуя, что сон придет к нему не сразу. Он подумал о Нине, которая сейчас лежит на диване в соседней комнате. Подумал о том, насколько они с ней разные. О том, в какой ужас придет ее мать, когда узнает, что за ее дочерью увивается какой-то полицейский. При условии, что полицейскому повезет.

Все-таки он совершил ошибку, приведя ее к себе домой. Последнее время он только и делает, что совершает ошибки. Нет, новой оплошности он не допустит, независимо от того, что именно тянет его к этой женщине — любовь, похоть или что-то еще.

«Завтра, — подумал он, — ее здесь не будет. И я снова буду хозяином своих чувств и мыслей».

Глава 7

Нина понимала: ей следует плакать, но она не могла выдавить из себя ни слезинки. Она лежала в темноте на диване и думала о тех месяцах, которые прожила с Робертом. О месяцах, которые считала стартовой площадкой к счастливой семейной жизни. Когда же их отношения начали рушиться? Когда Роберт перестал говорить ей правду? Она

должна была заметить первые признаки его криводушия. Его недомолвки, стыдливые взгляды и прочее.

Ей вспомнилось, как две недели назад Роберт предложил перенести свадьбу. Тогда она решила, что это просто предсвадебный мандраж жениха. К тому времени все приготовления уже были сделаны и назначена точная дата — образно говоря, высечена на камне.

Как неуютно, как будто в ловушке, он, по всей видимости, себя чувствовал. «Ох, Роберт, если бы ты только мог ожить и рассказать мне все как было».

Нина не сомневалась: она нашла бы в себе силы выслушать правду. Она бы справилась — с горькой правдой, с подлым предательством, с душевной болью. Она ведь не юная девочка и в состоянии пережить свалившиеся на нее невзгоды. С чем она не могла примириться, так это с тем, что прожила год рядом с человеком, которого фактически не знала.

Теперь ей уже не понять, какие чувства Роберт питал к ней. Его смерть отняла у нее последнее — возможность помириться с ним, сохранить дружеские отношения.

В конце концов ее сморил сон. Диван действительно оказался неровным и комковатым, и время от времени она просыпалась, но затем снова погружалась в сон.

Нет, снился ей не Роберт, ей снился Сэм Наварро.

Он стоял перед ней, молчаливый и серьезный. По его глазам было трудно понять, что у него на душе. Холодный, непроницаемый взгляд чужого, равнодушного человека. Он потянулся к ней, как будто хотел взять за руку. Посмотрев вниз, Нина увидела, как на ее запястьях защелкнулись наручники.

— Вы виновны! — произнес он.

И повторял это слово снова и снова. Виновна. Виновна. Виновна.

Нина проснулась со слезами на глазах. Никогда еще ей не было так одиноко. Она действительно одна и вынуждена искать пристанища в доме полицейского, который к ней абсолютно равнодушен. Который лишь формально несет ответственность за ее безопасность. Для него она обуза, с которой он вынужден мириться по долгу службы.

Неожиданно ее внимание привлекла мелькнувшая за окном тень. Она бы вообще ничего не заметила, если бы тень не промелькнула прямо перед ней. От страха екнуло сердце. Нина смотрела на не закрытые занавесками квадраты лунного света, пытаясь заметить какие-либо признаки движения.

Ага, вот оно! За окном вновь промелькнула чья-то тень.

В следующее мгновение Нина вскочила с дивана и бросилась через весь коридор в комнату Сэма. Она даже не потрудилась постучать в дверь, а сразу толкнула ее.

— Сэм! — прошептала она.

Хозяин спальни ничего не ответил.

Боясь произвести лишний шум, она все-таки протянула руку, чтобы слегка его толкнуть. Ее пальцы прикоснулись к голой, теплой коже.

— Сэм!

Он тотчас встрепенулся, причем так резко, что Нина испуганно вздрогнула.

— Что? Что случилось? — спросил он.

— Мне показалось, что снаружи кто-то есть!

Наварро как будто одним рывком стряхнул с себя сон и, скатившись с кровати, схватил лежащие на стуле брюки.

— Оставайтесь здесь! — громким шепотом приказал он. — Не уходите из комнаты!

— Что вы собираетесь делать?

Вместо ответа она услышала металлический щелчок. Пистолет. Конечно, у него есть пистолет. Он же полицейский.

— Оставайтесь здесь! — повторил он и выскользнул из комнаты.

Мог бы и не предупреждать, обиженно подумала Нина. Она не сумасшедшая, чтобы бродить по темному дому, когда рядом с ней полицейский с заряженным пистолетом. Дрожа от страха и холода, она стояла возле двери и тревожно прислушивалась. До ее слуха донеслись шаги Сэма — он направлялся по коридору в гостиную. Пара секунд, и вновь стало тихо. Почему-то тишина показалась ей оглушительной, а ее собственное дыхание напоминало грохот. Интересно, он остался в доме или вышел наружу? Он ведь не уйдет далеко?

Затем со стороны двери послышались звуки приближающихся шагов. Сэм возвращался. Нина отскочила к дальнему краю кровати. Едва завидев в дверном проеме темный силуэт, она, не раздумывая, пригнулась и спряталась за матрасом. Лишь когда голос Сэма позвал ее по имени, она осмелилась поднять голову.

— Я здесь! — прошептала она. Неожиданно до нее дошло, насколько комично это смотрится со стороны.

— Там никого нет.

— Но я точно видела кого-то. Или что-то.

— Это мог быть олень. Или сова пролетела мимо окна. — С этими словами Сэм положил пистолет на прикроватный столик. Металл с глухим стуком коснулся дерева, а от этого звука Нина невольно вздрогнула. Она ненавидела оружие. Она никогда, ни при каких обстоятельствах не составила бы компанию мужчине, у которого при себе оружие. Впрочем, можно подумать, будто сейчас у нее есть выбор. — Нина, я понимаю, вы напуганы. Вы имеете на это полное право. Но я все осмотрел — вокруг дома нет ни души.

Он шагнул ближе и дотронулся до ее руки, Нина негромко ойкнула.

— Вы замерзли.

— Мне страшно. О боже, Сэм. Мне так страшно…

Он взял ее за плечи. Ее била такая сильная дрожь, что она была не в состоянии сказать ни слова. Сэм неловко притянул ее к себе, и Нина, не переставая дрожать, прижалась к его груди. Только бы он не отстранялся. Только бы он обнял ее. Когда Сэм, будто прочитав ее мысли, выполнил наконец ее немую просьбу, она почувствовала себя удивительно уютно. Ей стало не так холодно и не так страшно. Это был совсем не тот человек, о котором она недавно думала почти с неприязнью, не тот холодный, неулыбчивый коп. Это был совсем другой человек. Он нежно ее обнимал, пытаясь утешить.

Его дыхание овевало ее волосы, а губы медленно приближались к ее губам.

Поцелуй был нежным. Приятным. Сладостным. Совсем не таким, на какой, по ее мнению, был способен Сэм Наварро. До этого ей и в голову не могло прийти, что он обнимет ее, обнимет нежно и ласково. И вот сейчас она в его объятиях, и ей не грозит никакая опасность.

Сэм подвел Нину к кровати, приглашая лечь. Ее не нужно было упрашивать. Он накрыл их обоих одеялом и снова поцеловал ее. И снова его поцелуй был нежным и нетребовательным. Тепло постели и их тел помогло ей согреться. Было и другое: запах его обнаженной кожи, волосы у него на груди. Но прежде всего прикосновение его губ, жаждущих поцелуя. Они обнимали друг друга. Их ноги начали постепенно переплетаться, а поцелуй утратил невинную сладость и нежность, постепенно становясь страстным, если не откровенно похотливым. Но что самое удивительное, Нина отвечала на него с неожиданной для нее самой готовностью. Ее губы раздвинулись, пуская в рот его язык. Хотя их разделял барьер ее одежды, она явственно ощутила, что Сэм возбудился.

Это не входило в ее планы. Она вообще не ожидала такого развития событий. Но их поцелуй делался все глубже и чувственнее, и вскоре рука Сэма жадно скользнула вниз от ее талии, к бедрам. И тогда она поняла: это неизбежно случится. Несмотря на свою непробиваемую внешность, Сэм Наварро оказался куда более страстным мужчиной, чем те, кого она знала раньше.

Он же первым взял себя в руки. Без всякого предупреждения, он резко оторвался от ее губ. Нина услышала в темноте его надрывное дыхание.

— Сэм! — шепотом позвала она.

Он отодвинулся от нее и сел на краю кровати. Она видела его нечеткий силуэт, видела, как он провел рукой по волосам.

— Боже! — пробормотал он. — Что я делаю?

Она протянула руку к его мускулистой спине.

Кончики пальцев скользнули по его коже, и она поняла, что ему это приятно. Он хотел ее, в этом не было никаких сомнений. Однако Сэм прав: это была ошибка, и они оба это понимали. Она была напугана и нуждалась в защитнике. Он одинокий и самостоятельный мужчина, ни в ком не нуждающийся, но все-таки мужчина с определенными потребностями. Стоит ли удивляться, что они оба потянулись друг к другу в поисках тепла, сколь мимолетным оно бы ни было.

Глядя на него, точнее, на его неясный силуэт в сумраке спальни, Нина поняла, что все еще хочет его. Желание было таким сильным, что причиняло едва ли не физическую боль.

— Но ведь в этом нет ничего ужасного? — спросила она. — В том, что только что случилось между нами?

— Я не намерен повторять прошлых ошибок. Не имею права этого допустить.

— Но ведь это ничего не значит, Сэм. Другое дело, если вам самому не хочется.

— Так вот как вы на это смотрите? Для вас это просто мелочь, о которой можно назавтра забыть?

— Нет. Не обращайте внимания на то, что я сказала.

— Но ведь так все и закончится. — Услышав ее слова, Сэм фыркнул от отвращения к самому себе. — Знаете, это классическая ловушка. Я хочу защитить вас. Вам нужен верный рыцарь. Все хорошо, но только до поры до времени. Затем все быстро кончается, как будто ничего и не было.

Он встал с кровати и шагнул к двери.

— Я лягу на диване.

Сказав это, он вышел из спальни.

Нина лежала одна на его кровати, пытаясь разобраться в суматошном вихре своих чувств. Ее жизнь казалась ей полной бессмыслицей. Все, буквально все выходило из-под контроля. Нина попыталась вспомнить то время, когда ее жизнь была абсолютно идеальной. Наверно, так было до того, как в ней появился Роберт. До того, как она позволила себе увлечься сказками о счастливой семье. Да-да, тогда она и совершила ошибку, поверив в эти самые сказки.

Реальность же обернулась разбитым домом, бесконечной чередой безликих мачех, родителями, которые презирают друг друга. До тех пор пока она не встретила Роберта, она вообще не думала о замужестве. Она была вполне довольна своей жизнью и работой. Именно работа всегда поддерживала ее, была главной опорой в жизни.

Ей ничто не мешает вернуться обратно, в то чудесное, светлое время. И она непременно вернется туда. Должна вернуться.

Мечты о счастливой семье, романтические фантазии умерли, перестали существовать.

Сэм проснулся на рассвете.

Диван оказался куда более неудобным для сна, чем он предполагал. В принципе выспался Сэм неплохо, но у него затекло плечо, и в полвосьмого утра он был еще не готов к нормальному человеческому общению. Поэтому, когда зазвонил телефон, он невероятным усилием заставил себя ответить нейтральным «алло».

— Наварро, ты должен дать кое-какие объяснения, — заявил Эйб Куперсмит.

— С добрым утром, шеф, — вздохнув, произнес Сэм.

— Мне только что звонил Йетс из убойного. Вообще-то не мне говорить тебе об этом, Сэм. Но мой тебе совет: держись подальше от этой дамочки Кормье.

— Вы правы, шеф. Вам не следовало говорить мне об этом. Но вы это сделали.

— Что там происходит между вами?

— Мне показалось, что она в опасности. Так что пришлось вмешаться в это дело.

— Где она сейчас?

Сэм замолчал. От этого вопроса не отвертишься. Придется отвечать.

— Она здесь, — признался он. — В моем доме.

— Черт побери!

— Прошлой ночью кто-то сел нам на хвост. Я подумал, что было бы неразумно оставлять ее одну, без охраны.

— И поэтому ты привез ее в свой дом?! Скажи, у тебя есть голова на плечах?!

«Не знаю, — подумал Сэм. — Я сбился с пути, заглянув в бездонные карие глаза Нины Кормье».

— Только не говори, что между вами что-то было! Пожалуйста, не говори! — произнес Куперсмит.

— Между нами ничего не было.

— Мне остается молить Бога, что все так, как ты говоришь. Потому что Йетс хочет, чтобы она немедленно оказалась в участке и ответила на его вопросы.

— По поводу смерти Роберта Бледсоу? Йетс явно закинул удочку не туда. Ей ничего не известно о случившемся.

— Тем не менее он хочет ее допросить. Привози ее к нам. Даю тебе час.

— У нее безукоризненное алиби…

— Привези ее сюда, Наварро! — произнес Куперсмит и бросил трубку.

Деваться некуда. Как это ни противно, но придется передать Нину парням из убойного. Допрос может оказаться очень жестким, но такая уж у них работа. Он сам коп и не имеет права ставить им палки в колеса.

Сэм прошел по коридору и, дойдя до двери спальни, постучал. Нина не ответила, и тогда он приоткрыл дверь и заглянул внутрь.

Нина спала крепким сном. По подушке разметалась роскошная грива черных волос. От одного вида этой восхитительной женщины, безмятежно спящей в его постели, в его доме, Сэма захлестнула жаркая волна желания, такого мощного, что он даже пошатнулся и, чтобы удержаться на ногах, вцепился в дверную ручку.

Лишь когда это мгновенное помутнение рассудка прошло, вернее, когда он усилием воли безжалостно подавил его, Сэм осмелился войти в комнату.

Он легонько прикоснулся к ее плечу. Нина тотчас проснулась и сонно посмотрела на него. В этот миг она показалась ему такой беззащитной, что у Сэма перехватило дыхание. Он был вынужден прокашляться, чтобы голос прозвучал отчетливо и уверенно.

— Пора вставать, — сказал он. — Вас хотят видеть детективы из отдела по расследованию убийств.

— Когда?

— Через час. У вас есть время принять душ. Я уже сварил кофе.

Она ничего не ответила, лишь удивленно посмотрела на него. Впрочем, что в этом необычного? Ведь еще ночью они обнимались, как настоящие любовники.

Сегодня утром он ведет себя так, будто они едва знакомы.

Сэм понял: заглянув к ней в комнату, подойдя к кровати, он совершил очередную ошибку. Дабы исправить свою оплошность, он в спешном порядке восстановил дистанцию, шагнув назад к двери.

— Не волнуйтесь, они зададут обычные вопросы, — сообщил он. — Но если вам кажется, что необходимо присутствие вашего адвоката…

— Зачем мне может понадобиться адвокат?

— Так, на всякий случай.

— Не нужен мне адвокат. Я ничего плохого не совершала. — Взгляд Нины был прямым и непокорным. Черт, он лишь пытается защитить ее права. Она же неправильно истолковала его предложение, как будто он в чем-то ее обвинял.

Переубеждать ее он не стал — не та ситуация.

— Они ждут нас, — произнес он и вышел из комнаты.

Пока Нина принимала душ, Сэм попытался что-то соорудить на завтрак, однако в его распоряжении был лишь французский батон, хранившийся

в холодильнике, и пачка кукурузных хлопьев месячной давности. Съестные припасы в холодильнике и кладовке были вопиюще скудными и наглядно демонстрировали убожество холостяцкой жизни. В общем, гордиться ему было нечем.

Злясь на самого себя, Сэм вышел из дома, чтобы забрать газету. Почтальон оставил ее на обычном месте в дальнем конце подъездной дорожки. Сэм уже почти подошел к дому, когда что-то привлекло его внимание, и он остановился как вкопанный.

На земле был отчетливо виден след.

Или, точнее, следы. Они выделялись на мягкой земле и вели к окну гостиной, после чего терялись среди травы и деревьев. Глубокие и четкие следы мужских ботинок. Размер по меньшей мере одиннадцатый.

Сэм посмотрел на дом и задумался о том, что человек, оставивший ночью эти следы, мог увидеть в окне. Темноту? Или же он разглядел Нину, подвижную мишень, когда она ходила по гостиной?

Сэм Наварро подошел к машине, которую оставил на ночь возле переднего крыльца, и медленно и методично осмотрел ее со всех сторон. Никаких следов тайных действий он не обнаружил.

«Наверно, я становлюсь параноиком. Скорее всего, эти следы ничего не значат».

Он вошел в дом и, заглянув в кухню, увидел, что Нина допивает кофе. Ее лицо раскраснелось, волосы все еще были влажны после душа. Заметив его присутствие, она нахмурилась.

— Что-то не так? — спросила она.

— Нет, все в порядке.

Сэм отнес свою чашку в раковину. Затем выглянул в окно и впервые подумал о том, в каком глухом месте стоит его дом и что опытный стрелок при желании без труда попадет в цель в открытые окна.

Он повернулся к Нине:

— Мне кажется, нам пора ехать.

«Зря я не последовала совету Сэма. Нужно было нанять адвоката».

Эта мысль посетила Нину, когда она уже сидела в одном из кабинетов полицейского участка. Перед ней за столом расположились три детектива из отдела по расследованию убийств. Держались они довольно вежливо, но Нина ощущала их служебное рвение, которое они изо всех сил старались скрыть. Детектив Йетс напоминал ей бойцового пса, которого удерживают на поводке и в строгом ошейнике, правда лишь до поры до времени.

Она посмотрела на Сэма, надеясь на его моральную поддержку. Как оказалось, напрасно. На протяжении всего допроса он даже ни разу не посмотрел в ее сторону. Он стоял возле окна, распрямив плечи и глядя на улицу. Сэм Наварро привез ее сюда и как будто бросил одну. Что тут скажешь, честный полицейский выполняет свой служебный долг. В эти минуты он играет роль копа.

— Я рассказала вам все, что знаю, — ответила она Йетсу. — Мне больше нечего добавить.

— Вы были его невестой. Кому еще об этом знать, как не вам.

— Повторяю, мне ничего не известно. Меня там не было. Вам лучше поговорить с Даниэлой…

— Мы с ней разговаривали. Она подтверждает ваше алиби, — признался Йетс.

— Тогда почему вы задаете мне эти вопросы?

— Потому что убийство не всегда совершается напрямую, — вставил сосед Йетса.

Йетс подался вперед и заодно попытался придать голосу сочувственную интонацию, а лицу — заботливое выражение.

— То, как с вами обошелся ваш жених, наверняка унизило вас и оскорбило. Он бросил вас прямо у алтаря. Ведь все вокруг узнали, что вы оказались ему не нужны.

Нина ничего не ответила.

— Это был мужчина, которого вы любили. Мужчина, которому вы верили. А вышло так, что он долгие дни и даже месяцы обманывал вас. Возможно, он даже смеялся над вами у вас за спиной. Этот мужчина был недостоин такой женщины, как вы. Но вы все равно любили его. А в ответ на любовь получили только страдания.

Нина опустила голову и промолчала.

— Отвечайте, Нина. Неужели вам не хотелось отплатить ему? Хотя бы чуть-чуть?

— Нет, нисколько, — прошептала она.

— Даже когда вы узнали, что он встречается с другой женщиной? Даже когда вы узнали, что это ваша мачеха?

Нина смерила Йетса неприязненным взглядом, но ничего не сказала.

— Но от правды не уйдешь. Мы разговаривали с Даниэлой, и она во всем призналась. Она какое-то время тайно встречалась с Робертом Бледсоу. В те часы, когда вы находились на работе. Вы не знали об этом?

Нина сглотнула застрявший в горле ком и молча покачала головой.

— А я думаю, что вы все-таки знали. Случайно догадались, или же он сам вам сказал.

— Нет.

— И что же вы испытали, какие чувства? Досаду? Боль? Злость?

— Не знаю.

— Вы были злы на него и хотели отплатить ему за неверность? Или найти кого-то, кто мог бы сделать это за вас?

— Я не знаю!

— В это трудно поверить, Нина. Думаете, вам удастся убедить нас в том, что вы ничего не знаете?

— Я не знаю!

— Знаете. Вы…

— Хватит! — вмешался в разговор Сэм. — Что ты, черт побери, себе позволяешь, Йетс?

— Я выполняю мою работу, — отрезал тот.

— Ты же давишь на нее. Допрашиваешь без адвоката.

— А зачем ей адвокат? Она утверждает, что невиновна.

— Она действительно невиновна.

Йетс самодовольно посмотрел на своих коллег из убойного отдела.

— Думаю, ни для кого не секрет, Наварро, что ты больше не занимаешься этим расследованием.

— У тебя нет полномочий.

— Эйб Куперсмит дал мне полномочия.

— Йетс, да мне… Фразу Сэма оборвал писк мобильника. Он раздраженно отключил звук.

— Я занят, — произнес он и вышел из комнаты.

Йетс повернулся к Нине.

— Итак, мисс Кормье, — продолжил он уже без прежнего выражения наигранного сочувствия, — вернемся к нашим вопросам.

Сообщение было от Эрни Такеды. Судя по сопутствующему значку на экране, оно требовало срочного ответа. Сэм позвонил коллеге из своего кабинета.

Набирать номер пришлось несколько раз, так как линия была какое-то время занята. Когда Такеда наконец ответил, в его голосе слышалось волнение.

— Сэм, у нас для тебя кое-что есть, — сообщил он. — И оно тебя обрадует.

— Отлично. Обрадуй меня.

— Отпечаток пальца. Он неполный, снят с осколков бомбы, взорванной на складе. Но его будет достаточно, чтобы опознать злоумышленника. Я уже отправил отпечаток в Национальный центр картографической информации. Потребуется несколько дней, чтобы прогнать его через базу данных. Так что потерпи. Будем надеяться, что там окажется досье на нашего взрывника.

— Ты прав, Эрни. Ты здорово порадовал меня.

— И еще кое-что. О взрыве бомбы в церкви.

— Что именно?

— На основании последствий взрыва я сделал вывод, что бомба могла быть завернута в подарочную упаковку. Поскольку следов часового механизма не было обнаружено, то взорваться бомба должна была при разворачивании обертки. Но взрыв произошел преждевременно. Может, короткое замыкание или что-то в этом роде.

— Ты упомянул подарочную упаковку, Эрни.

— Да. Серебристо-белая бумага.

«Свадебная упаковка, — подумал Сэм, вспомнив о подарке, доставленном утром в церковь. — Если бомба должна была взорваться при развертывании подарка, не оставалось никаких сомнений в том, кому предстояло стать жертвами».

«Но зачем кому-то нужно было убивать Нину Кормье? — думал он, возвращаясь в конференц-зал. — Неужели тут что-то связано с ревностью другой женщины? У Даниэлы Кормье мотив был, но могла ли она зайти так далеко, чтобы нанять убийцу, который подложил бы в церковь бомбу?»

Интересно, что он пропустил за короткое время своего отсутствия?

Сэм открыл дверь и замер на пороге. Три детектива из убойного отдела по-прежнему сидели за столом. Нины в комнате не было.

— Где она? — спросил Сэм.

Йетс равнодушно пожал плечами:

— Ушла.

— Что?

— Ей до чертиков надоели наши вопросы, и она встала и ушла.

— И вы позволили ей уйти?

— Мы ни в чем ее не обвиняем. Ты что же, Наварро, считаешь, что нам следовало предъявить ей обвинения?

Ответ Сэма состоял главным образом из непечатных выражений. Охваченный подспудной тревогой, он вышел из комнаты. Выйдя на улицу, он постоял на тротуаре, глядя себе под ноги. Затем осмотрелся по сторонам.

Нины нигде не было.

«Кто-то пытается убить ее, — подумал он, направляясь к своей машине. — Я должен срочно ее найти».

По автомобильному телефону он позвонил в дом ее отца. Нины нет, ответили ему. Тогда он набрал номер дома Роберта Бледсоу. Безрезультатно. В доме Лидии Уоррентон ее тоже не оказалось.

Во время обеденного перерыва он все-таки отправился в дом Лидии на Кейп-Элизабет. В горе люди часто возвращаются домой в поисках сочувствия и покоя. Нине больше некуда деться. Она наверняка у матери.

Лидия оказалась на месте. Нины — по крайней мере, пока — там не было.

— Я не видела ее со вчерашнего утра, — сообщила Лидия, пригласив Сэма пройти в комнату, из окон которой открывался изумительный вид на океан. — Не думаю, что она придет сюда.

— Вы знаете, куда она могла поехать? — спросил Сэм. — С кем она захочет увидеться в таком состоянии?

Лидия покачала головой:

— У меня с дочерью не слишком близкие отношения, детектив. Да они никогда и не были другими. По правде говоря, Нина росла довольно трудным ребенком.

— Что вы хотите этим сказать миссис Уоррентон?

Лидия присела на белый диван. Ее красный шелковый брючный костюм казался кричаще-ярким на фоне светлых диванных подушек.

— Я хочу сказать... возможно, из моих уст это прозвучит ужасно, но Нина в чем-то сильно разочаровала меня. Мы в свое время дали ей так много разных возможностей. У нее была возможность учиться за границей. В престижной школе-интернате в Швейцарии. Ее сестра Венди отправилась туда и была в восторге. Нина ехать наотрез оказалась, настояла на своем. Были и другие вещи. Парни, которых она приводила домой. Смехотворные наряды, которые она носила. Ей были открыты такие широкие перспективы, но она так ничего и не добилась в жизни.

— Она дипломированная медсестра, — возразил Сэм.

Лидия пожала плечами:

— Как и тысячи других девушек.

— Она не другая девушка, миссис Уоррентон. Она ваша дочь.

— Вот поэтому я и ожидала от нее большего. Ее сестра говорит на трех иностранных языках, играет на пианино и виолончели. Она замужем за адвокатом, который скоро сделает прекрасную юридическую карьеру. Тогда как Нина... — Лидия вздохнула. — Я представить себе не могла, что сестры могут быть такими разными.

— Возможно, главная разница, — произнес Сэм, вставая, — заключается в том, насколько вы их любили. И одну, и другую.

С этими словами он развернулся и вышел из комнаты.

— Мистер Наварро! — окликнул его голос Лидии, когда он уже подошел к входной двери.

Оглянувшись, он увидел ее в коридоре — воплощение такого идеального вкуса и элегантности, что она показалась ему неживой. Нереальной. Едва ли не бесплотной.

Она совсем не похожа на Нину.

— Мне кажется, у вас возникло ошибочное представление обо мне и о моей дочери.

— Вас беспокоит то, что я могу подумать?

— Я просто хочу, чтобы вы поняли: я сделала для нее все, что только было возможно при сложившихся обстоятельствах.

— При сложившихся обстоятельствах, — ответил Сэм, — она тоже сделала все возможное.

Сказал и шагнул за порог.

Сев в машину, он задумался — куда ехать? Затем сделал еще пару бесполезных звонков. Где, черт побери, она может быть?

Единственным местом, которое он не догадался проверить, была ее новая квартира. Нина сказала, что дом находится на Тейлор-стрит. Телефона там, возможно, еще нет. Нужно туда поехать и все проверить самому.

По пути в город он думал о том, что рассказала ему Лидия. Похоже, Нина была паршивой овечкой в своей семье, нелюбимым ребенком. Она вечно все делала не так и ни разу не услышала от матери доброго слова. Сэму, в отличие от нее, повезло. Его мать сумела воспитать в сыне уверенность в собственных поступках.

«Теперь мне понятно, — думал он, — почему ты хотела выйти замуж за Роберта». Брак с Робертом Бледсоу наверняка стал бы первым ее поступком, который получил бы одобрение матери. Даже если брак этот был обречен на неудачу.

Когда Сэм подъехал к дому, в котором Нина снимала квартиру, он был зол на весь мир. Зол на Лидию, на Джорджа Кормье, на череду его жен, на все их семейство за то, что оно практически с юных лет Нины нисколько не считалось с ее чувствами.

В дверь он постучал сильнее, чем следовало бы.

Ответа не последовало. Здесь ее тоже нет.

«Где ты, Нина?»

Он уже собирался развернуться и уйти, когда что-то заставило его повернуть дверную ручку. Дверь была не заперта.

Сэм толкнул ее внутрь.

— Нина! — позвал он.

Затем его взгляд упал на тонкий провод. Тот был почти невидим — тонкая серебристая нитка, протянутая вдоль дверного косяка и уходившая вверх, к потолку.

«О господи!..»

Сэм резко отпрянул назад и нырнул вбок, в коридор.

Ударная волна обрушилась прямо в дверной проем, вспоров стену и взметнув облако щепок и пыли.

Оглушенный взрывом Сэм лежал распростертый на полу коридора. Ему на спину, грозя похоронить его под собой, обрушилась настоящая лавина обломков.

Глава 8

— О господи, — воскликнул Джиллис, — ты действительно не оставил от этой махины камня на камне!

Они стояли на улице, за желтой лентой, натянутой полицейскими, ожидая, когда команда криминалистов, наконец, будет в полном сборе. Многоквартирный жилой дом — вернее, то, что от него осталось, — уже осмотрели на предмет других бомб, так что теперь наступил момент для шоу Эрни Такеды. Кстати, сам Эрни в данный момент был занят тем, что чертил сетку поиска, раздавал пластиковые мешки для сбора вещдоков и конкретные задания специалистам из криминалистической лаборатории.

Сэм знал, что они найдут. Следы динамита марки «Дюпон». Полоски зеленой изоленты шириной два дюйма. Кусок бикфордова шнура. То есть те самые компоненты, что и после взрывов в церкви и на складе.

Как и в случае с предыдущими взрывными устройствами, творениями рук покойного Винсента Спектера.

«Интересно, Винсент, кто твой наследник? — задался про себя вопросом Сэм. — Кому ты передал секреты своего ремесла? И почему в качестве жертвы избрал Нину Кормье?»

От одной только попытки разрешить эту загадку у него тотчас разболелась голова. Его по-прежнему с ног до головы покрывала пыль, на щеке синяк, сама щека распухла, а левое ухо до сих пор было заложено. Впрочем, оснований жаловаться у него не было. Слава богу, что остался жив.

В отличие от него Нине повезло куда меньше.

— Мы должны ее найти, — произнес он твердо, — прежде, чем ее найдет злоумышленник.

— Мы проверили ее родных, — ответил Джиллис, — отца, мать, сестру. Она нигде не объявилась.

— Тогда куда, черт возьми, она пропала? — Сэм принялся нервно расхаживать вдоль желтой ленты ограждения. Он был встревожен и взбудоражен одновременно. — Она выходит из полицейского управления, возможно, ловит такси или садится в автобус. И что потом? Каковы ее дальнейшие действия?

— Когда у моей жены дурное настроение, она отправляется в поход по магазинам, — ответил Джиллис с надеждой в голосе.

— Попробую еще раз позвонить ее родным. — Сэм повернулся к своей машине. — Может, она в конце концов где-то объявилась.

Он уже было протянул руку внутрь салона, чтобы взять телефон, как неожиданно застыл на месте, устремив взгляд на толпу зевак. В дальнем конце улицы застыла невысокая темноволосая фигурка. И хотя их разделяло приличное расстояние, он сумел прочесть на ее бледном лице нескрываемый ужас.

— Нина, — прошептал он и, бесцеремонно расталкивая людей, двинулся в ее сторону. — Нина!

Она заметила его, заметила, как он, работая локтями, пробирался к ней сквозь толпу зевак. Она тоже двинулась ему навстречу. Еще немного — и она бросилась ему на шею. В этот момент мир для Сэма перестал существовать, была только эта женщина, которую он сжимал в объятиях. Какое это было счастье — прижимать ее к себе, и как легко ее потерять!

Внезапно до него дошло: черт, да ведь он делает это на глазах у посторонних людей! Толпа надвигалась на них.

— Я сейчас увезу тебя отсюда, — произнес он и, обняв за плечи, повел к машине. И пока шел, всматривался в лица, пытался засечь любое неожиданное движение.

Лишь усадив Нину на сиденье «форда», он позволил себе вздохнуть с облегчением.

— Джиллис! — крикнул он. — Поручаю это дело тебе.

— А ты куда собрался?

— Отвезу ее куда-нибудь.

— Но ведь…

Сэм не стал продолжать разговор. Вместо этого он вырулил на соседнюю улицу и покатил прочь.

В северном направлении от города.

Нина в упор разглядывала его: синяк на щеке, припорошенные пылью волосы.

— Боже мой, Сэм, — прошептала она. — Тебе, наверно, больно!

— Слегка оглох на одно ухо, а в остальном ничего страшного. — Он покосился на Нину и понял, что не убедил ее. — Успел выскочить, прежде чем дом рванул к чертовой матери. Детонатор был с задержкой в пять минут. Приводился в действие открыванием входной двери, — пояснил он и, помолчав немного, добавил: — Это предназначалось тебе.

Нина промолчала. Впрочем, она все поняла и без слов, достаточно было посмотреть ей в глаза. Этот взрыв не ошибка и не случайность. На этот раз жертвой должна была стать она, и никто другой. Отрицать это просто глупо.

— Мы рассматриваем все возможные версии, — произнес Сэм. — Йетс снова допросит Даниэлу, но, как мне кажется, это ни к чему не приведет. У нас имеются неполные отпечатки пальцев с бомбы, которая взорвалась

на складе, и мы со дня на день ждем сообщения о том, кому они принадлежат. До тех пор для нас самое главное, чтобы с тобой ничего не случилось. А это значит, что ты сама должна нам в этом деле помочь. Делай то, что я скажу.

Сэм устало вздохнул и еще сильнее впился пальцами в руль.

— Это совсем не умно с твоей стороны, Нина. Я имею в виду то, что ты сделала сегодня.

— Я разозлилась. Мне нужно было немного побыть одной, подальше от вас, копов.

— И поэтому ты убежала из управления? Даже не сказав мне, куда направляешься?

— Ты бросил меня на съедение волкам, Сэм. Я испугалась, что Йетс наденет на меня наручники. Ты ведь сам отвел меня к нему.

— А что мне оставалось делать? Так или иначе, но он должен был тебя допросить.

— Он считает, что во всем виновата я. А поскольку он в этом уверен, я подумала, что… Я подумала, что и у тебя имеются на этот счет сомнения…

— Нет у меня никаких сомнений, — произнес Сэм недрогнувшим голосом. — По крайней мере, в том, что касается тебя. А после последнего взрыва, думаю, их не осталось и у Йетса. Потому что ты — жертва.

Впереди замаячил поворот на 95-ю трассу. Недолго думая Сэм свернул.

— Куда мы едем? — поинтересовалась Нина.

— Хочу увезти тебя подальше из города. В Портленде тебе оставаться опасно. Я выбрал подходящее местечко. Рыбацкий лагерь на озере Коулмэн. Я там бываю вот уже несколько лет. Удобства минимальные, зато можешь оставаться там столько, сколько сочтешь нужным.

— Так ты оставишь меня там одну, а сам уедешь? — спросила Нина.

— Меня ждет работа, и другого способа найти ответы на вопросы не существует. Если я, конечно, доведу это дело до конца.

— Что ж, пожалуй, ты прав. — Взгляд Нины был устремлен на дорогу. — Иногда я забываю, что ты полицейский.

Он стоял в глубине толпы на другой стороне улицы, наблюдая за тем, как команда криминалистов суетится, снует туда-сюда с пакетами для сбора улик и блокнотами. Судя по осколкам стекла и битому кирпичу на тротуаре, взрыв получился очень даже впечатляющим. Впрочем, так оно и было задумано.

Плохо то, что Нина Кормье осталась в живых.

Он заметил ее всего несколько секунд назад, когда ее провел сквозь толпу детектив Сэм Наварро. Наварро он узнал с первого взгляда. Вот уже несколько лет он пристально следил за его карьерой, читал все газетные публикации о работе антитеррористического отдела. Было ему известно и про Гордона Джиллиса и Эрни Такеду. Ему полагалось это знать. Ведь это были его враги, а хороший солдат должен знать своих врагов.

Наварро помог женщине сесть в машину. Было в этой заботе нечто подозрительное — не в привычках Наварро крутить с бабенками романы на работе. Копы его типа — в первую очередь профессионалы. Интересно, что это случилось в последнее время с блюстителями закона?

Посадив женщину в машину, Наварро сел с ней рядом и укатил прочь. Следовать за ними не имело смысла, наверняка вскоре подвернется новая возможность.

А пока его ждет работа, и на то, чтобы ее завершить, у него всего два дня.

Он потуже натянул перчатки и, выскользнув из толпы, никем не замеченный зашагал прочь.

Билли «Снежный человек» Бинфорд был доволен. Он даже расплылся в улыбке, глядя на своего адвоката, сидевшего по ту строну плексигласового барьера.

— Все будет прекрасно, Дарьен, — заявил Билли. — У меня все схвачено. Ты, главное, хорошенько поторгуйся об условиях апелляции. Чтобы мне как можно скорее вырваться от сюда.

Дарьен покачал головой:

— Я тебе уже сказал, Лиддел не намерен идти ни на какие уступки. И он сделает все для того, чтобы тебя осудили.

— Дарьен, Дарьен, где твоя вера?

— Веры нет, зато у меня четкое видение реальности. Лиддел метит занять кресло повыше. И ради этого он готов упечь тебя за решетку.

— Ему никого туда не упечь. Особенно после того, что случится в субботу.

— Что?

— Ладно, ты ничего не слышал. И я тебе ничего не говорил. Но поверь мне на слово. С Лидделом проблем не будет.

— Не хочу ничего знать! Даже не рассказывай!

Билли в упор посмотрел на своего адвоката — в его взгляде читались одновременно и жалость, и легкое лукавство.

— Знаешь, что я тебе скажу? Ты как та обезьяна, зажавшая лапами уши. Ничего дурного даже слышать не желаю. Спасибо тебе.

— Ты прав, — согласился Дарьен и с несчастным видом кивнул. — Это точно про меня.

В камине потрескивал огонь, но Нина все равно продрогла до костей. Снаружи стало совсем темно, последние лучи закатного солнца освещали темные силуэты сосен. С другой стороны озера, словно с того

света, доносились крики диких уток. Лес никогда не вызывал в ней чувство страха. Не боялась она также темноты или одиночества. Но сегодня ей почему-то было страшно; не хотелось, чтобы Сэм уезжал. Впрочем, она знала, что он вынужден это сделать.

Вскоре он вернулся в рыбацкий домик с охапкой дров и сложил их перед печкой.

— Думаю, тебе этого хватит на несколько дней, — пояснил он. — Я только что разговаривал с Генри Пирлом и его женой. Их домик расположен чуть дальше по дороге. Они пообещали, что будут несколько раз в день проверять, как у тебя дела. Я знаком с ними вот уже несколько лет, так что на них можно положиться. Если тебе что-то понадобится, просто постучи к ним в дверь.

Сэм сложил дрова у камина и отряхнул с рук грязь. Нина пристально посмотрела на него: рукава рубашки закатаны, на брюки налипли опилки. Глядя на него, скорее можно было подумать, что перед ней лесоруб, а не блюститель закона. Сэм подкинул в огонь еще одно березовое бревно. Пламя тотчас вспыхнуло еще ярче и рассыпалось трескучим фонтаном искр. Сэм повернулся к Нине. На фоне пламени было трудно разглядеть выражение его лица.

— Не переживай, — произнес он, — здесь ты в безопасности. Я бы никогда не оставил тебя здесь одну, будь у меня хотя бы малейшие сомнения.

Нина кивнула и заставила себя улыбнуться:

— Со мной все будет в порядке.

— На кухне есть удочка и коробка со снастями, на тот случай, если тебе захочется помериться силами с форелью. Кстати, одежда в шкафу в твоем полном распоряжении, можешь надевать все, что угодно. Понятное дело, что она тебе велика, но, по крайней мере, ты в ней не замерзнешь. А завтра жена Генри принесет тебе что-нибудь из женской

одежды. — Сэм на минуту умолк и усмехнулся. — Впрочем, она тебе тоже вряд ли придется впору. Потому что его жена в два раза меня толще.

— Ничего, как-нибудь обойдусь. Не переживай за меня.

На какое-то время воцарилось молчание. Оба знали, что сказать больше нечего, но Сэм все равно не спешил уходить. Он обвел взглядом комнату, как будто искал причину, чтобы задержаться здесь подольше. Впрочем, Нина была бы не против, если бы он остался с ней.

— До города далеко, — наконец произнесла она. — Думаю, тебе не помешает перекусить, прежде чем отправляться в путь. Может, мне что-нибудь для тебя приготовить? Как ты смотришь на такой кулинарный изыск, как макароны с сыром?

Сэм улыбнулся:

— Отвечу согласием на все, что угодно.

В кухне они рассортировали припасы, купленные в супермаркете по пути сюда. Немного терпения и ловкости рук, и вскоре вечерний стол украсил омлет с грибами, французский батон и бутылка вина. Электричество еще не дошло до этого берега озера, поэтому готовить пришлось на керосинке. Тем временем за окном сумерки сменились ночной тьмой, наполненной стрекотом сверчков.

Нина посмотрела на него через стол. Освещенное керосиновой лампой, лицо Сэма приобрело красноватый оттенок. Нина сосредоточила взгляд на кровоподтеке на его щеке. Ей не давала покоя мысль, что сегодня днем он лишь чудом избежал смерти. Впрочем, такая уж у него работа — все время подвергать себя риску. Бомбы. Смерть. Это безумие, подумала она, искренне недоумевая, как может человек в своем уме по собственной воле ежедневно рисковать своей жизнью. «Сумасшедшие копы, — подумала она. — Впрочем, я сама не лучше, потому что, похоже, влюбилась в этого парня».

Она сделала глоток вина, едва ли не кожей ощущая его присутствие в комнате. А еще то, что ее тянет к нему, тянет так сильно, что она даже забыла про еду.

Она поспешила напомнить себе, что он просто делает свою работу, что для него она не более как часть загадки, которую он пытается разгадать. Увы, вопреки собственным мыслям она тотчас представила себя вместе с ним — за столом, с бутылкой вина. Здесь, на берегу озера. Свечи. Смех. И дети. Ей почему-то подумалось, что из него вышел бы хороший отец. Он был бы с ними добр и терпелив, точно так же, как сейчас с ней.

«Откуда мне это известно? Это чистой воды фантазия. Плод моего воображения».

Она протянула руку, чтобы подлить Сэму вина. Но он закрыл стакан ладонью:

— Мне еще вести машину.

— Ах да, как это я забыла! — нервно усмехнулась она и поставила бутылку на стол. Затем, чтобы как-то занять руки, сложила и вновь расправила салфетку. Какое-то время оба не проронили не слова. И старались не смотреть друг на друга. По крайней мере, Нина тупо продолжала рассматривать столешницу.

Когда же, наконец, она осмелилась поднять глаза, то поймала на себе его пристальный взгляд. Он смотрел на нее, но не так, как смотрит коп на свидетельницу, на загадку, которую предстоит разгадать.

Он смотрел на нее так, как смотрит мужчина на женщину, которую хочет.

— Мне пора, — торопливо произнес он.

— Понимаю.

— Пока еще не слишком поздно.

— Да нет, еще очень даже рано.

— Мне срочно нужно назад в город.

Она прикусила губу и ничего не сказала. Разумеется, он прав. Его ждут в городе. Он нужен там всем. Она же была лишь крохотной частью загадки, которая лишь временно требовала его внимания. Сейчас она в безопасности, и он может вернуться к своим настоящим делам, своим настоящим заботам.

Впрочем, похоже, ему не хочется уезжать отсюда. Он даже не отодвинул от стола стул, не отвел от нее глаз. Если из них двоих кто-то и отводил взгляд, то только она. Нина нервно сжала в руке стакан с вином.

Сэм тотчас потянулся к ней и взял ее за руку. От неожиданности она даже вздрогнула. Не говоря ни слова, он забрал у нее стакан и поставил на стол. Затем поднял ее руку, ладонью вверх и легонько поцеловал ее запястье. Прикосновение его губ, легкая щекотка его дыхания — все это было мучительным и сладким одновременно. Если он, поцеловав всего один квадратный дюйм ее кожи, привел ее в такое смятение, то что бы он сделал с нею всей?

Нина закрыла глаза и негромко простонала.

— Я не хочу, чтобы ты уезжал, — прошептала она.

— Если я останусь, будет только хуже.

— Но почему?

— Вот почему, — ответил он и вновь коснулся губами ее запястья. — И вот почему. — Его губы переместились чуть ближе к локтю. Его жесткая щетина приятно щекотала ее нежную кожу. — Это ошибка. Ты это знаешь. Я это знаю.

— Но люди только и делают, что совершают ошибки, — возразила Нина. — Я, например, иногда даже не жалею о них.

Он посмотрел ей в глаза и прочел в них одновременно и страх, и смелость. Она ничего от него не прятала, наоборот, открывала себя всю.

Да и вообще, такой голод, какой читался в ее глазах, было бы невозможно спрятать.

Сэм встал из-за стола. Нина последовала его примеру.

Он притянул ее к себе и, взяв ее лицо в свои ладони, впился ей в губы. От его поцелуя, пропитанного вкусом вина и желания, у нее подкосились ноги. Чтобы не упасть, она прижалась к Сэму и положила руки ему на плечи. Не успела она перевести дыхание, как он уже целовал ее снова, еще более жадно и горячо. Соприкасались не только их губы, соприкасались их тела. Его руки скользнули по ее талии к бедрам. Ему не было необходимости прижимать ее к себе, чтобы она почувствовала его возбуждение. Потому что она его чувствовала, и это распалило ее еще больше.

— Если мы еще можем остановиться, — произнес он, — то лучше это сделать сейчас.

Она ответила на его слова поцелуем, в котором потонули любые остатки сомнений. Необходимость в словах отпала, разговор теперь вели их тела.

Охваченные страстью, они принялись срывать друг с друга одежду, чтобы наконец ощутить прикосновение разгоряченной кожи. Почти не прекращая поцелуя, они сумели дойти до соседней комнаты. Пламя в камине почти догорело, остались лишь теплые, красные угли. По-прежнему впившись в ее губы, он откинул с дивана покрывало и бросил его на пол рядом с очагом.

Глядя друг другу в глаза, они опустились на колени перед угасающими углями. На его обнаженных плечах играли тени. Желание грозило испепелить ее. Тело жаждало его прикосновений, но эти движения были медленны, словно он нарочно не спешил, пытаясь растянуть удовольствие от ее близости. Не сводя с нее пристального взгляда, он наблюдал, как она расстегнула лифчик и сбросила его на пол. Он потянулся, чтобы взять ее грудь в свои ладони, легонько потянул за сосок. От удовольствия Нина откинула голову назад и негромко

застонала. Прикосновение было нежным и легким, но даже оно лишило ее остатка сил. И она сдалась. Он слегка подтолкнул ее, и она откинулась на покрывало.

Ощущение было такое, будто ее тело сделалось жидким. Сэм расстегнул «молнию» на ее джинсах и стащил их с бедер. Шурша шелком, трусики соскользнули на пол сами. Теперь она лежала перед ним совершенно обнаженная, и только кожа ее отливала розовым в свете отблесков угасающего очага.

— Я столько мечтал о тебе, — прошептал он, и рука его скользнула к темному треугольнику внизу ее живота. — Прошлой ночью, когда ты была у меня дома, мне так хотелось тебя. Хотелось трогать тебя так, как я трогаю тебя сейчас. А потом я проснулся и сказал себе, что этого никогда не будет. Что это всего лишь плод моих фантазий. Что я просто внушил себе это желание. И вот теперь мы здесь с тобой… — Он нагнулся и поцеловал ее в губы. — Наверно, мы это все-таки зря.

— Неправда, не зря. Продолжай.

— Мне хочется того же, чего и тебе. Если не больше, — прошептал он в ответ. — Впрочем, как бы мы потом не пожалели об этом.

— Даже если и пожалеем, то это будет потом, а не сейчас. Сегодня есть только ты и я. Давай представим, что, кроме нас, в этом мире больше ничего и никого нет.

Он вновь поцеловал ее, и на этот раз его рука скользнула между ее ног. Его пальцы тотчас нащупали ее влагу и погрузились еще глубже в горячие, влажные лепестки. Нина простонала от удовольствия, не в силах больше сдерживать себя. Сэм скользнул внутрь еще одним пальцем и почувствовал, как она напряглась, а по ее телу пробежала дрожь. Она была готова принять его, но он не спешил, ему хотелось, чтобы мгновения с ней растянулись на целую вечность.

Он убрал руку, но лишь затем, чтобы снять с себя остатки одежды. Когда же он опустился перед ней на колени, она негромко ахнула от

восхищения. Боже, как он прекрасен! Причем не только телом, но и душой. Она видела это в его глазах, излучавших тепло и участие. До этого момента красота его души была от нее скрыта за маской крутого копа. Теперь же он не мог ничего от нее утаить. Он был перед ней как на ладони.

Впрочем, и она тоже — перед ним.

Ей было слишком хорошо, чтобы думать о каких-то приличиях. Его пальцы, дразня, нашли ее снова, и она со стоном откинулась на спину, объятая желанием. Все ее тело жаждало как можно скорее соединиться с ним.

— Прошу тебя, Сэм, — прошептала она, — Я не…

Он не дал ей договорить и, продолжая ласкать и мучить ее рукой, впился ей в губы жадным поцелуем. Так продолжалось еще несколько минут, пока она, казалось, не была готова взорваться от желания.

Лишь когда она уже почти достигла вершины наслаждения, он убрал руку и, раздвинув ей бедра, вошел в нее.

Она обвила его ногами, и они вместе, в едином ритме устремились к вершине блаженства. А когда достигли ее, то Нине показалось, будто она находится в удивительно приятном свободном падении. Обняв друг друга, они продолжали парить, пока постепенно, нежно и мягко, не вернулись на грешную землю.

Нина тотчас уснула в его объятиях. Проснулась она гораздо позже, оттого что озябла. Огонь в камине потух. И хотя она была завернута в плед, ее била легкая дрожь.

Потому что она была одна.

Набросив на плечи плед, она прошла в кухню и посмотрела в окно. Лунного света оказалось достаточно, чтобы понять: машины Сэма на месте нет. Значит, он вернулся в город.

«Я уже скучаю по нему», — подумала Нина. Его отсутствие показалось ей сродни темной, глубокой пропасти, что пролегла через ее жизнь.

Она вернулась в спальню, забралась под одеяла и попыталась унять дрожь. Увы, бесполезно. Уехав от нее, Сэм забрал с собой все тепло. И всю радость.

При мысли, что его отсутствие угнетает ее, Нине сделалось не по себе. В ее планы не входило влюбиться в этого красавца. Это было бы слишком. Сегодня они просто доставили друг другу удовольствие, потому что того требовали их тела. Что ж, как любовник он превосходен.

Но как любимый мужчина — нет, он явно не для нее.

Неудивительно, что он тайком улизнул. Он, как и она, тоже знал, что это ошибка. И в эти минуты, возможно, сожалеет обо всем.

Нина плотнее завернулась в одеяло и попыталась уснуть. Однако похоже, что она скорее дождется рассвета, чем уснет. Впрочем, какая разница, лишь бы ей стало хотя бы капельку легче после его отъезда.

Но холодная ночь, казалось, тянулась бесконечно.

Нет, он совершил ошибку. Глупую, непростительную ошибку.

Всю дорогу назад в Портленд, пока он вел машину по темному, пустынному шоссе, Сэм спрашивал себя, как он допустил такое.

Нет, он отлично понимал, как это случилось. Притяжение между ними было столь сильным, что ему было невозможно противостоять. Их неумолимо тянуло друг к другу с первого дня знакомства. Он пытался бороться с собой, постоянно напоминал себе, что он полицейский и находится при исполнении, она — лишь ключевой элемент в расследовании. Хороший полицейский никогда бы не попал в такую западню.

А Сэм привык думать, что он хороший полицейский. Теперь же он знал, что подвержен человеческим слабостям, что Нина — искушение,

которому он не смог противостоять. Не исключено, что пострадает все расследование, поскольку он уже утратил объективность.

А все потому, что эта женщина слишком много для него значит.

Нет, пострадает не только расследование, пострадает и он сам, и виноват в этом будет только он, и никто другой. Нина была напугана, неудивительно, что она нашла в его лице защитника и утешителя. Ему же не следовало подпускать ее на близкое расстояние, наоборот, он должен был держать свои порывы в узде. Вместо этого он поддался минутной страсти и вот теперь не может думать ни о чем другом, кроме этой женщины.

Сэм стиснул руль и заставил себя сосредоточиться на дороге. И на случае, который расследовал.

К часу ночи он вернулся в город, в половине второго уже сидел за своим рабочим столом, изучая предварительные отчеты Эрни Такеды. Как он и ожидал, бомба в квартире Нины была из того же разряда, что и взрывные устройства в церкви и на складе. Единственная разница состояла в способе детонации. Бомба на складе была снабжена элементарным таймером. Бомбу, принесенную в церковь, замаскировали под подарок, который должен был взорваться, когда кто-то попробует его развернуть. Взрывное устройство в квартире Нины приводила в действие входная дверь. А этот «пиротехник» парень изобретательный. Каких только способов не выдумал, чтобы взорвать бомбу! Каждое взрывное устройство предназначалось для конкретной ситуации, а это значит, что преступник не просто ловок и хитроумен, но и крайне опасен.

Домой Сэм вернулся лишь в пять утра — хотелось успеть немного вздремнуть. Потому что в восемь ему снова на работу, на утреннюю планерку.

Три взрыва за две недели. Явный перебор. Усталость и напряжение читались на лицах всех, кто сидел за круглым столом. Джиллис сидел с

каким-то побитым видом, шеф Куперсмит был готов в любую минуту сорваться на крик, и даже обычно непробиваемый Эрни Такеда демонстрировал признаки раздражения. Частично тому причиной было присутствие двух федеральных агентов из отдела по борьбе с нелегальным сбытом алкоголя, наркотиков и оружия. Глядя на них, Сэм подумал: эти два напыщенных индюка всем своим видом пытаются показать, что их приезд облагодетельствовал такую захолустную дыру, как Портленд.

Но больше всего раздражало присутствие окружного прокурора, Норма Лиддела, старого зануды и вечной занозы в заднице у полиции.

Лиддел потрясал утренним выпуском «Нью-Йорк таймс».

— Вы только взгляните на заголовки! — кипятился он. — «Портленд, штат Мэн, новая столица взрывных устройств». Вот что в Нью-Йорке пишут про нас! Про нас! — И он со злостью швырнул газету на стол. — Что, черт побери, происходит в этом городе? Кто этот чертов злоумышленник?

— Если хотите, мы можем предоставить вам его психологический портрет, — предложил один из федералов. — Это мужчина, довольно умный…

— Я и без вас знаю, что он довольно умный! — перебил его Лиддел. — Гораздо умнее всех нас, вместе взятых! Мне не нужен ваш психологический портрет! Я хочу знать, кто он такой! Скажите, кто-нибудь из присутствующих может назвать мне его имя?

За столом воцарилась тишина.

— Нам известно, кого он пытается убить, — первым нарушил молчание Сэм.

— Вы имеете в виду эту Кормье? — Лиддел презрительно фыркнул. — Почему же тогда до сих пор никто не смог мне внятно объяснить, зачем она понадобилась нашему преступнику?

— И тем не менее ему нужна именно она. И поэтому она — единственное связующее звено между злоумышленником и нами.

— А как насчет бомбы на складе? — не удержался подпустить шпильку Куперсмит. — Какое отношение имеет ваша Кормье к этому взрыву?

— Пока не знаю, — честно признался Сэм.

— А я готов делать ставки десять к одному, что взрыв на складе дело рук Билли Бинфорда и его подручных! — с жаром воскликнул Лиддел. — Это был бы вполне логичный шаг с его стороны. Запугать свидетеля обвинения. Скажите, эта ваша Кормье как-то связана с Бинфордом?

— Она знает о нем лишь из газет, — ответил Сэм. — Никакой связи нет.

— А ее родственники? Вдруг кто-то из них как-то связан с ним?

— Здесь тоже все чисто, — подал голос Джиллис. — Мы проверили финансовое состояние всей семьи — отца, матери, отчима, мачехи. И ничего не нашли. Никаких даже отдаленных связей с Бинфордом. Ее бывший жених также чист.

Лиддел откинулся в кресле:

— Эх, чует мое сердце, что нас ждут новые неприятности. Бинфорд явно затеял большую игру.

— Откуда вам это известно? — поинтересовался Куперсмит.

— У меня свои источники, — ответил Лиддел и покачал головой. — Я наконец упрятал за решетку Снежного человека, а он по-прежнему правит своей империей, даже из тюремной камеры, и ему плевать на правосудие. Я уверен, что взрыв на складе — это часть его тактики. Он пытается запугать нас, пытается запугать свидетелей. И если я не добьюсь, чтобы ему дали срок, через несколько месяцев он вновь будет гулять на свободе. И тогда он начнет запугивать свидетелей лично.

— Но ведь дело вроде идет к тому, что срок ему все же дадут, — успокоил прокурора Куперсмит. — У вас есть надежные свидетели, необходимые финансовые улики. Да и судью вы назначили неподкупного.

— Все верно, но Бинфорд даже из-за решетки мутит воду, — возразил Лиддел. — Этот мерзавец явно прячет в рукаве козырной туз. Вот только хотел бы я знать, что это такое. — С этими словами окружной прокурор посмотрел на Сэма. — Где вы прячете эту свою Кормье?

— В надежном месте, — ответил Сэм.

— И вы не желаете разглашать тайну, я правильно понял?

— В данных обстоятельствах я предпочитаю, чтобы в курсе местонахождения мисс Кормье были лишь два человека — я и Джиллис. Если у вас есть к ней вопросы, я могу их задать ей вместо вас.

— Я всего лишь хочу знать, какое отношение она имеет к этим взрывам. Зачем Снежному человеку понадобилось ее убивать?

— А что, если Бинфорд здесь ни при чем? — вопросом на вопрос ответил Сэм. — Он в тюрьме, а к взрывам причастен кто-то другой, только мы не знаем, кто именно.

— В таком случае найдите его мне, — огрызнулся Лиддел. — Прежде чем Портленд прославится на всю Америку, как какой-нибудь Бейрут.

С этими словами окружной прокурор поднялся из-за стола, давая понять, что планерка окончена.

— Через месяц Бинфорд предстанет перед судом. И я не желаю, чтобы моих свидетелей запугивали новыми взрывами. Так что давайте ловите вашего злоумышленника, прежде чем он окончательно загубит мне дело, — добавил Лиддел и вышел вон.

— Да, год выборов — это сущий ад, — пробормотал Джиллис. Народ тем временем гуськом выходил из конференц-зала.

— Наварро, можно тебя на минутку? — произнес Куперсмит.

Сэм внутренне напрягся. Он знал, что сейчас последует. Куперсмит закрыл дверь и повернулся к нему лицом:

— Ты и эта Кормье. Что там между вами?

— Она нуждается в защите. Вот я и взял над ней шефство.

— Ах, теперь это так называется.

Сэм устало вздохнул:

— Согласен, наверно, я проявляю о ней больше заботы, чем нужно.

— Вот и мне тоже так показалось. — Куперсмит покачал головой. — Сэм, ведь ты же умный парень. Зачем тебе это нужно? Такие ошибки — удел новичков. Но тебе-то, с твоим опытом?

— Понимаю.

— Это чревато неприятностями для вас обоих. Мне придется отстранить тебя от расследования.

— Нет, я должен продолжить начатое.

— Из-за этой женщины?

— Потому что я хочу поймать преступника. И я его поймаю.

— Прекрасно, главное — держись подальше от Нины Кормье. По идее я не должен давать тебе такие советы, ты и сам все знаешь лучше меня. Уж кто-кто, а ты-то должен знать, если такое случается, жди неприятностей. Сейчас ты воображаешь себя этаким Джоном Уэйном, но, как только все будет кончено, она увидит, что ты простой смертный, как и все мы. Мой тебе совет, одумайся, Сэм. Эта Кормье — бабенка смазливая, да и папаша у нее денежный мешок. Наш брат полицейский ей не нужен.

«Что ж, он прав, — подумал Сэм, — да я и сам это знаю по личному опыту. Неприятности не заставят себя ждать».

Неожиданно дверь, ведущая в конференц-зал, распахнулась, и на пороге появился Такеда. Было видно, что он чем-то взволнован.

— Вы не поверите! — воскликнул он, размахивая листом бумаги для факсов.

— Что случилось?

— Данные криминалистической лаборатории! Они только что установили, кому принадлежат отпечатки пальцев на осколке бомбы.

— И кому же?

— Полное совпадение. Это Винсент Спектер!

— Быть того не может! — воскликнул Сэм и, выхватив лист бумаги из рук Такеды, пробежал глазами факс. То, что в нем говорилось, не оставляло сомнений в том, что они вышли на верный след.

— Это какая-то ошибка, — попытался возразить Куперсмит. — Ведь его тело было найдено и опознано! Он гниет в земле вот уже несколько месяцев!

— Похоже что нет, — отрезал Сэм, отрывая глаза от листа бумаги.

Глава 9

Хотя лодка была старая и много повидавшая на своем веку, но все еще крепкая. По крайней мере, пока Нина гребла по озеру, течи лодка не дала. День клонился к вечеру, и по глади озера неторопливо скользили две утки, не обращая внимания ни на лодку, ни на гребца. Над озером царили полное безветрие и тишина. Собственно, таким и должен быть теплый летний день.

Нина направила лодку на середину озера, где на поверхности воды играли солнечные блики, после чего отпустила весла. Лодка тотчас начала описывать медленные круги. Нина откинулась на спину и устремила взор к небу. В вышине над ее головой кружились птицы, а над ее лицом иногда зависали, подрагивая радужными крыльями, стрекозы.

Неожиданно Нина услышала, как кто-то позвал ее по имени. Она резко встала, и лодка покачнулась.

Она увидела его. Он стоял у самой кромки воды и махал ей рукой.

Она тотчас взялась за весла и начала грести к берегу. Сердце было готово вырваться из груди — не столько от физической нагрузки, сколько от радости. Но почему Сэм вернулся так рано? Накануне ночью он уехал от нее, даже не попрощавшись. Так обычно уезжают от женщины, с которой больше не хотят встречаться.

И вот теперь он снова здесь, ждет ее на берегу, наблюдая за ней хорошо знакомым, непроницаемым взглядом. Интересно, о чем он сейчас думает? Трудно сказать. По крайней мере, ей ни разу не удалось заглянуть к нему в душу. Этот мужчина сводил ее с ума, и, пока ее лодка скользила по глади озера, преодолевая последние разделяющие их ярды, Нина ощущала, как вновь отдается во власть приятному безумию. Потребовались немалые усилия, чтобы подавить в себе эту коварную слабость.

Подплыв ближе, она кинула ему веревку, и он подтянул ее к берегу, а как только нос лодки коснулся суши, помог выбраться на берег. Одно лишь соприкосновение их рук, пока он помогал ей выйти из лодки, — и по телу вновь пробежала приятная дрожь. Впрочем, достаточно было один раз заглянуть ему в глаза, чтобы понять: надеяться на то, что он станет ее любовником, не приходится. Перед ней был полицейский — деловой, холодный, безликий. Совсем не тот мужчина, что накануне ночью сжимал ее в объятиях.

— Есть кое-какие новости, — сообщил он.

Нина так же равнодушно встретила его взгляд:

— И что за новости?

— Похоже, мы знаем, кто стоит за взрывами. И я хотел бы, чтобы ты взглянула на кое-какие фотоснимки.

Нина сидела на диване возле камина — того самого камина, что согревал их, когда они накануне ночью занимались любовью, — и перебирала фотографии преступников. Камин давно потух и сейчас был холоден, как и она сама, — и душой и телом. Сэм сидел от нее на расстоянии как минимум в фут и молча наблюдал, как она перебирает страницы в альбоме с фотографиями, внимательно вглядываясь в лицо каждого потенциального преступника. Перебрав все снимки, она наконец добралась до последнего и покачала головой, закрыв альбом.

— Никого не узнаю, — сказала она.

— Ты уверена?

— На все сто. Почему ты сомневаешься? И кого, по-твоему, я должна узнать?

Было видно, что Сэм разочарован. Открыв альбом на четвертой странице, он вновь протянул его ей:

— Посмотри на это лицо. Третье снизу, в первой колонке. Ты когда-нибудь встречала этого человека?

Нина какое-то время внимательно изучала фотографию.

— Нет, — произнесла она наконец, — первый раз вижу.

Сэм со вздохом откинулся на спинку дивана.

— Нет, это какое-то наваждение, — произнес он.

Нина по-прежнему рассматривала фото. Изображенному на ней мужчине было за сорок. Светлые волосы, голубые глаза, впалые щеки, придававшие ему изможденный вид. Ее внимание привлекли его светлые глаза: в них читалась угроза. Казалось, он буравил ее взглядом. Странное впечатление для обыкновенного фото. Нина даже поежилась.

— Кто это? — спросила она.

— Его зовут, вернее, звали Винсент Спектер. Пять футов одиннадцать дюймов ростом, вес сто восемьдесят фунтов, возраст сорок шесть лет. По крайней мере, ему было бы сорок шесть, будь он сейчас жив.

— Ты хочешь сказать, что не знаешь, жив ли он?

— Мы думали, что он умер.

— А теперь не уверены?

— Нет, теперь не уверены.

Наварро поднялся с дивана. В домике становилось зябко, и Сэм, сев на корточки перед камином, попробовал развести огонь.

— В течение двенадцати лет, — заговорил он, — Винсент Спектер служил в армии взрывником. Затем его с позором выгнали со службы за какую-то мелкую кражу. Новую карьеру он построил очень быстро. Стал тем, кого мы называем спецом. Большие взрывы. Большие деньги. Был готов наняться в услужение к любому, кто хорошо платил ему за его «искусство». Работал на террористов у нас и за границей. На боссов преступного мира по всей стране.

На протяжении многих лет деньги ему в карман текли рекой. Но затем удача изменила Спектеру. Его узнали на видеозаписи камеры наблюдения в одном из банков. Арестовали, осудили, но за решеткой он провел всего год. Затем сумел бежать.

Сэм чиркнул спичкой и поднес ее к сухим щепкам растопки. Те с треском вспыхнули и разгорелись ярким пламенем. Сэм положил поверх них полено и вновь обернулся к Нине.

— Шесть месяцев назад, — продолжил он свой рассказ, — останки Спектера были обнаружены среди груд битого кирпича после того, как одна из подложенных им бомб разрушила складское помещение. Вернее, власти решили, что нашли его тело. Хотя теперь мы склонны думать, что оно принадлежало кому-то другому. А Спектер жив и разгуливает на свободе.

— Откуда это вам известно?

— Потому что мы получили отпечатки пальцев с осколков бомбы, которой был взорван склад.

Нина в упор посмотрела на него:

— Ты хочешь сказать, что ему ничего не стоило взорвать церковь?

— Я почти в этом уверен. Тебя пытается убить Винсент Спектер.

— Но я не знаю никаких Винсентов, тем более с такой фамилией! Я в первый раз слышу его имя!

— И ты не узнаешь его на фото?

— Нет.

Сэм поднялся. Теперь за его спиной весело потрескивало пламя — это разгорелось полено.

— Мы показывали его фото другим членам твоей семьи. Никто из них его не опознал.

— Это какая-то ошибка. Даже если этот человек жив, зачем ему понадобилось меня убивать?

— Его вполне мог нанять кто-то другой.

— Вы уже изучили эту версию. И вышли лишь на Даниэлу.

— Не будем пока от нее отказываться. Разумеется, она сама это отрицает. К тому же она прошла проверку на детекторе лжи.

— Она позволила вам нацепить на себя провода?

— Да, она дала согласие. И мы провели проверку.

Нина изумленно покачала головой:

— Ну она дает! С трудом верится.

— Между прочим, похоже, эта процедура ей даже понравилась. Мужики нашего отдела таращились на нее во все глаза.

— Да, она мастерица кружить мужчинам голову. По крайней мере, в отношении моего отца это ей удалось великолепно. Да и в отношении Роберта тоже, — негромко добавила Нина.

Сэм теперь расхаживал по комнате, вернее, описывал медленные круги вокруг дивана.

— Что возвращает нас к вопросу о Винсенте Спектере. И того, что его связывает с тобой. Или Робертом.

— Я тебе уже сказала, что впервые слышу это имя. И не помню, чтобы Роберт когда-либо упоминал его в разговорах.

Сэм обошел диван и снова встал напротив камина. На фоне пламени его лицо казалось непроницаемой маской.

— Спектер жив. И он сделал бомбу, предназначавшуюся тебе и Роберту. Почему?

Нина посмотрела на фотографию террориста. Как ни напрягала она память, вспомнить его она не смогла. Лишь глаза выдавали смутно знакомого человека. Она вполне могла видеть этот взгляд раньше — в отличие от лица.

— Расскажи мне о нем чуть больше, — попросила Нина.

Сэм подошел к дивану и сел с ней рядом. Не вплотную, чтобы не касаться ее тела, но на очень небольшом расстоянии, чтобы она ощущала его близость.

— Винсент Спектер родился и вырос в Калифорнии. В девятнадцать лет пошел служить в армию. Очень скоро проявил склонность к взрывным работам. Прошел специальную подготовку взрывника. Принимал участие в операциях на Гренаде и в Панаме. Именно там он потерял

палец — пытаясь обезвредить подложенную террористами бомбу. Он в принципе мог уйти на инвалидность, однако...

— Погоди, ты хочешь сказать, что у него не хватает одного пальца?

— Верно, не хватает.

— На какой руке?

— На левой. А почему ты спрашиваешь?

Нина застыла как статуя, напряженно вспоминая, у кого она могла видеть руку без одного пальца. Почему ей кажется, что она точно где-то ее видела? Но вот где и у кого?

— Это средний палец на левой руке? — наконец произнесла она.

Сэм, нахмурив лоб, потянулся за портфелем с бумагами и, вытащив папку, быстро пролистал ее содержимое.

— Да, ты права. Это средний палец левой руки.

— Причем никакой культи. Просто нет пальца, и все.

— Тоже верно. Врачи были вынуждены ампутировать все то немногое, что осталось.

Он смотрел на нее, и в глазах его читалась тревога.

— Значит, ты его все-таки знаешь, — охрипшим от волнения голосом произнес он.

— Я... я не уверена. Просто мне вспомнился один человек, у которого не было среднего пальца левой руки.

— Что? Где ты его видела?

— В нашем отделении экстренной помощи. Несколько недель назад. Мне запомнилось, что он был в перчатках и не хотел их снимать. Мне нужно было проверить его пульс. И я была вынуждена стащить с его левой руки перчатку. Я никак не ожидала, что у него не будет одного

пальца. По всей видимости, соответствующий палец перчатки был набит ватой. Должно быть, я уставилась на его кисть, потому что, помнится, спросила у него, где он лишился пальца. Он ответил, что палец застрял в каком-то станке.

— Но что ему нужно было в отделении экстренной помощи?

— Если я правильно помню, его привел туда несчастный случай. Да-да, его сбил какой-то велосипедист. Он порезал руку, и ему нужно было наложить швы. Странно, но после этого он исчез. То есть как только ему наложили швы. Когда я вернулась, его уже не было. Никаких тебе спасибо за помощь, ничего. Просто исчез, словно его ветром сдуло. Я еще подумала, что он это сделал для того, чтобы не платить за оказанную помощь. Но потом я выяснила, что он все-таки заплатил. Наличными.

— Ты помнишь, как его звали?

— Нет, — пожала плечами Нина. — У меня отвратительная память на имена.

— Тогда опиши его мне. Все, что тебе удалось запомнить.

Какое-то время Нина сидела молча, пытаясь вспомнить лицо человека, которого видела несколько недель назад, да и то всего один раз.

— Помнится, он был довольно высокого роста, потому что, когда его положили на кушетку, его ноги свисали через край. — Она вопросительно посмотрела на Сэма. — Примерно одного роста с тобой.

— Во мне шесть футов. Винсент Спектер ростом пять футов одиннадцать дюймов. А что ты скажешь мне про его лицо? Глаза? Волосы?

— Волосы у него были темные, почти черные. А вот глаза… — Нина откинулась на спинку дивана и сосредоточенно наморщила лоб. Ей вспомнилось, как ее испугало отсутствие пальца. Она тогда подняла взгляд и вопросительно посмотрела пациенту в глаза. — По-моему, голубые.

— У Спектера тоже голубые глаза. Но волосы светлые. Впрочем, он вполне мог их покрасить.

— Но лицо было другое. Не такое, как на фото.

— У Спектера есть деньги. При желании он мог сделать пластическую операцию и полностью изменить свою внешность. В течение шести месяцев мы считали его мертвым. За это время ничто не мешало ему сделать из себя совершенно другого человека.

— Хорошо, допустим, это был он. Это его я видела тогда в больнице. Но разве это делает из меня потенциальную жертву? С какой стати ему пытаться меня убить?

— Ты видела его лицо. Ты можешь его опознать.

— Но ведь его лицо видели многие, не только я!

— Ты единственная, кто мог бы опознать в нем человека с отсутствующим пальцем. Ты сказала, что он был в перчатках и не хотел их снимать.

— Да, потому что они были частью его униформы. Может, единственная причина в том, что он...

— Постой! Какой униформы?

— Что-то вроде куртки с медными пуговицами. И белые печатки. На брюках галуны. Ну, такую еще носят лифтеры или коридорные в гостиницах.

— А на куртке не было никакой эмблемы? Например, название здания или отеля.

— Нет.

Сэм вновь вскочил на ноги и принялся нервно мерить шагами комнату.

— Ну хорошо, допустим, с ним произошел небольшой несчастный случай. Он порезал руку, ему нужно в травмпункт, чтобы ему наложили

швы. Ты замечаешь, что у него нет пальца. И ты видишь, что на нем какая-то униформа.

— Но разве после этого я представляю для него угрозу?

— Кто знает. Сейчас он живет под совершенно иной личиной. И власти понятия не имеют, как он теперь выглядит. Но отсутствие пальца тотчас выдает его с головой. Ты видела его кисть. Ты видела его лицо. В принципе ты способна опознать его.

— Но ведь я ничего не знаю ни про какого Винсента Спектера! Мне бы и голову не пришло обращаться в полицию!

— Мы уже подняли вопрос о его так называемой смерти. И теперь у нас есть веские сомнения на тот счет, что он действительно умер. Зато у нас имеются все основания полагать, что он жив и продолжает делать свое черное дело. Еще один взрыв, и мы бы вышли на его след. Для этого достаточно объявить народу, что мы ищем человека с отсутствующим средним пальцем. Думаю, ты бы первая пришла к нам. Разве не так?

— Конечно, пришла бы, — кивнула Нина.

— Может, именно этого он и испугался. Что ты сказала бы нам то, чего мы пока не знаем. А именно как он сейчас выглядит.

Какое-то время Нина молчала, глядя на альбом с фотографиями, и вспоминала тот день в отделении экстренной помощи. Она пыталась вспомнить пациентов, их болячки, ушибы и вывихнутые лодыжки. Она вот уже восемь лет работала медицинской сестрой, и за это время через ее руки прошло такое количество пациентов, что часы приема слились в один бесконечный рабочий день. Но что касается человека в перчатках, то в память ей врезалась еще одна деталь. Нечто такое, от чего по спине пробежал неприятный холодок.

— Врач, который зашивал ему рану, — негромко произнесла она.

— Да? И кто же это был?

— Роберт. Это был Роберт.

Сэм пристально посмотрел ей в глаза. И в этот момент он понял. Они оба поняли: Роберт находился в том же кабинете. Он видел лицо пациента, он видел его изуродованную левую руку. Он, как и Нина, мог легко опознать Винсента Спектера.

И вот теперь Роберта нет в живых.

Сэм потянулся и взял руку Нины в свою.

— Только не плачь, — произнес он, поднимая ее с дивана.

Они стояли лицом к лицу. Ее тело тотчас отреагировало на его близость, ощущение было такое, будто внизу живота запорхали мотыльки. В эти мгновения ей страстно его хотелось.

— Я отвезу тебя назад в Портленд, — сказал Сэм.

— Сегодня вечером?

— Хочу, чтобы ты встретилась с нашим художником. Посмотрим, вдруг нам удастся создать фоторобот преступника.

— Вряд ли от меня будет польза. Если бы я его увидела, то конечно же узнала бы. Но описать его лицо…

— Наш художник поможет тебе это сделать. Самое главное, что теперь нам есть над чем работать. А еще я попросил бы тебя помочь мне пересмотреть карточки пациентов, приходивших в тот день к вам в отделение. Вдруг мы сумеем обнаружить что-то такое, о чем ты забыла.

— Мы храним записи обо всех случаях обращения к нам. Так что найти карточку я тебе помогу.

«Я сделаю все, о чем ты меня попросишь, — добавила она мысленно, — лишь бы ты только перестал изображать из себя крутого полицейского».

Они продолжали стоять, глядя друг другу в глаза, и ей показалось, что в какой-то миг она прочла в его взгляде желание. Увы, всего на какой-то

миг, потому что Сэм поспешил отвернуться, чтобы достать из стенного шкафа куртку, которую потом накинул ей на плечи. Одно только прикосновение его пальцев, и по ее телу пробежала сладкая судорога.

Нина повернулась, чтобы посмотреть ему в лицо.

— Скажи, между нами что-то было? — негромко спросила она.

— Что ты имеешь в виду?

— Прошлую ночь. Или ты хочешь сказать, что мне все приснилось? Мы с тобой занимались любовью здесь, в этой комнате. И теперь мне не дает покоя вопрос, что я сделала не так. Ты держишься со мной… с подчеркнутым безразличием.

Сэм устало вздохнул. А может, это был вздох сожаления.

— То, что произошло прошлой ночью, — произнес он наконец, — не должно было произойти. Мы совершили ошибку.

— Я так не думаю.

— Нина, для полицейского, расследующего преступление, влюбиться — всегда ошибка. Ты напугана, тебе нужен защитник, герой. И так получилось, что на эту роль подвернулся я.

— Но ведь ты не играешь никакой роли! И я тоже не играю. Ты мне не безразличен. Боюсь, что я уже почти влюбилась в тебя.

Он посмотрел ей в глаза, но не проронил ни слова. Впрочем, его молчание было красноречивее всяких слов.

Нина отвернулась, лишь бы не видеть его равнодушного взгляда.

— Господи, я чувствую себя полной идиоткой, — произнесла она с наигранной веселостью. — Как же я раньше не поняла: такие вещи случаются с тобой постоянно. Ты, должно быть, привык к тому, что женщины сами вешаются тебе на шею.

— Неправда.

— Вот как? Ты ведь герой-полицейский. Кто устоит перед твоим обаянием? — Она вновь обернулась к нему. — Ну и как я по сравнению с другими?

— Нет никаких других, нет и не было! Нина, поверь, у меня и в мыслях нет отталкивать тебя. Я просто хочу, чтобы ты поняла: нас свела ситуация, в которой ты оказалась. Нас свела опасность, нависшая над тобой угроза. Ты смотришь на меня и в упор не видишь моих недостатков! Отказываешься признаться самой себе, что я вовсе не тот, кто тебе нужен. Ты была помолвлена с Робертом Бледсоу. Выпускник престижного университета. Диплом врача. Дом в дорогом рай оне. А кто я такой? Обыкновенный коп!

Чувствуя, как к глазам подступили слезы, Нина покачала головой:

— По-твоему, я так о тебе думаю? Что ты всего лишь обыкновенный коп?

— Но ведь я именно такой.

— Неправда, ты удивительный человек. — Она протянула руку, чтобы дотронуться до его щеки. Он попытался отпрянуть, но не успел, и ее пальцы коснулись небритого подбородка. — Сэм, ты добрый. Ты заботливый. Ты смелый. Таких людей, как ты, я еще ни разу не встречала. Да, ты полицейский, и в этом нет ничего зазорного. Ты спас мне жизнь. Ты следил, чтобы со мной ничего не случилось…

— Но ведь это моя работа.

— И это все?

Он ответил не сразу. Лишь продолжал смотреть ей в глаза, как будто не знал, стоит ли говорить правду.

— Скажи, Сэм. Ты делал это лишь потому, что такая у тебя работа?

— Нет, конечно, — вздохнул он наконец. — Не только поэтому. Да, ты мне небезразлична.

Его признание наполнило ее сердце ликованием. Нина улыбнулась. Прошлой ночью она чувствовала его тепло, его заботу. Что бы он ни говорил о себе, под маской безразличия скрывался человек с его страстями и слабостями. Боже, как ей хотелось в эти минуты броситься к нему в объятия, вытащить настоящего Сэма Наварро из глубокой норы, в которую он от нее спрятался.

Он протянул руку и осторожно, но твердо убрал ее ладонь от своего лица.

— Прошу тебя, Нина, — произнес он, — не надо все усложнять. У меня есть работа, которую я должен выполнять, и нельзя, чтобы меня что-то отвлекало. Потому что это опасно. И для тебя, и для меня.

— Но ведь я тебе нравлюсь? Это все, что я хотела бы знать. Что я для тебя не чужой человек.

Сэм кивнул — самое большее, на что она могла надеяться.

— Уже поздно. Нам нужно ехать, — пробормотал он и повернулся к двери. — Я подожду тебя в машине.

Нина нахмурилась, глядя на составленный компьютером портрет подозреваемого.

— Не совсем похоже, — сказала она.

— Что не так? — спросил Сэм.

— Не знаю. Представить лицо человека не так-то легко. Я ведь видела его всего лишь раз. И конечно же не ставила своей целью запомнить форму носа или подбородка.

— Но он хотя бы отдаленно похож на этот портрет?

Нина внимательно вгляделась в лицо на компьютерном экране. В течение примерно часа они подбирали носы, брови, подбородки. Но лицо, которое в конечном счете у них получилось, было невыразительным, напрочь лишенным индивидуальности. Впрочем,

такова особенность всех фотороботов, по крайней мере тех, которые она видела.

— Сказать по правде, — вздохнула Нина, — я не уверена, что он выглядел именно так. Если бы вы попросили меня опознать его среди других, я, пожалуй, это сделала бы. А вот воссоздать один раз увиденное лицо мне явно не по силам.

Было видно, что Сэм расстроен.

— Все равно, сделайте на всякий случай распечатку, — произнес он, обращаясь к компьютерщику. — Разошлите копии во все полицейские участки и информационные агентства.

— Будет сделано, начальник, — ответил тот и нажал на кнопку принтера.

Сэм проводил Нину из кабинета.

— Извини, — обратилась она к нему жалобным тоном. — Честное слово, мне стыдно, что от меня было мало толку.

— Неправда, ты сделала все, что в твоих силах. И ты права: воссоздать лицо человека по памяти — дело непростое. Особенно лицо человека, которого ты видела лишь раз в жизни. Но ты уверена, что узнала бы его, случись тебе увидеть его живьем?

— Думаю, что да.

Сэм пожал ей локоть:

— Наверно, это единственная помощь, которая нам от тебя понадобится. При условии, что мы его все-таки возьмем за одно место. Что, между прочим, подводит нас к следующему пункту повестки дня.

— И к какому же?

— Джиллис уже в больнице, изучает карточки пациентов. Ты нужна ему, чтобы объяснить кое-какие записи.

— Что-что, а это для меня не проблема, — ответила Нина.

Они застали Джиллиса в одном из кабинетов отделения экстренной медицинской помощи. Он сидел за столом, а перед ним высились стопки карточек. В подрагивающем свете ламп дневного света лицо его казалось каким-то неестественно бледным. Дело близилось к полуночи, а он провел в больнице весь день, начиная с семи утра. Впрочем, рабочий день Сэма начался тогда же.

Для них обоих ночь лишь начиналась.

— Думаю, я нашел то, что нам нужно, — произнес он, когда Сэм с Ниной вошли в кабинет. — 29 мая, пять часов вечера. Что вы скажете, мисс Кормье? Я прав?

— Похоже что да.

Джиллис протянул ей лист бумаги. Это была карточка с одной-единственной записью о посещении отделения экстренной помощи. Наверху значилось имя — Лоренс Фоли, его адрес и номер телефона. В строке «Основные жалобы больного» Нина узнала собственный почерк. Чуть ниже ее рукой было дописано: «Белый мужчина сорока шести лет сбит на переходе велосипедистом. Упал, поранил о щиток руку. Потери сознания не было».

— Это он, — подтвердила Нина и кивнула. — Вот подпись Роберта, в самом низу. Лечащий врач. Он обработал рану — наложил четыре шва, как здесь записано.

— Мы проверили это имя, Лоренс Фоли? — спросил Сэм у Джиллиса.

— По этому адресу нет жильцов с таким именем, — ответил Джиллис. — И такого телефонного номера тоже нет.

— Так я и думал, — произнес Сэм. — Фальшивый адрес, фальшивое имя. Это он и есть.

— Можно подумать, это облегчает наши поиски, — буркнул Джиллис.

— Он не оставил никаких улик, никаких следов. И где теперь нам его искать?

— Мы распространим его фоторобот. Мы знаем, что он носит униформу, возможно коридорного. Значит, можно проверить отели. Попытаемся сопоставить фоторобот с фотографиями тамошних служащих, — произнес Сэм и нахмурился. — Отель. С какой стати ему работать в отеле?

— Но ведь он должен где-то работать, — предположил Джиллис.

— В качестве коридорного? — Сэм покачал головой. — Если это действительно Винсент Спектер, то у него наверняка имеются причины там работать. Какая-то цель. — Сэм откинулся на стуле и потер глаза. Поздний час и усталость уже начали сказываться на его лице. Ночные тени сделали его черты более резкими, осунувшимися. Нине хотелось протянуть руку, чтобы смахнуть с его лица эту печать забот, но она не осмелилась. Тем более в присутствии Джиллиса. А может, и вообще никогда не осмелится. Ведь Сэм открытым текстом сказал ей, что она мешает его работе, более того, это опасно для них двоих. И ей ничего не оставалось, как молча согласиться.

И все-таки ее тянуло к нему.

Неожиданно Сэм поднялся со стула и начал мерить шагами комнату, как будто тем самым пытался прогнать сон.

— Нужно проверить все отели. Сформировать контрольную группу коридорных. А еще надо проверить отчеты полиции. Вдруг кто-то известил полицию об этом случае с велосипедистом.

— Хорошо, я поручу это дело Кули.

— Главное для нас — выяснить, за кем он ведет охоту? Кто его потенциальная жертва?

— Сегодня нам этого все равно не узнать. Нужно проверить кое-какие факты, — зевнув, буркнул Джиллис и потянулся. — А еще неплохо бы вздремнуть часок-другой. И тебе, и мне.

— Джиллис прав, — согласилась Нина. — Невозможно работать круглые сутки, Сэм. Этим ты только нанесешь себе вред. Отдохни. А вопросы могут потерпеть до утра.

— «До утра»! А тем временем Спектер готовит очередную катастрофу. Пока что нам просто повезло, что при взрывах никто не пострадал. Но кто поручится, что в следующий раз...

Сэм замер посередине комнаты. Замер резко и неожиданно, словно силы разом оставили его. Плечи поникли, сам он ссутулился.

Джиллис посмотрел на Нину:

— Отвезите его домой, пока он еще стоит на ногах. Не хотелось бы вытаскивать его отсюда на носилках.

Нина поднялась со стула.

— Пойдем, Сэм, — негромко сказала она. — Я отвезу тебя домой.

Пока они шли к машине, Сэм твердил, что в состоянии сесть за руль. Нина же с не меньшим упорством твердила, что в таком состоянии он представляет угрозу и себе, и другим автомобилистам.

В конечном счете он сдался. Не успела она вывести машину с больничной стоянки, как он уже спал.

Когда они подъехали к его дому, она разбудила его, помогла выйти из машины и довела до двери. В спальне ему хватило сил только на то, чтобы сбросить кобуру и стащить ботинки, после чего он рухнул на кровать. Прежде чем провалиться в сон, Сэм пробормотал что-то вроде извинения. Еще мгновение — и он спал мертвым сном.

Нина улыбнулась, потеплее укрыла его одеялом и пошла проверить, хорошо ли закрыты окна и двери. Все в порядке. Его дому ничто не грозило, по крайней мере в данный момент.

Вернувшись в спальню Сэма, она, не зажигая света, разделась и юркнула к нему под одеяло. Он даже не пошевелился. Легким движением Нина погладила ему волосы и подумала: «Мой бедный, измученный Сэм. Сегодня я охраняю твой сон».

Он вздохнул и повернулся к ней, затем протянул руку и крепче прижал ее к себе. Даже во сне он пытался ее защитить.

Такой мужчина у меня впервые.

Она была готова спорить на что угодно, что в эту ночь могла спать спокойно. В его объятиях она в полной безопасности.

Фоторобот преступника показали в воскресном выпуске новостей.

Лишь раз взглянув на собственный схематичный портрет, Винсент Спектер усмехнулся. Идиоты. Ничего общего. Уши слишком велики. Подбородок слишком широк, глаза слишком глубоко посажены. Разве у него такие глаза? Откуда они это взяли? И вообще, что за болваны работают сейчас в правоохранительных органах?

— Вам меня не поймать, ребята, — пробормотал он, — я пряничный человечек.

Похоже, Сэм Наварро сдает. И лучшее тому подтверждение — этот убогий портрет. А жаль. Наварро парень с головой. С таким приятно потягаться силами. И вот теперь оказывается, что он так же туп, как и вся его легавая братия.

Впрочем, один правильный вывод он все же сделал.

Винсент Спектер жив и по-прежнему ведет игру.

— Погодите, я вам еще покажу, на что я способен, — произнес Спектер.

Судя по всему, это Кормье описала его лицо полиции. Впрочем, этот фоторобот не представляет для него никакой угрозы. Иное дело сама Кормье. Она в состоянии указать на него, если дело дойдет до опознания. Она — единственная, кто может увидеть связь между его лицом и тем, кто он такой. Единственная, кто может разрушить его планы. От нее придется избавиться.

Не сейчас, так позже.

Он выключил телевизор и вошел в спальню. Женщина еще спала. Он познакомился с Мэрилин Дюкофф три недели назад в ночном клубе, куда он наведался посмотреть стриптиз. Там он и увидел ее — блондинку в сверкающих блестками стрингах. Лицо вульгарное, умственное развитие ниже плинтуса, зато фигура просто чудо — результат совместных усилий природы и силикона. Как и многие другие стриптизерши, Мэрилин отчаянно нуждалась в деньгах и мужском внимании.

Он предложил ей и то и другое, причем с лихвой.

Она принимала его подарки с искренней благодарностью. Своей преданностью она напоминала ему щенка, который слишком долго был бездомным и теперь радовался любому проявлению ласки со стороны хозяина. Но что самое главное, она не задавала никаких вопросов. Понимала, что этого лучше не делать.

Он сел рядом с ней на кровать и потряс за плечо, чтобы разбудить.

— Мэрилин!

Она открыла сонные глаза и улыбнулась ему:

— Доброе утро!

Он улыбнулся ей в ответ и поцеловал. Как обычно, она горячо ответила на его поцелуй. С благодарностью. Он разделся, юркнул под одеяло и прильнул к ее божественному телу. Ему не пришлось долго ее ласкать, она была готова принять его в ту же минуту.

Насытившись, он откинулся рядом с ней на подушки. Она умиротворенно лежала рядом, светясь счастливой улыбкой. И он понял: этот момент упускать нельзя. Сейчас он попросит ее о новой услуге.

— Послушай, я хотел бы кое о чем тебя попросить.

Спустя два часа молодая блондинка предъявила тюремному служащему удостоверение личности.

— Я адвокат из конторы Фрика и Дарьена, — сказала она. — Мне необходимо поговорить с нашим клиентом, Билли Бинфордом.

Через пять минут ее проводили в комнату для свиданий. Билли «Снежный человек» Бинфорд занял место по ту сторону плексигласового барьера. Несколько секунд он пристально смотрел на посетительницу, а затем спросил:

— Я смотрел новости. Что там у вас происходит?

— Он говорит, что это необходимо, — ответила блондинка.

— Послушай, мне нужно лишь одно: чтобы он сделал так, как мне было обещано.

— Все для этого и делается. Все идет по плану. Нужно лишь немного терпения.

Билли покосился на тюремного охранника. Тот стоял в стороне со скучающим видом.

— Исход этого дела определяет для меня все на свете, — шепнул он.

— Все будет как обещано. Просто он хочет убедиться, что ты не нарушишь уговора. И рассчитаешься с ним к концу недели.

— Не рановато ли? Сначала я должен убедиться, что он довел дело до конца. Потому что у меня со дня на день суд. Скажи ему, что я на него рассчитываю.

Блондинка улыбнулась:

— Все будет как надо. Это он тебе гарантирует.

Глава 10

Сэм проснулся оттого, что его ноздри приятно щекотал запах свежезаваренного кофе и готовящегося завтрака. Календарь возвещал о том, что сегодня суббота. Он был один в постели, но в воздухе витало ощущение еще чьего-то присутствия. До его слуха доносился шум из кухни, негромкое позвякивание посуды. Он поднялся с кровати и впервые за несколько месяцев пошел в душ с улыбкой на лице. На кухне хлопотала женщина, готовила завтрак. Этот факт удивительным образом преобразил атмосферу, царящую в доме. В нем как будто появилось тепло.

Сэм вышел из душа и встал перед зеркалом, чтобы побриться. Он неожиданно задумался о том, как долго спал, и улыбка исчезла с его лица. В какой-то момент он словно погрузился в забытье и уснул так крепко, что даже не слышал, как Нина встала и отправилась в душ. Но она точно здесь побывала: когда он зашел, пластиковая занавеска все еще была покрыта капельками воды.

Кто угодно мог ночью вломиться в дом, а он даже не услышал бы этого!

«Толку от меня ни на грош», — подумал Сэм. Даже при всем желании он не может одновременно выслеживать Спектера и охранять Нину. На это объективно не хватило бы ни времени, ни сил. Нет, все обстоит гораздо хуже. Он не только бесполезен для нее, он подвергает ее жизнь опасности.

Именно этого он и боялся больше всего.

Сэм закончил бриться, оделся и пошел на кухню.

Один только вид Нины, стоящей у плиты, подстегнул его решительность. Увидев, как он вошел, она одарила его улыбкой.

— Доброе утро, — промурлыкала она и нежно заключила его в теплое объятие. О боже, это была мечта каждого мужчины! По крайней мере,

это была его мечта — умопомрачительная женщина у него на кухне. Утренняя улыбка. Блинчики на сковородке.

Женщина в доме.

И не просто женщина. Нина. Он тотчас почувствовал, как все стены, которые он пытался возвести между ними, рушатся и верх берет мужское желание. Так случалось всякий раз, когда она оказывалась слишком близко.

Сэм положил руки ей на плечи и сделал шаг назад.

— Нина, нам надо поговорить.

— О расследовании?

— Нет. О тебе. И обо мне.

Улыбка тотчас исчезла с ее лица. Она как будто почувствовала, что сейчас последует удар, который будет исходить от него. Нина молча повернулась, взяла блинчик со сковородки и положила ему на тарелку. Она так и застыла, глядя на стопку блинов. В этот момент Сэм готов был возненавидеть себя. С другой стороны, это был единственный способ решить проблему, если ее безопасность действительно для него важна.

— Того, что было прошлой ночью, не должно было случиться, — скрепя сердце сказал он.

— Но ведь между нами ничего не было. Я просто привезла тебя домой и уложила спать.

— Именно об этом я и говорю, Нина. Я так устал вчера, что не смог бы и пальцем пошевелить, даже если бы через мою спальню с грохотом пронесся поезд. Как я могу обеспечить твою безопасность, если сегодня утром с трудом продрал глаза?

— О, Сэм! — Она подошла вплотную к нему и нежно погладила по лицу. — Я и не жду, что ты будешь моим стражем. Вчера мне самой хотелось позаботиться о тебе. И я вошла во вкус.

— Нина, я коп. Это я должен беспокоиться о твоей безопасности.

— А ты не можешь хоть на короткое мгновение перестать быть копом и позволить мне заботиться о тебе? Я не беспомощна, а ты не настолько крут, чтобы ни в ком не нуждаться. Ты был со мной, когда мне было страшно. Теперь я хочу быть рядом, когда тебе нужно мое присутствие.

— Но ведь не меня хотят убить. — Он взял ее руки и отнял их от своего лица. — Нельзя позволять чувствам брать верх над разумом. И мы оба это знаем. Я не могу обеспечить твою охрану так, как требуется. Любой другой полицейский справится с этим лучше меня.

— Я не доверяю другим полицейским. Я доверяю только тебе.

— Что может привести к роковой ошибке.

Сэм глубоко вздохнул и сделал шаг назад, лишь бы не находиться к ней так мучительно близко. Он не мог сохранять ясность мысли, пока она рядом. Ее аромат, ее прикосновения отвлекали его внимание. Он повернулся и как ни в чем не бывало налил себе чашку кофе, отметив про себя, что руки все равно немного трясутся. Это все она.

— Я должен сосредоточиться на расследовании, — стараясь не смотреть на Нину, продолжил он. — Мне надо найти Спектера. Это лучшее, что я могу сделать, чтобы обеспечить твою безопасность, — делать свою работу, и делать ее хорошо.

Нина ничего не ответила.

Сэм повернулся к ней: Нина отрешенно смотрела на сервированный к завтраку стол — столовые приборы, салфетки, стаканы сока и небольшую розетку кленового сиропа. И в который раз ощутил укол совести. «Наконец я нашел женщину, которая мне небезразлична, которую я могу полюбить, но делаю все, чтобы ее оттолкнуть».

— Хорошо, — спокойно сказала она. — Что ты предлагаешь, Сэм?

— Думаю, нужно привлечь еще одного человека для твоей охраны. Кого-то, лично с тобой не связанного.

— А мы с тобой, значит, лично связаны?

— Ну а как еще сказать?

Она покачала головой:

— Мне все больше кажется, что нас вообще ничего не связывает.

— Ради бога, Нина! Мы спали друг с другом. Куда уж дальше можно зайти?!

— Ну, есть люди, для которых секс — не более чем физический акт, и все, — сказала она, вопросительно посмотрела на Сэма.

«Есть люди... Уж не меня ли она имеет в виду?» — подумал он.

Черт возьми! Он уже боялся, куда может завести этот запутанный разговор. Она нарочно дразнила его, заставляя признаться, что это было нечто большее, нежели просто секс. Он же не мог сказать правду — не хотел показать, как боится ее потерять.

Впрочем, он знает, что надо делать.

Сэм подошел к телефону в углу кухни. Надо позвонить Куперсмиту и попросить его прислать еще одного человека для охраны. Он собрался поднять трубку, когда телефон неожиданно зазвонил.

— Наварро, — кратко ответил он.

— Сэм, это я.

— Доброе утро, Джиллис.

— Утро? Вообще-то давно перевалило за полдень. Я уже почти доработал свою смену.

— Да-да. Я готов залезть под стол от стыда.

— Не помешало бы. У нас на час дня назначено опознание подозреваемого. Коридорные из пяти разных отелей. Можешь привезти Нину Кормье взглянуть на них? Ну, то есть если она сейчас у тебя.

— Да, она здесь, — подтвердил Сэм.

— Я так и подумал. Тогда жду в час, договорились?

— Мы приедем. — Сэм повесил трубку и пригладил пятерней еще влажные волосы. О боже! Уже полдень? Вот это он разленился. Это же вопиющая безответственность! Все его бесконечные мучения по поводу их с Ниной отношений, которые все равно обречены зайти в тупик, снижали его эффективность как полицейского. Если он не будет делать свою работу, первой пострадает она.

— Что сказал Джиллис? — поинтересовалась Нина.

Сэм повернулся к ней:

— На час дня запланировано опознание подозреваемых. Хотят, чтобы ты посмотрела на нескольких коридорных. Поедешь?

— Конечно. Я хочу как можно скорее покончить с этим, как и ты.

— Отлично.

— Ты все-таки прав насчет того, чтобы поручить мою безопасность другому полицейскому. Думаю, так будет лучше, — сказала она и посмотрела ему в глаза. В ее взгляде он прочел спокойную решимость. — У тебя есть более важная работа, чем быть моей нянькой.

Сэм счел за благо не спорить и промолчал. Но когда Нина вышла из кухни, оставив его одного наедине с накрытым к завтраку столом, подумал: «Ты ошибаешься. Для меня нет ничего более важного, чем заботиться о тебе».

По другую сторону зеркального окна стояли восемь человек. Все они смотрели прямо перед собой. Было заметно, что каждый чувствует себя не в своей тарелке.

Нина внимательно осмотрела форму каждого из них, в надежде заметить хотя бы какую-нибудь зацепку, что-то такое, что могло бы показаться знакомым. Любая мелочь могла оказаться полезной.

Но нет. Она отрицательно покачала головой:

— Я не вижу здесь той самой формы.

— Вы абсолютно в этом уверены? — спросил Джиллис.

— Совершенно. Ни одна из них не похожа на ту, что я видела.

Она услышала за спиной вздох плохо скрытого разочарования. Его издал Норм Лиддел, окружной прокурор, стоявший рядом с Джиллисом. Сэм промолчал.

— Я вот что вам скажу — это пустая трата моего времени, — недовольно заявил Лиддел. — Это все, до чего ты додумался, Наварро? Опознание гостиничного персонала?

— Нам известно, что на Спектере было некое подобие униформы, похожей на форменный костюм коридорного, — терпеливо объяснил Сэм. — Мы просто хотели, чтобы она попробовала вспомнить.

— Нам также повезло найти полицейский рапорт о том велосипедном происшествии, — добавил Джиллис. — Позвонил сам велосипедист. По-моему, он опасался, что на него могут подать в суд, и поэтому решил сразу признаться, что сбил человека у тротуара. Судя по всему, Спектер переходил дорогу в неположенном месте, когда его сбили на Конгресс-стрит.

— Конгресс-стрит? — нахмурился Лиддел.

— Как раз рядом с отелем «Пайниер», — уточнил Сэм. — Именно там, насколько известно, губернатор планирует провести весь день послезавтра. Если не ошибаюсь, его пригласили произнести речь на каком-то небольшом бизнес-семинаре.

— Думаете, мишенью Спектера является губернатор?

— Не исключаю такой возможности. Я уже отдал приказ обыскать и проверить отель, особенно люкс губернатора.

— А что с персоналом отеля?

— Мы исключили их из поиска по возрасту и росту. У всех пальцы на месте. Вон тот, номер три, — ближе всего к Спектеру по описанию. Но и у него, как видите, целы все пальцы. Мы просто хотели, чтобы Нина взглянула на форму, в надежде на то, что, может быть, она что-то вспомнит.

— Но ведь среди этих людей нет Спектера.

— Нет, мы осмотрели руки всех присутствующих. У каждого по десять пальцев.

Нина посмотрела на номер три. Он был одет в форму коридорного: красный пиджак и черные брюки.

— Так одеты все коридорные отеля «Пайниер»? — спросила она.

— Да, — подтвердил Джиллис. — А что?

— Не думаю, что это та самая форма, которую я видела.

— Что с ней не так?

— На мужчине, который обратился за медицинской помощью в наше отделение, был зеленый пиджак, я это точно помню. Такого темно-зеленого оттенка. Однозначно не красный.

Джиллис покачал головой:

— Вот ведь незадача. В «Холидей инн» персонал одет в красное. В «Мариотте» носят зеленое, но он расположен слишком далеко от места происшествия с велосипедистом.

— Все равно на всякий случай проверьте персонал «Мариотта», — распорядился Лиддел. — Я требую, чтобы преступник был пойман, даже если для этого придется опросить каждого коридорного в городе. И уж

точно его надо поймать, прежде чем он взорвет какое-нибудь высокопоставленное лицо. Во сколько завтра приезжает губернатор?

— Примерно в полдень, — ответил Джиллис.

Лиддел взглянул на часы:

— Тогда у нас в запасе двадцать четыре часа. Ровно сутки. Если что-то узнаете, звоните мне. Понятно?

— Да, сэр… ваше сиятельство, — проворчал Джиллис.

Лиддел бросил на него красноречивый взгляд, но решил не вступать в пререкания.

— Сегодня вечером я с женой буду в театре. На всякий случай возьму с собой пейджер.

— Мы сразу вам позвоним, — заверил его Сэм.

— Наша работа у всех на виду, так что не подведите, — выдал напоследок Лиддел.

Оба полицейских промолчали.

— Когда-нибудь я прибью этого придурка! — прорычал Джиллис, как только Лиддел ушел. — Клянусь, я это ему еще припомню!

— Успокойся, приятель. Вдруг когда-нибудь эта жаба станет губернатором.

— Тогда я лично помогу Спектеру взорвать его к чертям собачьим.

Сэм взял Нину за локоть и вывел из комнаты.

— Пойдем. У меня сегодня дел невпроворот. Я представлю тебя твоему новому сторожевому псу.

«Легко же он от меня отделался», — с горечью подумалось ей. Неужели она для него и впрямь обуза?

— С сегодняшнего дня мы поселим тебя в отеле, — объяснил Сэм. — Охранять тебя будет офицер Пресслер. Он отличный коп. Я полностью доверяю ему.

— Поэтому я тоже должна ему доверять?

— Как самой себе. Я позвоню тебе, если мы обнаружим подозреваемых. Тебе придется их опознавать.

— То есть какое-то время я тебя не увижу?

Несколько секунд они просто смотрели друг другу в глаза. Коридор полицейского управления — не то место, где можно скрыться от посторонних взглядов. И вообще, сейчас не время и не место признаваться в своих чувствах. Да она и сама не была толком уверена, что чувствует по отношению к нему. Ей просто было мучительно трудно сказать «Прощай». Но еще больнее было смотреть ему в глаза и не видеть в них ни сожаления, ни тоски. Спокойный, едва ли не холодный взгляд.

Перед ней вновь стоял Крутой Коп. Все ясно, решил вернуться к прежнему образу. Ничего, она и с этим справится, как-нибудь переживет. После всех событий последней недели она способна справиться с чем угодно, даже примириться с тем прискорбным фактом, что в очередной раз связалась не с тем мужчиной.

И она смерила Сэма таким же спокойным взглядом:

— Найди Спектера. Я опознаю его. Только поторопись, хорошо? Хотелось бы как можно скорее вернуться к прежней жизни.

— Над чем мы, собственно, и работаем. Будем держать тебя в курсе.

— Я могу на это рассчитывать?

— Это часть моей работы, — коротко ответил он и кивнул.

Офицер Леон Пресслер был далеко не мастер риторики. Его способность вести разговор вообще вызывала большие сомнения. В течение трех

последних часов молодой мускулистый коп весьма правдоподобно изображал сфинкса. По крайней мере, он практически не проронил ни слова, пока осматривал номер отеля. Самое большее, на что он был способен, — это ответить «Да, мэм» и «Нет, мэм». «Интересно, так и положено вести себя копам? — думала Нина. Или ему дали конкретные указания не трепаться попусту со свидетелями преступления?»

Нина попробовала было взяться за чтение книги, которую купила тут же в отеле, в книжном киоске, но сдалась, осилив всего несколько глав. Молчание Пресслера действовало ей на нервы. Боже, как это неестественно — провести целый день вместе с человеком в гостиничном номере и не проронить ни слова. Бог свидетель, она пыталась его разговорить.

— Скажите, Леон, вы давно работаете в полиции? — спросила она.

— Да, мэм.

— И как работа? Вам нравится?

— Да, мэм.

— А вам иногда бывает страшно?

— Нет, мэм.

— Что, прямо вот никогда-никогда?

— Иногда.

«Уже лучше», — подумала она.

Увы, офицер Пресслер пересек комнату и уставился в окно, демонстрируя явное нежелание продолжать разговор.

Нина отложила книгу и в очередной раз попыталась завязать диалог.

— Наверно, это поручение слишком скучное для вас? — спросила она.

— Нет, мэм.

— А по-моему, это скучно — сидеть весь день в отеле и ничего не делать.

— Никогда не знаешь, что может случиться в следующий момент.

— Уверена, вы готовы к любым неприятностям. — Она вздохнула, потянулась за пультом. Вдруг ей повезет с телепрограммой? Минут пять она щелкала пультом, но, не найдя ничего интересного, выключила телевизор. — Я могу позвонить? — спросила она.

— Боюсь, что нет, — ответил Пресслер и покачал головой.

— Я просто хочу позвонить на работу, предупредить старшую медсестру, что не смогу заступить на смену на следующей неделе.

— Детектив Наварро сказал: никаких телефонных звонков. Так надо для вашей безопасности. Он специально оговорил этот момент.

— И что же еще вам сказал наш добрый детектив?

— Что я должен внимательно следить за обстановкой. Ни на минуту не ослаблять внимание. Потому что даже секунды беспечности порой хватает, чтобы что-то случилось. А если с вами что-то случится… — Он замолчал и нервно закашлял.

— Что такое?

— Он, ну… шкуру с меня спустит.

— Что ж, неплохая мотивация.

— Он не со зла, просто хотел предупредить, чтобы я смотрел в оба. Не то чтобы я мог позволить чему-то с вами случиться. Я слишком многим ему обязан.

Нина удивленно посмотрела на Пресслера. Он все еще стоял у окна и внимательно смотрел на улицу.

— Что вы хотите этим сказать? Чем вы ему обязаны?

Офицер Пресслер продолжал смотреть в окно. Он так и стоял, как статуя, как будто не мог оторвать взгляда от улицы.

— Это было пару лет назад. Я тогда вел дело о домашнем насилии. Мужу жертвы не понравилось, что я сую нос не в свои дела. И он стрелял в меня.

— О боже!

— Я по рации вызвал подмогу. Наварро приехал первым. — Пресслер повернулся и посмотрел на нее. — Надеюсь, вам понятно, как сильно я ему обязан, — добавил он и снова отвернулся к окну.

— Вы его хорошо знаете? — непринужденно спросила Нина.

Пресслер неопределенно пожал плечами:

— Он отличный полицейский. Но слишком замкнутый. Не думаю, что кто-то вообще его хорошо знает.

«В том числе и я», — подумала Нина. Она вздохнула и снова включила телевизор и принялась щелкать каналами: на экране мелькали мыльные оперы, телевизионные судебные заседания и чемпионат по гольфу. Она едва ли не физически ощущала, как от напряженных размышлений у нее закипает мозг.

Интересно, что сейчас делает Сэм, подумала она. И тотчас же с горечью отбросила эту мысль подальше. Сэм Наварро сам себе хозяин. И этим все сказано.

Ей тоже нужно быть самой собой.

Интересно, чем сейчас занимается Нина? Сэм пытался не думать об этом и сосредоточиться на совещании, но всякий раз его попытки терпели крах и мысли снова уплывали к Нине. Ее безопасность не давала ему покоя. Леону Пресслеру он доверял, как самому себе. Этот молодой полицейский умен, надежен и обязан ему жизнью. Если можно кому-то доверить заботу о Нине, так это Пресслеру.

И тем не менее его не оставляло легкое беспокойство. И даже страх. Верный признак того, что он утратил объективность, лишился способности логично мыслить; чувства взяли над ним верх. Причем настолько, что это стало сказываться на его работе не самым лучшим образом.

— …лучшее, что мы можем сделать? Сэм?

Вопрос моментально вернул его на грешную землю. Сэм встрепенулся, вместо Нины перед глазами возник Эйб Куперсмит.

— Простите, сэр?

Куперсмит вздохнул:

— Где ты, черт побери, витаешь, Наварро?

— Извините, я на мгновение расслабился и отвлекся.

— Шеф спрашивает, есть ли у нас еще зацепки? — пришел на помощь зазевавшемуся товарищу Джиллис.

— Мы работаем над каждой зацепкой, какую только нам удается обнаружить, — сообщил Сэм. — Мы разослали фоторобот Спектера, проверили все отели Портленда. Пока мы не нашли ни одного гостиничного работника, у которого бы отсутствовал средний палец. Самое трудное — это то, что мы вынуждены работать практически вслепую. Мы не знаем, на кого охотится Спектер, кто его потенциальная жертва. Нам также неизвестно, когда и где он собирается нанести новый удар. У нас есть только свидетельница, которая видела его в лицо.

— И еще эта зацепка с униформой коридорного в отеле.

— Да, и это тоже.

— Вы уже показали гостиничные униформы мисс Кормье, чтобы вычислить, в каком отеле надо искать?

— Показали, но ни одна униформа не была ею опознана, мы планируем продемонстрировать ей еще несколько образцов, — пояснил Джиллис. — Кроме того, мы опросили того велосипедиста. Но этот парень плохо помнит, как выглядел человек, которого он сбил. По его словам, все произошло так быстро, что он даже не успел рассмотреть его в лицо. Но он подтверждает показания мисс Кормье, что на Спектере была зеленая униформа или, по крайней мере, зеленого оттенка. Он также подтверждает, что это произошло на Конгресс-стрит, рядом с Франклин-авеню.

— Мы прочесали весь район, — подхватил Сэм. — Показали фоторобот в каждом магазине в округе в радиусе пяти кварталов. Никто не видел похожего человека.

Куперсмит тяжело вздохнул:

— Завтра днем приезжает губернатор, а по городу разгуливает любитель взрывать бомбы.

— Мы не можем с уверенностью утверждать, есть ли связь между этими фактами. Спектер может охотиться на кого угодно. Все зависит от того, кто его нанял.

— А может, он вообще ничего не планирует, — предположил Джиллис. — Может, он уже выполнил свое задание и давно слинял из города.

— Все-таки будет лучше, если мы примем его присутствие как одно из условий задачи, — предупредил Куперсмит. — Предположим также, что он что-то задумал.

Сэм согласно кивнул:

— До прибытия губернатора у нас в запасе двадцать четыре часа. За это время что-нибудь да выясним.

— Очень на это надеюсь, — сказал Куперсмит, прежде чем уйти. — Нам не нужна еще одна взорвавшаяся бомба и мертвый губернатор в придачу.

— Еще раз. Начинаем с тридцать шестого такта. — Дирижер поднял палочку и резко опустил ее. Через четыре такта трубы заиграли первые ноты Wrong Side of the Track Blues, а через пару секунд к ним присоединились духовые и бас. Затем в общую гармонию, бархатистыми звуками подхватывая мелодию, влился саксофон.

— Никогда не понимал джаз, — проворчал директор театра, наблюдая за репетицией из среднего ряда. — По мне — это бессмысленный набор звуков. Как будто все инструменты пытаются друг друга переиграть.

— А мне нравится джаз, — возразил главный швейцар.

— Тебе и рэп нравится. Так что на твой вкус полагаться не приходится. — Директор крутил головой по сторонам, тоскливо оглядывая пустой — не считая его и оркестра — зал. Он с удовольствием отметил, что вокруг чисто, в проходах между рядами никакого мусора. Сегодня вечером здесь соберется крайне придирчивая публика. Всякие там адвокаты. Им явно не пришлись бы по вкусу липкие полы и смятые программки, валяющиеся под сиденьями.

Еще год назад это был своего рода порнодворец, где крутили фильмы для безымянных и безликих мужчин. Новый владелец поменял все на корню. При финансовой поддержке местного мецената театр превратился поистине в очаг культуры. Теперь на его сцене ставились драматические пьесы и исполнялись концерты. К сожалению, театральные постановки и музыкальные вечера собирали гораздо меньшую ауди торию, чем некогда показы порнофильмов. Что, впрочем, неудивительно.

К счастью, сегодня ожидается аншлаг — пятьсот оплаченных и забронированных мест, плюс кто-нибудь явно захочет купить лишний билетик в последний момент. Подумать только! Все эти адвокаты выложили свои денежки, чтобы послушать джаз. У директора это с трудом укладывалось в голове, однако никоим образом не омрачало радости по поводу предстоящего аншлага.

— Похоже, сегодня далеко не все выйдут на работу. По крайней мере, один точно, — сказал главный швейцар.

— И кто же?

— Тот новый тип, которого вы наняли. Ну, помните, тот, с биржи труда. Последний раз он был на работе два дня назад. Больше его не видели. Я пытался дозвониться до него, но безуспешно.

— Никогда не стоит полагаться на кандидатов из агентства по трудоустройству, — проворчал директор.

— Это вы верно говорите.

— Тогда вам придется вчетвером справляться с толпой сегодня вечером.

— Да уж! Будет суматоха — пятьсот забронированных мест, и все такое.

— Пусть кому надо сами ищут свои места. Они же юристы, должны же у них быть мозги. — Директор посмотрел на часы. Шесть тридцать. У него еще остается немного времени, чтобы перекусить сэндвичем в своем кабинете. — Двери откроем через час. Так что поужинай, пока время есть.

— Уж к этому я всегда готов, — ответил главный швейцар. Он поднял со спинки кресла зеленый форменный пиджак и, насвистывая, двинулся вдоль ряда кресел из зала, чтобы подкрепиться перед работой.

В семь тридцать офицер Пресслер отвез Нину в полицию. В это время в отделении царила куда более спокойная обстановка, чем ранее днем. Большинство столов были пусты, лишь изредка по коридору проходили служащие. Пресслер отвел Нину наверх и проводил ее в кабинет.

Там их поджидал Сэм.

Он рассеянно и без особого энтузиазма поздоровался с ней легким кивком и кратким «привет». Нина ответила тем же. В комнате находился Пресслер, рядом стоял Джиллис и мужчина в штатском, скорее всего тоже полицейский. Она вовсе не собиралась давать волю

чувствам на людях. Очевидно, Сэм придерживался такой же тактики поведения.

— Мы хотели бы, чтобы вы взглянули на эти образцы униформы гостиничного персонала, — сказал Сэм, жестом указывая на большой стол, на котором были разложены около десятка пиджаков разного цвета. — Здесь есть форма коридорных, лифтера и портье из пригородной гостиницы «Сайнплекс». Знакома ли вам хоть одна из них?

Нина подошла к столу. Один за другим она внимательно осмотрела каждый пиджак, разглядывая и ткань, и пуговицы. На некоторых были вышиты эмблемы отеля, другие украшала позолоченная тесьма.

Закончив осмотр, она отрицательно покачала головой:

— Нет, это точно была другая форма. Ни одна из этих на нее не похожа.

— А как насчет вон той зеленой, с краю?

— На ней золотая тесьма. На той форме тесьма была черной. Она была пришита на плечи, как эполеты.

— Вот это да, — пробормотал Джиллис. — Женщины запоминают странные вещи.

— Ну ладно, — разочарованно вздохнул Сэм. — На сегодня хватит. Всем спасибо. Пресслер, почему бы тебе не сделать перерыв и не поужинать? Я отвезу мисс Кормье в гостиницу. Ты можешь подъехать туда примерно через час, как только поужинаешь.

Пресслер согласно кивнул, и комната опустела. Остались только Сэм и Нина.

Несколько минут они просто молчали, даже не глядя друг на друга. В этот момент Нина уже почти пожалела, что доблестный, хоть и немногословный офицер Пресслер ушел. По крайней мере, в его присутствии у нее не возникало желания убежать подальше и спрятаться.

— Надеюсь, тебе понравился твой номер в отеле, — наконец решился нарушить тишину Сэм.

— Да, он уютный. Но, боюсь, скоро мне захочется оттуда сбежать.

— Сейчас это было бы небезопасно.

— А когда будет безопасно?

— Когда мы поймаем Спектера.

— А если нет? Вдруг вы его вообще не поймаете. — Она задумчиво покачала головой. — Я не могу так жить. В конце концов, у меня есть работа. У меня есть своя жизнь. Я не могу сидеть пленницей в гостинице под надзором копа, чье присутствие выводит меня из себя.

Сэм нахмурился:

— Пресслер что-то натворил?

— Он не может усидеть на месте! Все время наблюдает за улицей из окна. Не разрешает мне звонить по телефону. И не в состоянии даже поддержать разговор.

— Тогда все нормально. — Сэм облегченно улыбнулся. — Леон просто делает свою работу. Он профессионал.

— Может, и так, но он заставляет меня нервничать.

Нина вздохнула и сделала шаг ему навстречу.

— Сэм, я не могу сидеть взаперти. Я должна жить своей жизнью.

— Еще успеется. Сейчас же мы должны позаботиться о том, чтобы из этой ситуации ты вышла живой и невредимой.

— А если мне исчезнуть из города? Уехать куда-нибудь ненадолго?

— Ты можешь понадобиться нам здесь, Нина.

— Неужели? У вас есть его отпечатки. Вы знаете, что у него нет одного пальца. Вы его опознаете и без меня.

— Сначала нам надо его найти. А для этого ты нам понадобишься, чтобы указать на него, выделить его из толпы. Поэтому тебе придется остаться в городе. И быть всегда на связи. Мы защитим тебя, обещаю.

— Куда ж вы денетесь, если должны поймать преступника.

Сэм обнял ее за плечи:

— Это не единственная причина, и ты это знаешь.

— Неужели?

Он подался вперед. В какой-то момент Нина подумала, что он собирается ее поцеловать, но внезапно хлопнувшая дверь заставила их отпрянуть друг от друга.

Джиллис мялся у двери, нутром чувствуя, что чему-то помешал.

— Я тут собрался пойти перекусить гамбургером. Тебе что-нибудь купить, Сэм?

— Нет, спасибо. Мы поужинаем у Нины в отеле.

— Как знаешь. — Джиллис кивнул. — Я вернусь через час, — сказал он и снова оставил Сэма и Нину наедине.

Но момент был упущен. Даже если он и собирался тогда ее поцеловать, сейчас на его лицо вновь вернулась так хорошо знакомая ей непроницаемая маска.

— Я довезу тебя до гостиницы, — просто сказал он.

Сидя в машине Сэма, она вновь почувствовала себя как в первый день их знакомства, когда он был просто полицейским с каменным лицом, а она — испуганной жертвой взрыва. Как будто не было вечеров последней недели, проведенных вместе ночей, жарких объятий. Казалось, сегодня он старается всячески избегать малейших намеков на их чувства и отношения. Нина тоже решила не поднимать эту тему.

Единственной нейтральной темой разговора оставалось расследование, но даже о нем Сэм не очень-то хотел распространяться.

— Я заметила, вы везде расклеили фоторобот Спектера, — сказала Нина.

— Да, теперь его показывают по телевизору и печатают в газетах.

— И как? Есть результаты?

— Нас просто загрузили звонками. Весь день мы трудились над полученной информацией, но пока, увы, безрезультатно.

— Боюсь, мое описание было не слишком точным.

— Ты сделала все, что могла.

Нина смотрела в окно машины на сверкающие огнями улицы Портленда. Было уже восемь вечера, летние сумерки постепенно превращались в ночь.

— Я бы точно его узнала, если бы еще хоть раз увидела.

— Это все, что нам от тебя нужно, Нина.

«Это все, что тебе от меня нужно», — с грустью подумала она, но вслух спросила другое:

— Что будете делать завтра?

— В целом то же, что и всегда. Отрабатывать версии. Допрашивать возможных свидетелей. Надеемся, что кто-нибудь узнает фоторобот.

— Вы точно знаете, что Спектер в городе?

— Нет. Возможно, он давно уже уехал. В таком случае мы просто зря тратим время. Но интуиция подсказывает мне, что он где-то поблизости. Где-нибудь затаился и явно что-то замышляет. Что-то масштабное. — Он посмотрел на нее. — Ты могла бы нам помочь. Ты единственная, кто может его опознать. Поэтому мы должны обеспечить тебе надежную охрану.

— Я больше не могу жить в таких тюремных условиях. Мне не разрешают даже позвонить.

— Мы не хотим, чтобы кто-либо знал твое местонахождение.

— Я никому не скажу, обещаю. Просто я чувствую себя изолированной от всего мира.

— Ну ладно, — вздохнул Сэм. — Кому ты хотела бы позвонить?

— Для начала своей сестре Венди.

— Вы же вроде бы не особо ладите?

— Так и есть. Но она все равно моя сестра. Она передаст моим родным, что со мной все в порядке.

Сэм на мгновение задумался.

— Хорошо. Звони сестре. Можешь воспользоваться телефоном в автомобиле. Только не...

— Я знаю. Я не скажу ей, где я. — Нина взяла трубку и набрала номер Венди.

Трубку сняли после трех гудков, незнакомый женский голос произнес:

— Дом Хэйвардов, здравствуйте.

— Здравствуйте, это Нина. Я сестра Венди. Могу я с ней поговорить?

— Прошу прощения, но мистер и миссис Хэйвард ушли до позднего вечера. Я няня, сижу с их детьми.

«Вот и вся цена их беспокойству обо мне», — подумала Нина. Неожиданно ее охватило раздражение.

— Хотите, чтобы она вам перезвонила? — спросила женщина.

— Нет, я буду недоступна. Может, я перезвоню ей попозже. Не знаете, в котором часу она вернется?

— Они с мужем поехали в театр на благотворительный концерт коллегии адвокатов. Если не ошибаюсь, он закончится в десять тридцать. Потом они, как обычно, пойдут в кафе или ресторан, так что вернутся, думаю, только к полуночи.

— Нет, это слишком поздно. Я позвоню завтра. Спасибо. — Нина положила трубку и разочарованно вздохнула.

— Нет дома?

— Да. Мне следовало бы догадаться, что вечером их не будет. В адвокатской конторе Джейка рабочий день заканчивается в пять. Вечер тоже обычно занят делами.

— Твой зять — адвокат?

— Метит в судьи. Хотя ему всего тридцать пять.

— Шустрый малый.

— Так и есть. Поэтому ему нужна такая же жена. Венди в этом плане идеально ему подходит. Готова поспорить, что сейчас она очаровывает какого-нибудь судью. Для этого ей даже не надо прилагать особых усилий. Она прирожденный политик в нашей семье. — Нина посмотрела на Сэма и увидела, что тот нахмурился. — Что-то не так? — поинтересовалась она.

— Так куда они ушли? Насколько я понял, дома их нет.

— В городской театр. Там сегодня благотворительный концерт.

— Благотворительный?

— Ну да. Няня сказала, что он для местной коллегии адвокатов. А что?

Сэм сосредоточенно смотрел на дорогу.

— Городской театр. Тот, что недавно открылся? Я правильно понял?

— Месяц назад. Раньше там черт знает что творилось. Показывали всякие порнофильмы.

— Черт! Как я об этом раньше не подумал!

Сэм резко развернулся на сто восемьдесят градусов и погнал машину в том направлении, откуда они приехали, — к центру города.

— Что ты делаешь? — недоуменно воскликнула Нина.

— Городской театр. Благотворительный концерт. Кто там, по-твоему, будет?

— Толпа адвокатов и судей?

— Именно. В том числе и наш любимый окружной прокурор Норм Лиддел. Я хоть и не люблю юристов, но собирать по кускам их останки у меня желания нет.

Нина вопросительно посмотрела на Сэма:

— Думаешь, это и есть мишень? Городской театр?

— Сегодня им понадобятся швейцары. Подумай логически. Во что одет швейцар?

— Иногда просто в черные брюки и белую рубашку.

— А в респектабельном театре вроде этого? Вдруг на них будут зеленые пиджаки с черной тесьмой?

— Мы едем к театру?

Сэм кивнул:

— Я хочу, чтобы ты взглянула. Скажешь мне, если узнаешь. Вдруг та форма была такой же, а?

Когда они припарковались напротив здания театра, на часах было уже восемь двадцать. Сэм даже не позаботился найти место для парковки и просто оставил машину у бордюра.

— Эй, тут нельзя парковаться! — услышали они, выбираясь из машины, возмущенный окрик привратника.

— Полиция! — ответил Сэм, показывая удостоверение. — Нам надо в театр.

Привратник сделал шаг в сторону и пропустил их.

В фойе было пусто. Концерт начался, из-за закрытых дверей доносились звуки джаза. Швейцаров не было видно.

Сэм открыл боковую дверь и вошел в зал. Однако уже через минуту вышел обратно, волоча за собой упирающегося швейцара.

— Посмотри на форму, — велел он Нине. — Знакома?

— Что знакомо? — возмущенно спросил швейцар, вырываясь из железной хватки Сэма.

— Сколько вас сегодня здесь работает? — спросил Сэм.

— Да кто вообще вы такой?

Сэм в очередной раз был вынужден продемонстрировать удостоверение:

— Полиция. Есть вероятность, что где-то здесь заложена бомба. Так что отвечай быстрее. Сколько сегодня швейцаров?

— Бомба? — Взгляд мужчины нервно стрельнул к выходу. — Нас четверо сегодня работает.

— И все?

— Ну да. Один не вышел на работу.

— У него нет одного пальца?

— Откуда я знаю? Мы все ходим в перчатках. — Швейцар вновь с надеждой посмотрел на дверь. — Вы точно уверены, что здесь бомба?

— Мы не можем позволить себе ошибиться. Я объявляю эвакуацию. — Сэм взглянул на Нину: — Уходи отсюда. Жди меня в машине.

— Но тебе понадобится помощь…

Но Сэм уже открыл дверь и зашел в тускло освещенный зал. Через открытую дверь ей было видно, как он идет по проходу. Сэм поднялся на сцену и заслонил собой дирижера. Разумеется, маэстро одарил его взглядом, полным возмущения.

Музыканты тоже перестали играть и застыли в недоумении.

Сэм отобрал дирижерский микрофон.

— Дамы и господа! — начал он. — Я представляю полицию Портленда и сообщаю вам, что есть угроза взрыва театра. Будьте добры спокойно, но оперативно покинуть здание. Повторяю: сохраняйте спокойствие, никакой паники, покиньте помещение.

Присутствующие не заставили себя уговаривать и ринулись к выходу. Нине пришлось отпрянуть от двери, чтобы ее не снесло людским потоком. В возникшей суматохе она потеряла Сэма из виду, но продолжала слышать его голос, раздающий в микрофон команды:

— Сохраняйте спокойствие. Покидайте помещение, соблюдая порядок.

«Он хочет выйти последним, — подумала Нина. — Тогда у него больше, чем у кого бы то ни было, шансов погибнуть, если бомба все же взорвется».

Эвакуация шла полным ходом, быстро и хаотично, сквозь двери несся поток испуганных, элегантно одетых мужчин и женщин в вечерних нарядах. Все произошло так стремительно, что Нина даже не успела в полной мере осознать опасность создавшейся ситуации. Кто-то или зацепился о длинный подол платья, или просто слишком много народу пыталось протиснуться в дверь, но в какой-то момент люди стали спотыкаться и падать друг на друга. Послышался женский крик. Застрявшие сзади, на выходе из зала, запаниковали.

Обезумевшая толпа, яростно напирая на тех, кто был впереди, ринулась к выходу.

Глава 11

Нина застыла, в ужасе глядя, как какая-то женщина в вечернем платье упала под напором толпы. Она тотчас попыталась протянуть ей руку помощи и тоже нырнула в безумный поток, который вынес ее через двери холла на улицу. Попасть обратно в здание было невозможно, для этого ей пришлось бы двигаться против напиравшей толпы, охваченной волной паники.

Улицу уже заполнили те, кто успел выйти первым. Люди дрожали от страха и испуганно озирались по сторонам. Разглядев среди толпы Венди и Джейка, Нина облегченно вздохнула — по крайней мере, ее сестра выбралась из здания и была в безопасности. Спустя какое-то время людской поток, что выплескивался на улицу из театральных дверей, поредел.

Но где же Сэм? Выбрался ли он?

Наконец сквозь толпу она увидела, как он, поддерживая пожилого мужчину, выходит из здания. Оказавшись на улице, Сэм отвел его в сторону и усадил, прислонив к фонарному столбу.

— Этому человеку нужна помощь, позаботься о нем! — крикнул он, заметив идущую ему навстречу Нину.

— Куда ты идешь?

— Обратно. Внутрь. Там осталось еще несколько человек.

— Я могу помочь тебе...

— Ты поможешь мне, если останешься на улице и позаботишься об этом человеке.

«Что же, он должен делать свою работу, — подумала она, провожая его глазами. — А я — свою».

Нина повернулась к пожилому мужчине, сидевшему прислонившись к фонарю.

— Сэр, с вами все в порядке? — поинтересовалась она.

— У меня что-то покалывает в груди.

Только не это. Похоже на сердечный приступ. И ни одной машины скорой помощи в поле зрения. Она тотчас велела ему лечь, проверила пульс и расстегнула воротник рубашки. Она была так занята своим пациентом, что не сразу заметила, как к театру подъехала первая полицейская машина. К этому моменту толпа бурлила от желания знать, что происходит.

Она посмотрела на дверь: из театра выходил Сэм. На этот раз он нес на руках женщину в вечернем платье. Подойдя ближе, он положил ее возле Нины.

— Там внутри остался еще один, — сказал он и направился обратно к зданию. — Пока посмотри, что с женщиной.

— Наварро! — раздался чей-то громкий голос.

Сэм обернулся навстречу человеку в смокинге.

— Какого черта здесь вообще происходит?

— Мне некогда сейчас болтать, Лиддел. Я должен делать свою работу.

— Так был звонок, предупреждающий о бомбе, или нет?

— Никаких звонков не было.

— Тогда почему вы отдали приказ об эвакуации?

— Форма швейцара. — Сэм развернулся и направился к двери.

— Наварро! — кричал вслед Лиддел. — Я требую объяснений! Из-за этого пострадали люди. Если вы не объясните правомерность...

Сэм скрылся за дверью.

Лиддел мерил шагами тротуар, ожидая момента, чтобы продолжить свои разглагольствования.

— Я надеру вам за это задницу, Наварро! — раздраженно прокричал он в конце концов.

Это все, что он успел произнести, потому что в следующий момент рванула бомба.

Силой взрыва Нину сбило с ног, и она упала на тротуар, больно оцарапав при этом локти, но, как ни странно, боли не почувствовала. Слишком силен был шок от удара. Осталось лишь странное ощущение нереальности происходящего. Перед ее взглядом возникли выбитые силой взрыва стекла машин, дым, кольцами повисший в воздухе, люди, лежащие на тротуаре, такие же ошарашенные, как и она сама. Дверь главного входа в городской театр была перекошена и держалась только на одной петле.

Воцарившуюся тишину нарушил первый стон, затем последовал второй, после чего послышались всхлипывания и стоны пострадавших. Нина медленно села и только сейчас почувствовала боль. Ее локти были все в ссадинах и кровоточили. Голова болела так сильно, что Нина вынуждена была сжать виски ладонями, только чтобы ее не стошнило. Одновременно с болью в ее сознание вернулась и картина того, что было непосредственно перед взрывом.

Сэм. Он вошел в здание.

Где он? Нина окинула взглядом дорогу, тротуар, но в глазах как будто стоял туман. Она заметила Лиддела. Окружной прокурор пытался сесть и опереться на фонарь. Рядом с ним лежал тот самый пожилой мужчина, которого Сэм вывел из здания. Он был в сознании и тоже пытался сесть. Вот только Сэма нигде не было видно.

Нина с трудом поднялась на ноги. Голова тотчас закружилась, и она едва не упала снова. Борясь с болью, она заставила себя идти вперед и вскоре шагнула внутрь театра.

Там было темно, слишком темно, чтобы что-то разглядеть. Жидкий свет просачивался с улицы через дверной проем. Она споткнулась об

обломки и упала на колени, но быстро поднялась. Она знала, что ориентироваться в темноте крайне сложно, а искать кого-то вообще бесполезно, и тем не менее пошла дальше.

— Сэм! — позвала она, двигаясь вперед в глубь теней. — Сэм!

Ей ответило лишь собственное, полное отчаяния эхо.

Он зашел в вестибюль театра как раз в тот момент, когда прогремел взрыв. Он мог быть где угодно в здании, но скорее всего, находится где-то поблизости, в нескольких шагах от нее.

И она снова позвала его:

— Сэм!

На этот раз она услышала ответ:

— Нина? — Голос доносился не изнутри здания, а с улицы.

Она повернулась и, шатаясь, побрела к выходу. Выделяясь на фоне улицы, его силуэт застыл в проходе.

— Нина?

— Я здесь, я здесь. — Она перешагнула через последнюю полоску темноты, разделявшей их, и тут же угодила в его объятия — слишком крепкие, чтобы быть нежными, слишком отчаянные, чтобы найти в них утешение.

— Какого черта ты забыла внутри? — недовольно спросил Сэм.

— Искала тебя.

— Я же велел тебе оставаться снаружи. Как можно дальше от здания. Когда я тебя не увидел… — Сэм еще сильнее обнял ее, прижимая к себе так, что Нина почувствовала, как бьется его сердце. — Чтобы в следующий раз слушалась меня!

— Я думала, ты зашел внутрь.

— Вышел через другую дверь.

— Я не видела тебя.

— Я вытаскивал последнего человека. Едва мы оказались на улице, как тотчас прогремел взрыв. Нас обоих взрывной волной повалило на тротуар. — Он взял ее за плечи и посмотрел ей в глаза. Только сейчас она заметила стекавшую по его виску кровь.

— Сэм, тебе надо показаться врачу.

— Здесь и без меня много людей, которым нужен врач. — Он посмотрел по сторонам. — Я могу подождать.

Нина обвела глазами царивший вокруг хаос.

— Надо осмотреть пострадавших и установить очередь оказания скорой помощи. Пойду делать свою работу.

— Ты себя хорошо чувствуешь? Справишься?

Она кивнула и улыбнулась.

— Катастрофы — моя стихия, детектив, — сказала она и скрылась в толпе.

Теперь, когда Нина знала, что Сэм жив и с ним все в порядке, она могла сосредоточиться на том, что ей нужно делать. Одного взгляда на место происшествия хватило, чтобы понять: в ближайшие несколько часов ей предстоит уйма работы. Причем не только на улице, но и в больнице. Ближайшим клиникам понадобятся медсестры, способные оказать всем этим людям первую помощь.

Боль в голове давала знать о себе все больше и больше, ссадины на локтях болели всякий раз, как только она сгибала руки. Но, насколько Нина знала, на данный момент она была единственной медсестрой в радиусе нескольких сот футов.

Она, пошатываясь, направилась к ближайшей жертве теракта. У женщины была повреждена нога, из раны сочилась кровь. Наклонившись над пострадавшей, Нина оторвала кусок ткани от подола платья и, ловко соорудив подобие жгута, попыталась остановить кровотечение. Закончив перевязку, она, к собственному облегчению, отметила, что кровь остановилась.

«И это только первый пациент», — подумала Нина и оглянулась вокруг в поисках следующего. Нуждавшихся в ее помощи был не один десяток…

Спрятавшись в тени на другой стороне улицы от места происшествия, Винсент Спектер глядел на весь этот хаос и тихо чертыхался себе под нос. Судья Стэнли Долтон и Норм Лиддел оба остались живы. Спектер отыскал глазами ретивого окружного прокурора — тот сидел прислонившись спиной к фонарному столбу и обхватив голову руками. Сидевшая рядом блондинка — должно быть, жена Лиддела. Они находились в самой гуще столпотворения, окруженные десятками других пострадавших театралов. А значит, он не мог просто так подойти и пристрелить Лиддела на глазах у как минимум сотни свидетелей. Сэм Наварро стоял в нескольких шагах от Лиддела и наверняка был вооружен.

Еще один провал. Какой удар по репутации, не говоря уже о состоянии его счета. Снежный человек обещал ему четыреста тысяч долларов, если он уберет Долтона и Лиддела. И он вообразил было, что придумал красивое решение: убить обоих одним махом. С таким количеством жертв определить истинную цель покушения было бы невозможно.

Но обе мишени живы, и ни о каком авансе речи быть не может.

Задание стало слишком сложным и слишком опасным, особенно теперь, когда ему на хвост сел детектив Сэм Наварро. Из-за этого настырного копа он теперь будет вынужден откланяться, и… прощайте, четыреста тысяч долларов!

Спектер перевел взгляд на другую фигуру в толпе. Эта медсестра, Нина Кормье, перевязывала кого-то из раненых. Его фиаско в некотором роде было и на ее совести, он был в этом почти уверен. Должно быть, эта пташка сообщила полиции достаточно информации, чтобы навести легавых на бомбу. Причем решающей зацепкой стала форма швейцара.

Эта бабенка стала еще одной мелочью, которую он не учел, и вот вам результат. Ни выполненной работы, ни денег. К тому же она знала его в лицо. И хотя составленный полицией фоторобот был предельно схематичен и весьма приблизителен, эта Кормье вполне способна узнать его, даже если увидит лишь мельком. Это превращало ее в угрозу, которую больше нельзя оставлять без внимания.

Увы, устранить ее сейчас нет возможности. Не стрелять же в нее на улице на глазах у огромной толпы. Машины скорой помощи продолжали прибывать, визжа сиренами, одна за другой. Полицейские огородили место преступления от случайных машин.

Самое время скрыться отсюда.

И Спектер повернулся и зашагал прочь, с каждым шагом ощущая все отчетливей, как внутри закипает волна злости и раздражения. Как же он гордился своим умением учесть самые, казалось бы, ничтожные мелочи! Любой, кто работает со взрывчаткой, рано или поздно этому учится или же выходит из игры. Он же планировал задержаться на игровом поле как можно дольше, что, в свою очередь, означало: не прогляди мелочей, будь предельно внимателен.

И следующей такой мелочью станет Нина Кормье.

Она была хороша! Сэм застыл среди осколков стекла, не обращая внимания на шум и чьи-то голоса, и не отрывая глаз смотрел в ее сторону. Было половина одиннадцатого, то есть с момента взрыва прошло полтора часа, а на улице перед театром по-прежнему царила неразбериха. По всему кварталу, сверкая фарами, в беспорядке были припаркованы полицейские автомобили и машины скорой помощи.

Вокруг было полно спасателей, разбирающих завалы, чтобы подобраться поближе к возможным жертвам взрыва. Тех, кто получил самые серьезные травмы, уже отправили в больницу, однако не исключено, что во врачебной помощи нуждались еще несколько десятков человек.

В гуще этого хаоса Нина казалась островком спокойствия и хладнокровия. На глазах у Сэма она опустилась на колени рядом с каким-то стонущим мужчиной и быстро наложила ему импровизированную повязку. Как только с повязкой было покончено, она, похлопав мужчину по плечу и приободрив его словом, перешла к следующему пациенту. Затем, словно почувствовав на себе взгляд Сэма, обернулась в его сторону. На какой-то момент их взгляды встретились, и Нина прочла в его глазах немой вопрос: «Ну, как ты? Еще держишься?»

Нина помахала ему и кивком дала понять — мол, не волнуйся, все в порядке, после чего вновь взялась за дело.

Сегодня вечером работы хватит им обоим. И Сэм занялся своим делом. Следует досконально исследовать место взрыва.

Джиллис прибыл сорок пять минут назад, с защитным спецкостюмом и маской. Из машины один за другим вышли остальные члены его команды — три техника, Эрни Такеда и детектив Кули. Даже Эйб Куперсмит и тот счел своим долгом осмотреть место происшествия лично, хотя его присутствие носило скорее символический характер. Сегодня здесь балом правит Сэм, и все это знали. Спецгрузовик уже был на месте и ждал своего часа. Впрочем, ждали все, кто здесь находился.

А теперь самое время обыскать здание. Не исключено, что где-то внутри спрятано второе взрывное устройство.

Закрепив на лбу фонарик, Сэм на пару с Джиллисом двинулся вперед.

В темноте они продвигались с трудом. Осторожно перешагивая через обломки, Сэм направился к левому проходу, Джиллис свернул направо. Скамьи в конце зала почти не пострадали, если не считать порванной

обивки сидений, из которой торчали клочья поролона. Но чем ближе к сцене, тем больше было разрушений.

— Динамит, — негромко заметил Джиллис, втягивая носом воздух.

— Похоже, что бомбу подложили где-то в партере, — сделал вывод Сэм и двинулся в направлении оркестровой ямы. Повертев головой вправо-влево, он осветил пространство вокруг сцены, вернее, того, что когда-то было сценой, поскольку от нее оставалось лишь несколько искореженных досок.

— Воронка вот здесь, — произнес Джиллис.

Сэм подошел к нему и встал рядом. Затем оба опустились на колени, чтобы лучше разглядеть следы взрыва. Как и в церкви неделю назад, эта воронка также была довольно неглубокой. Из чего напрашивался вывод, что и здесь преступник использовал динамит.

— Похоже, это где-то в центре третьего ряда, — заметил Сэм. — Интересно, кто здесь сидел?

— Ты думаешь, эти места были зарезервированы для кого-то?

— Если да, то мы получим список предполагаемых жертв.

— Похоже, второй бомбы здесь нет, — заявил Джиллис.

— Тогда можно запускать криминалистов. — Сэм слишком резко поднялся на ноги и тотчас ощутил приступ головокружения. Давали о себе знать последствия взрыва. Последнее время их прогремело столько, что его мозг, похоже, уже просил пощады. А в данный момент ему не помешал бы глоток свежего воздуха.

— С тобой все в порядке? — спросил Джиллис.

— Ничего, все нормально, — заверил его напарник. — Просто пойду глотну воздуха.

С этими словами Сэм выпрямился и побрел по проходу к задним рядам кресел, затем вышел в фойе, а оттуда на улицу. Оказавшись снаружи, он прислонился к фонарному столбу и несколько раз глубоко втянул в себя ночной воздух. Головокружение тотчас отступило, и он вновь обратил внимание на царившее вокруг оживление. Впрочем, толпа заметно поредела, пострадавших увезли по больницам. У обочины стояла лишь одна машина скорой помощи.

Интересно, где же Нина?

При этой мысли голова мгновенно прояснилась. Сэм окинул взглядом улицу, но никого не заметил. Может, она уже уехала? Или же ее увезли?

Сэм направился в сторону полицейского из оцепления. Заметив приближение детектива, тот вопросительно посмотрел в его сторону:

— Слушаю вас, сэр?

— Здесь была женщина, медсестра, правда не в халате. Она оказывала помощь пострадавшим. Куда она уехала?

— Вы имеете в виду ту хорошенькую брюнетку?

— Да, ее.

— Она уехала в одной из машин скорой помощи минут двадцать назад. Если не ошибаюсь, она оказывала помощь какому-то пациенту.

— Спасибо, — поблагодарил его Сэм и, подойдя к машине, потянулся за мобильником. Не та ситуация, чтобы полагаться на авось, нелишне проверить, что с Ниной все в порядке. И он набрал номер отделения экстренной медицинской помощи.

Линия оказалась занята.

«Как всегда», — раздраженно подумал Сэм и сел в машину.

— Я сейчас сгоняю в больницу! — крикнул он Джиллису. — Вернусь через час-полтора.

Не обращая внимания на недоумение приятеля, он вырулил от тротуара и, лавируя на тесной улице, покатил мимо полицейских машин. Спустя пятнадцать минут он уже был у входа в отделение скорой медицинской помощи.

Он еще не успел распахнуть дверь, как до него донеслись шум и голоса — в отделении буквально бурлила лихорадочная деятельность. В коридоре было полно народу. Работая локтями, Сэм пробрался сквозь толпу и вскоре оказался у столика дежурной медсестры, осаждаемого сразу несколькими десятками пострадавших.

— Я детектив Сэм Наварро из полицейского управления Портленда, — представился он. — Нина Кормье сегодня на дежурстве?

— Нина? Насколько мне известно, сегодня не ее очередь.

— Она должна была приехать в одной из машин скорой помощи.

— Возможно, я ее пропустила. Подождите минутку, сейчас проверю, — сказала медсестра и набрала номер внутренней связи. — Здесь в вестибюле один полицейский спрашивает Нину. Если она там у вас, можете попросить ее выйти к нам?

Ожидание затянулось минут на десять. Сэму казалось, что терпение его вот-вот лопнет. Нина так и не вышла. Толпа в отделении неотложной помощи стала еще гуще, и теперь в вестибюле яблоку было негде упасть, не говоря уже о том, что людям приходилось стоять вплотную друг к другу. Что еще хуже, сюда успели нагрянуть репортеры, с телекамерами и прочей своей техникой. Дежурившая на приеме больных сестра буквально разрывалась на части. Про Сэма она уже успела забыть.

Не в силах ждать еще даже минуту, Сэм двинулся мимо медицинского поста. В этот момент дежурная сестра была занята тем, что успокаивала какого-то родственника пострадавшего, и потому не обратила внимания, как Сэм прошмыгнул за дверь и зашагал по коридору в глубь отделения неотложной помощи.

Приемные врачей и перевязочные располагались по обе стороны коридора, и Сэм, шагая мимо, заглядывал в каждую из них. Все были заняты, и во всех кипела работа — пострадавших во время взрыва было несколько десятков человек. Сэму бросились в глаза испуганные лица, забрызганная кровью одежда. Нины нигде не было видно.

Он повернулся и зашагал обратно, а когда почти дошел до выхода, то остановился возле закрытой двери. Операционная. С той стороны двери доносились голоса, было слышно, как хлопали дверцы шкафов. Сэм понимал: тем, кто сейчас внутри, не до него, и потому не торопился входить, однако выбора у него не было. Он должен лично убедиться в том, что Нина там, что она в целости и сохранности добралась до больницы.

И он распахнул дверь.

На столе лежал пациент — мужчина. В свете люминесцентных ламп его тело казалось мертвенно-бледным. Над ним склонилось с полдесятка человек врачей и медсестер. Один делал пострадавшему искусственное дыхание, другие суетились с капельницами и медицинскими препаратами. Пораженный этим кошмарным зрелищем, Сэм застыл на месте.

— Сэм?

Нину он узнал не сразу — как и все другие, она была в светло-зеленом костюме ассистента хирурга. Лишь услышав ее голос, он заметил, что она поспешила ему навстречу.

Она взяла его за руку и торопливо вывела в коридор.

— Что ты здесь делаешь? — шепотом спросила она.

— Ты уехала с места взрыва, и я хотел убедиться, что с тобой ничего не случилось.

— Меня сюда довезли на скорой. Я решила, что моя помощь не будет лишней. — Она посмотрела на дверь операционной. — И я не ошиблась.

— Послушай, как ты могла уехать, не предупредив меня? Откуда мне было знать, что с тобой все в порядке?

Она недоуменно посмотрела на него, однако ничего не сказала.

— Ты меня слушаешь? — не унимался Сэм.

— Да, — наконец негромко ответила она, — но я не верю тому, что слышат мои уши. Ты, похоже, напуган.

— Неправда. Просто я… просто я хотел… — Сэм бессильно тряхнул головой. — Ну хорошо, да, я испугался за тебя. Мне не хотелось бы, чтобы с тобой что-то произошло.

— Потому что я твой свидетель?

Он заглянул ей в глаза — такие прекрасные, задумчивые глаза. Еще ни разу в жизни он не чувствовал себя столь беспомощным. Ощущение собственной беспомощности было для него в новинку и, самое главное, оставляло неприятный осадок. Ведь он не из трусливых. Увы, одно то, что он позволил страху взять верх над собой, испугался, что потеряет ее, говорило о том, насколько она ему небезразлична. Похоже, он привязался к ней гораздо сильнее, чем входило в его намерения.

— Сэм! — Нина протянула руку, чтобы погладить его по щеке.

Он перехватил ее запястье и осторожно, но твердо отвел в сторону.

— Не сейчас, — произнес он. — Скажи мне лучше, куда ты поедешь потом. Ведь твоя жизнь поставлена под удар. Если ты согласна ею рисковать, что ж, это твое право. Но пока Спектер гуляет на свободе, за твою безопасность отвечаю я. Ты меня поняла?

Нина высвободила руку из его пальцев. Впрочем, было в этом жесте нечто большее, нежели желание вернуться к работе. Казалось, будто ей хочется вырваться из-под его опеки, и от этого ему сделалось больно. Впрочем, такую боль он выбрал для себя сам и от этого почувствовал себя еще хуже.

— Я все прекрасно понимаю, — сухо произнесла она.

— Отлично. А теперь тебе следует вернуться в отель, где мы не спустим с тебя глаз.

— Но я не могу уйти прямо сейчас. Я нужна здесь.

— Мне ты тоже нужна. Живой.

— Ты посмотри, что здесь творится! — И она махнула рукой в сторону вестибюля, где своей очереди ждали толпы пострадавших при взрыве. — Этих людей нужно срочно осмотреть, оказать им помощь. Я не имею права уйти отсюда прямо сейчас!

— Нина, меня ждет работа, и часть этой работы — обеспечить твою безопасность.

— Но меня тоже ждет работа! — с жаром возразила она.

Несколько мгновений они смотрели друг на друга, и ни один не желал первым пойти на уступку.

— У меня больше нет времени, — первой не выдержала Нина и повернулась, чтобы открыть дверь в операционную.

— Постой!

— Это моя работа, Сэм. А ты займись своим делом.

— В таком случае я пришлю сюда кого-нибудь из наших ребят, чтобы он не спускал с тебя глаз.

— Поступай как знаешь.

— А когда же ты освободишься?

Нина остановилась и бросила взгляд на пациента на столе:

— Не раньше утра. В лучшем случае.

— Тогда я вернусь за тобой часиков в шесть.

— Как скажете, детектив, — ответила она и оставила его стоять в коридоре. Он посмотрел ей вслед — она уже вернулась к своим коллегам в операционной. Затем кто-то плотно закрыл дверь.

«Это моя работа, Сэм. А ты займись своим делом», — сказала она ему.

«Что ж, она права, — подумал Наварро. — Именно этим я и должен заняться — своим делом».

Из машины он позвонил Пресслеру и попросил, чтобы тот отправил в отделение неотложной медицинской помощи дежурного полицейского. Парню найдется там работенка на всю ночь. После чего, удовлетворенный тем, что Нина в надежных руках, Сэм покатил к месту взрыва.

На часах было половина двенадцатого. Ночь только начиналась.

Последующие семь часов Нина продержалась на автопилоте. Разговор с Сэмом только прибавил отрицательных эмоций, и ей стоило немалых усилий заставить себя сосредоточиться на своей работе — оказании помощи десяткам пострадавших при взрыве, что столпились сейчас в ожидании своей очереди в коридоре. Облегчить их страдания, моральные и физические, — вот в чем сейчас заключался ее долг. Впрочем, Нина то и дело отключалась на мгновение, чтобы перевести дыхание, и впадала в задумчивость: все ее мысли были о Сэме, о тех словах, что он сказал ей.

«Нина, меня ждет работа, и часть этой работы — обеспечить твою безопасность».

И это все? Неужели их больше ничто не связывает? — задавалась она вопросом, заполняя карточку на очередного пациента. Работа? Нечто вынужденное? Впрочем, чего еще она ожидала? С самого начала перед ней был несгибаемый служитель закона и правопорядка. Нет, конечно, случались редкие моменты душевной теплоты, и в какой-то миг возникло ощущение, будто ей удалось заглянуть ему в душу и увидеть настоящего Сэма Наварро — доброго, любящего, отзывчивого. И всякий

раз, когда ей казалось, будто она его наконец поняла, он вновь отстранялся от нее, как будто ошпаренный ее прикосновением.

«Кто я для тебя, Сэм?» — с грустью подумала она. И что ей теперь делать со своими чувствами? Ну почему ее, несмотря ни на что, так влечет к этому копу?

От тяжких дум этой ночью ее спасла работа. Нина даже не заметила, как за окном рассвело.

К шести утра она в буквальном смысле валилась с ног от усталости и ее шатало из стороны в сторону. Утешало одно — зал ожидания был пуст, все пациенты разошлись по домам. Большая часть врачей и медсестер, измученные ночными бдениями, собрались в ординаторской, чтобы наконец выпить по чашечке кофе. Что-что, а это они заслужили. Нина уже собралась было составить им компанию, когда кто-то окликнул ее по имени.

Она обернулась. В вестибюле стоял Сэм.

Вид у него был такой же измученный, как и у нее самой. Под усталыми глазами темные круги, на подбородке щетина. Стоило ей посмотреть на его лицо, как ее обиду и раздражение словно рукой сняло.

«Мой бедный, бедный Сэм, — подумала она. — Ты слишком отдаешься работе. Но кто или что поможет тебе снять усталость в конце рабочего дня?»

Она подошла к нему. Он никак не отреагировал, просто стоял и молча смотрел на нее. На лице его застыла маска смертельной усталости. Нина обхватила его руками за шею. Несколько мгновений они стояли в обнимку, словно пытались не дать друг другу свалиться от изнеможения.

— Пора домой, — наконец негромко произнес Сэм.

— С удовольствием, — улыбнулась Нина.

Она так и не поняла, как ему удалось довести машину до дому. Запомнилось лишь одно: она задремала, а когда открыла глаза, они уже подъезжали к его дому, и он тихонько тряс ее за плечо, чтобы разбудить. Вместе они, еле передвигая от усталости ноги, добрели до его спальни. Желания предаться любви не возникло ни у него, ни у нее, и это несмотря на то, что они, раздевшись, легли в одну кровать, более того — даже тогда, когда его губы легонько коснулись ее лица, а его дыхание пощекотало ей щеку.

Нина тотчас провалилась в сон.

Ей было так тепло, так приятно нежиться в его объятиях. Как будто это была ее собственная постель.

Сэм посмотрел на Нину слегка сонным взглядом — она все еще спала, хотя было уже далеко за полдень. По идее ему давно полагалось быть на ногах, но усталость прошедшей ночи давала о себе знать.

Да, годы берут свое, он уже не мальчик и, наверно, староват для этой работы, которой отдал без малого восемнадцать лет. Восемнадцать лет он верой и правдой служил закону. Конечно, бывали моменты, когда он ненавидел свою работу, когда ее неприглядная изнанка загораживала собой все то положительное, что в ней было. Но даже в такие минуты у него не возникало сомнений в том, что быть полицейским — его судьба. И вот сейчас он, к собственному ужасу, поймал себя на том, что думает о совершенно иных вещах.

Ему страстно хотелось одного — провести вечность в этой постели и любоваться этой женщиной. Любоваться ее лицом, ее телом. Ведь только когда она спала, он мог позволить себе подобную роскошь — не стесняясь смотреть на нее. Потому что в остальное время он чувствовал себя таким неловким, таким беспомощным. Ему казалось, будто она умеет читать его мысли, будто способна заглянуть ему прямо в душу. Ему было стыдно признаться самому себе, какие чувства таятся в глубине его сердца.

И вот сейчас, глядя на нее, он понимал, что нет смысла кривить душой; уйди она, его мир рухнет в одночасье. Но значит ли это, что он ее любит? Трудный вопрос.

Впрочем, одно Сэм знал наверняка: он никак не предвидел, да и не желал такого поворота событий.

Прошлой ночью он наблюдал за ней, как она трудилась среди обломков, и не мог не восхититься ею. Более того, вчера он увидел ее с другой стороны — ту Нину, которую до сих пор не знал. Сильную, мужественную, полную сострадания к людям.

В такую легко влюбиться. Вот только не совершит ли тем самым он роковую ошибку?

Через месяц — пусть даже через год — она прозреет. Поймет, что никакой он не герой, а заурядный парень с жестяной бляхой на форме, который просто делает свою работу так, как умеет. Она же будет трудиться в больнице, бок о бок с такими везунчиками, как Роберт Бледсоу. С обладателями университетских дипломов и особняков в престижных кварталах с роскошным видом на океан. Сколько времени пройдет, прежде чем ей надоест обыкновенный коп, которого угораздило влюбиться в нее?

Сэм сел на край кровати и взъерошил волосы, словно надеялся тем самым стряхнуть с себя остатки сна. Увы, это не помогло, вчерашняя усталость по-прежнему давала о себе знать. Чтобы снова прийти в форму, ему срочно требовалась чашка крепкого кофе и хороший завтрак. Сегодня предстоит сделать немало — уточнить кое-какие детали, отработать возможные версии.

Неожиданно он ощутил легкое прикосновение ее пальцев к своей голой спине. И моментально работа отошла на второй план.

Он обернулся, и их взгляды встретились. Нина смотрела на него сонными глазами, в уголках губ играла довольная улыбка.

— Который час? — прошептала она.

— Почти три.

— Это мы так долго спали?

— Значит, так было нужно, и тебе и мне. Нам обоим требовался отдых. А охранять дом я поставил Пресслера.

— Ты хочешь сказать, что бедняга целый день промаялся на улице?

— Я договорился с ним накануне, прежде чем он ушел с дежурства. Я знал, что обязательно привезу тебя к себе.

Нина раскрыла для него объятия. Перед этим призывным жестом было невозможно устоять. Издав не то рык, не то стон, Сэм сдался: снова лег с ней рядом и впился поцелуем в губы. Его тело тотчас отреагировало на этот поцелуй, впрочем, и ее тоже. Они сильнее сжали друг друга в объятиях. Сил остановиться не было, значит, не было и пути назад. Ему страстно хотелось ее, хотелось ощутить себя внутри ее, пусть даже в последний раз. Если она не может принадлежать ему до конца его дней, он насладится ею хотя бы сейчас. Он навсегда запомнит ее лицо, ее улыбку, ее стоны, когда он погружается в нее, погружается сильно и глубоко.

Они оба получали наслаждение. И оба ответно дарили его.

Но, даже достигнув пика блаженства, даже в момент наивысшего наслаждения он подумал: этого недостаточно. Этого никогда не будет достаточно. Ведь ему нужно не только ее тело, ему требовалась ее душа.

Временно утолив потребности тела, он тем не менее ощущал внутреннюю неудовлетворенность и даже апатию. То есть испытывал совсем не то, что по идее должен ощущать завзятый холостяк после очередной любовной победы. Более того, в душе он был даже зол на себя за то, что допустил повторение ситуации. За то, что позволил этой женщине взять верх над всем остальным в его жизни.

Она лежала рядом с ним, улыбаясь и проникая все глубже и глубже в его жизнь.

Его первая реакция была — отпрянуть, встать с постели, скрыться от нее в ванной. Что он и сделал. Когда же он вышел из душа, пахнущий мылом и еще не до конца высохший, Нина уже сидела на краю кровати и с легким недоумением наблюдала за ним.

— Мне нужно вернуться на работу, — произнес Сэм, вытаскивая из ящика чистую рубашку. — Я приглашу Пресслера в дом, чтобы он составил тебе компанию.

— Взрыв уже прогремел, так что Спектер наверняка успел скрыться и, вполне вероятно, находится за тысячу миль от нас.

— Все равно я бы не стал ослаблять бдительность.

— Я не единственная, кто видел его лицо. Есть и другие, например билетеры в театре. Они тоже могли бы его опознать.

— Один из них ударился головой о тротуар и до сих пор лежит в реанимации без сознания. Другие же не могут прийти к согласию о том, какого цвета у Спектера глаза. Как видишь, пользы от билетеров никакой.

— И все-таки есть и другие свидетели, кроме меня, и Спектер это прекрасно знает. — Нина на минуту задумалась. — Думаю, это развязывает руки нам обоим.

— Что ты имеешь в виду?

— То, что я могу прекратить беспокоиться о том, что он по-прежнему за мной охотится. Тебе же больше нет необходимости ограждать меня от посягательств на мою жизнь. Ты можешь заниматься другими, куда более важными делами.

— Но ведь это часть моей работы.

— Это я уже слышала. — Нина приподняла подбородок, и он заметил, как в ее глазах блеснули слезы. — Боже, как бы мне хотелось, чтобы это было нечто большее!

— Нина, прошу тебя. Этим ты только вредишь и себе, и мне.

Она печально склонила голову. Видеть ее такой — обиженной, подавленной, несчастной — было выше его сил. Сэм опустился перед ней на колени и взял ее руки в свои.

— Ты же знаешь, что ты мне не безразлична.

Нина негромко усмехнулась:

— А разве я сомневаюсь? Это же очевидная вещь для нас обоих.

— А еще я считаю, что ты удивительная женщина. И если меня когда-нибудь скорая доставит в реанимацию, надеюсь, что первую помощь мне окажешь ты.

— Но?

— Но… — Сэм вздохнул. — Я просто не вижу для нас совместного будущего. По крайней мере в долгосрочной перспективе.

Нина вновь поникла, и он почувствовал, как она борется с собой. Да, он сделал ей больно, и ненавидел себя за это, ненавидел собственную трусость. Ибо что это такое, как не трусость? Разве он не смалодушничал, отказавшись поверить в то, что они могут быть вместе? Фактически же он отказывался поверить в нее.

Впрочем, в одном Сэм был уверен на все сто: второй такой женщины в его жизни не будет.

Он поднялся на ноги. Нина даже не пошевелилась — продолжала сидеть, тупо глядя в пол.

— Пойми, дело не в тебе, — произнес он. — Дело во мне. Просто со мной много лет назад произошла одна нехорошая история. И она дает мне

основания быть уверенным в том, что наши с тобой отношения не продлятся долго. Потому что это искусственная ситуация. Напуганная женщина и полицейский, который пытается ее защитить. Из этого могут получиться только несбыточные мечты.

— Прошу тебя, не нужно читать мне лекций по психологии! Я не желаю слышать о переносе чувств.

— И все же тебе придется меня выслушать. И понять. Потому что последствия важны для нас обоих. Важно и то, что ты чувствуешь по отношению ко мне и что я испытываю по отношению к тебе. Да, я стараюсь защитить тебя, оградить от возможной опасности. Причем делаю это даже не задумываясь, на автопилоте. — Сэм вздохнул, и этот вздох был полон отчаяния.

«Слишком поздно, — подумал он. — Мы оба испытываем чувства, которых не должны испытывать. Стрелки часов невозможно повернуть вспять».

— Ты сказал, что с тобой произошла одна нехорошая история. Давно, много лет назад, — негромко произнесла Нина. — Речь идет о другой женщине?

Сэм кивнул.

— У тебя была такая же ситуация? Напуганная женщина и полицейский, который пытался ее защитить?

И вновь кивок.

— Понятно, — едва слышно прошептала Нина, как будто с отвращением к самой себе, и поникла головой. — Значит, я вляпалась в то же самое дерьмо.

— Мы оба.

— И кто же кого бросил в тот раз?

— Это был один-единственный раз. Не считая тебя. — Сэм отвернулся и принялся расхаживать по комнате. — Тогда я был желторотым юнцом, новичком. Скажи, какой из человека полицейский в двадцать два года? Мне было поручено охранять женщину, за которой следил какой-то гнусный тип. Ей было под сорок, но она утверждала, что ей всего двадцать восемь. Неудивительно, что я на нее запал. Странно то, что она ответила мне взаимностью. По крайней мере, так было до тех пор, пока опасность не миновала. А потом она решила, что я ей не пара. И в принципе она была права. — Сэм остановился и посмотрел на Нину. — Мне кажется, это и есть то, что называют реальностью. Нечто такое, что снимает с нас всю наносную шелуху, обнажая нашу истинную сущность. В моем случае это то, что я просто коп-трудоголик. Как правило, честный, поумнее одних, поглупее других. Короче говоря, никакой я не герой. И когда она наконец это поняла, то развернулась и сделала мне ручкой. Я же остался, кем был, — печальным желторотым новичком, лишь слегка умудренным опытом.

— И ты считаешь, что сейчас повторяется та же самая история?

— А разве может быть иначе? Пойми, Нина, ты заслуживаешь большего. Гораздо большего, чем тебе могу дать я.

Нина покачала головой:

— То, чего мне хочется, Сэм, не имеет ничего общего с тем, что способен мне дать мужчина.

— Подумай о Роберте. О том, что ты могла бы иметь, если бы была с ним.

— Роберт — наглядный тому пример! У него было все. Все, кроме одной-единственной вещи, того, чего мне хочется на самом деле.

— И чего тебе хочется, Нина?

— Любви. Верности. — Она посмотрела ему в глаза. — Честности.

То, что он увидел в ее глазах, потрясло его до глубины души. Он сам мечтал дать ей все это, но в то же время страшился своих грез.

— Тебе сейчас кажется, будто этого достаточно, — возразил он. — Кто знает, вдруг вскоре ты обнаружишь, что на самом деле тебе нужно нечто большее.

— Это гораздо больше, чем я когда-либо могла ждать от Роберта, — сказала она вслух, а ее взгляд добавил: «Гораздо больше, чем я когда-либо могла ждать от тебя».

Сэм не стал ее переубеждать. Вместо этого он решительно направился к двери.

— Мне нужно поговорить с Пресслером, — пояснил он. — Хочу попросить его, чтобы он охранял тебя сегодня весь день.

— В этом нет необходимости.

— Нина, тебе нельзя оставаться одной.

— А разве я буду одна? — Она смерила его пристальным взглядом. — В конце концов, я могу вернуться к отцу. В его доме установлена хитроумная сигнализация. Не говоря уже о собаках. Мы ведь, кажется, выяснили: Даниэла не подкладывала никаких бомб. Так что в их доме я буду в безопасности, — сказала Нина и обвела взглядом комнату. — В любом случае здесь мне оставаться нельзя. Это все-таки не мой дом.

— Ну и что? Можешь находиться у меня столько, сколько захочешь.

— Нет. — Она посмотрела ему в глаза. — Не вижу смысла, поскольку нам обоим понятна беспочвенность такого рода отношений.

Сэм не стал спорить с Ниной и тотчас понял по ее лицу, что от этого ей стало еще тягостнее на душе.

— Хорошо, я отвезу тебя к отцу, — произнес он и, повернувшись, вышел из комнаты. Что еще ему оставалось делать?

Видеть немой упрек в ее глазах было выше его сил.

Глава 12

— Похоже, теперь мы знаем, за кем охотится преступник, — доложил Сэм. — Это наш окружной прокурор, Лиддел.

— Ты уверен? — Куперсмит вопросительно посмотрел на него и Джиллиса через стол конференц-зала.

— Все сходится. Мы обнаружили место, куда была подложена бомба. Третий ряд партера, в самом центре, напротив середины сцены. Места на вчерашний концерт были зарезервированы несколько недель назад. Я прошелся по списку тех, кто сидел в этом ряду. Так вот, центральные места были заказаны на имя Лиддела и его супруги. Не выведи мы их из зала, они бы наверняка погибли при взрыве.

— А кто еще сидел в этом ряду?

— Через шесть стульев от них сидел судья Долтон, — ответил Сэм. — Велика вероятность того, что и он тоже был бы убит или, по крайней мере, получил бы серьезные увечья.

— А кто другие люди?

— Мы проверили всех. Профессор права из Калифорнии, приехал читать лекции в местном университете. Несколько родственников судьи Долтона. Пара мелких судебных клерков. Впрочем, мы сомневаемся, что эти люди представляли интерес для наемного убийцы. Кстати, вас, надеюсь, заинтересует последний отчет Эрни Такеды. Он позвонил мне сегодня прямо из лаборатории. Снова динамит производства фирмы «Дюпон». Точно такой же детонаторный шнур, точно такая же зеленая изолента.

— Спектер, — произнес Куперсмит и, откинувшись на спинку кресла, устало вздохнул. Впрочем, устал не только он один, устали все. Потому что все до единого трудились ночь напролет и если и успели вздремнуть, то лишь пару часов, чтобы затем вновь вернуться к работе. Сейчас на часах было пять часов вечера, а значит, недалеко и новая бессонная ночь. — Боже, да он помешался на мести.

— Похоже на то, а вот везения ему явно не хватает, — буркнул Джиллис. — Те, в кого он метил, остались в живых. Лиддел. Судья Долтон. Нина Кормье. Я бы сказал, что легендарный Винсент Спектер должен к этому моменту от досады биться головой об стенку.

— Думаю, у него есть на то причины, — согласился Сэм. — Теперь его репутация под вопросом, если не разрушена окончательно. После такого фиаско ему нечего надеяться на новые контракты. Тот, у кого есть деньги, найдет себе профессионала получше.

— А разве мы знаем, на кого он работал?

Сэм и Джиллис переглянулись.

— Нетрудно предположить, — ответил приятель Сэма.

— Билли Бинфорд?

Сэм кивнул:

— Суд над Снежным человеком состоится через месяц. А Лиддел упорно отказывается идти на любые уступки. Поговаривают, что процесс над Бинфордом нужен ему в качестве трамплина для прыжка в большую политику. Полагаю, наш Бинфорд в курсе того, что ему светит долгий срок, и потому хотел бы вывести Лиддела из дела. Причем навсегда.

— Если бы Сэм не вывел публику из театра, — добавил Джиллис, — мы потеряли бы половину наших прокуроров. Что затормозило бы работу судов на много месяцев. В такой ситуации адвокаты Бинфорда наверняка бы добились, чтобы его выпустили под залог.

— А мы можем это доказать? У нас имеются неопровержимые улики?

— Пока нет. Адвокат Бинфорда, Альберт Дарьен, утверждает, что ему ничего не известно. От него мы никаких признаний не добьемся. Сейчас технический отдел изучает тюремные видеозаписи внутреннего наблюдения, в частности те, которые зафиксировали посетителей Бинфорда. Возможно, нам удастся опознать посредника.

— Вы считаете, что это может быть кто-то другой, кроме его адвоката?

— Мы не исключаем такой возможности. И как только мы его опознаем, это выведет нас на Спектера.

В половине шестого совещание завершилось, и Сэм направился к кофейному автомату в надежде на то, что порция кофеина поможет ему продержаться ближайшие восемь часов. Он едва успел поднести к губам пластиковый стаканчик, когда в здание управления полиции вошел Норм Лиддел. При виде синяков и царапин на его лице Сэм испытал легкий приступ злорадства. Хотя прокурор получил лишь символические травмы, вчера вечером он громче всех кричал, что ему требуется медицинская помощь. В конце концов его собственная супруга, у которой была сломана рука, не выдержала и одернула его — мол, такое поведение не подобает мужчине.

И вот теперь окружной прокурор был вынужден демонстрировать подчиненным синяки и царапины. Сэм подумал, что вид у Лиддела какой-то побитый — в прямом и переносном смысле.

— Добрый день, Наварро, — произнес прокурор еле слышно.

— Добрый день.

— Я... — Лиддел прочистил горло и обвел взглядом вестибюль, как будто хотел удостовериться, что их никто не подслушивает. На его счастье, вокруг было пусто.

— Как ваша жена? — вежливо поинтересовался Сэм.

— Прекрасно. Какое-то время ей придется походить в гипсе. К счастью, это закрытый перелом.

— Вчера вечером она держалась молодцом, особенно если учесть ее травму, — заметил Сэм, а про себя добавил: «В отличие от тебя».

— У моей жены железная выдержка, — был вынужден признать Лиддел. — Кстати, именно по этой причине я бы хотел поговорить с вами.

— Вот как?

— Послушайте, Наварро, вчера вечером… мне кажется, я набросился на вас зря. Но с другой стороны, откуда мне было знать, что в театре заложена бомба.

Сэм слушал его молча — не хотел прерывать столь приятный его взору и уху спектакль.

— Поэтому, когда я вчера обругал вас из-за того, что вы потребовали освободить здание, мне следовало догадаться, что у вас наверняка имеются веские основания. Но, черт побери, Наварро, тогда мои глаза видели лишь одно: всю эту жуткую неразбериху и давку. Я подумал, что вы зря напугали людей и… — Лиддел на мгновение умолк, тщательно подбирая слова. — В общем, приношу свои извинения.

— Что ж, ваши извинения приняты.

Лиддел с видимым облегчением кивнул.

— Теперь вы можете сказать своей супруге, что ваша совесть чиста.

Сэму было достаточно одного взгляда на лицо окружного прокурора, чтобы понять: его догадка верна. Идея извиниться за вчерашнее принадлежала миссис Лиддел с ее железной выдержкой. Сэм невольно улыбнулся, глядя, как Лиддел развернулся и деревянной походкой направился к кабинету Куперсмита. Да, похоже, в семье окружного прокурора юбку носит отнюдь не его супруга.

— Эй, Сэм! — окликнул его Джиллис. Он уже шагал в его сторону, натягивая на ходу куртку. — Пошли!

— Куда?

— Ребята просят, чтобы мы с тобой взглянули на тюремные видеозаписи. У Снежного человека пару дней назад был неизвестный посетитель.

Сэм тотчас ощутил прилив адреналина.

— Спектер?

— Нет. Какая-то женщина.

— Вот эта блондинка, — произнес детектив Кули.

Сэм и Джиллис подались к телеэкрану, устремив взоры на черно-белое изображение женщины. Лицо ее разглядеть быть невозможно, его постоянно загораживали другие посетители на переднем плане, однако увиденного было достаточно, чтобы убедиться: это действительно блондинка, в возрасте от двадцати до сорока, с фигурой танцовщицы.

— Хорошо, остановите здесь, — велел Кули видеотехнику. — В этом кадре она хорошо видна.

На какой-то миг, мелькнув вежду двумя другими посетителями, женщина оказалась лицом к камере. В деловом костюме, юбке с жакетом, с «дипломатом» в руках. Судя по внешнему виду — адвокат или что-то в этом роде. Но кое-какие детали не вписывались в этот образ.

Во-первых, обувь. Поскольку камера была наклонена вниз, то в кадр попала правая нога в кокетливой босоножке на шпильке, щиколотка перехвачена тонким ремешком.

— На таких шпильках в суд не ходят, — заметил Сэм.

— Ну, разве только кому-то хочется приятно пощекотать нервы судье, — пошутил Джиллис. — Кстати, обрати внимание на косметику.

Эта была вторая деталь, которая плохо вписывалась в образ. Женщина была накрашена так, как адвокаты никогда не красятся, по крайней мере те, с кем довелось встречаться Сэму. Ресницы явно наклеенные. Тени на

веках напоминают чешую тропической рыбы. Яркая помада наложена густым слоем.

— Ну и красотка! На моей улице таких не увидишь, — заметил Джиллис.

— Кстати, а кто значится в журнале регистрации посетителей?

Кули посмотрел на листок бумаги:

— Она подписалась как Мэрилин Дюкофф. Указана также цель визита: консультация с Бинфордом в рамках отношений адвокат — клиент.

Джиллис расхохотался:

— Если она адвокат, то я завтра же иду поступать на юридический факультет!

— И в какой же адвокатской конторе работает эта пташка? — поинтересовался Сэм.

— «Фрик и Дарьен».

— Врет?

Кули покачал головой:

— В списке их персонала такой нет, даже среди помощников и мелких клерков. Но… — Он подался вперед. На его физиономии играла хитрющая улыбка. — Кажется, мы знаем, где она работала.

— И где же?

— В стрип-клубе «Стоп-Лайт».

Джиллис посмотрел на Сэма так, словно хотел сказать: «Что я тебе говорил!»

Объяснений не требовалось. Про это заведение и его знаменитое стриптиз-шоу им было известно все.

— Не мешай, сейчас попробую угадать, — сказал Сэм. — Она там танцует.

— Попал в самую точку.

— Ты уверен, что речь идет о той же самой Мэрилин Дюкофф?

— На все сто, — ответил Кули. — Посмотри, все посетители обязаны при входе в тюрьму показать удостоверение личности. Она назвалась именно этим именем, а в подтверждение предъявила водительские права. Мы проверили, и вот ее фото. — С этими словами Кули протянул Сэму и Джиллису фотографию.

— Да, это она, — согласился Джиллис.

— Из чего вытекает, что мы говорим об одной и той же Мэрилин Дюкофф, — сделал вывод Кули. — По-моему, эта пташка не стала утруждать себя изготовлением фальшивых документов и заявилась в тюрьму под своим собственным именем. Единственное, где она солгала, — это насчет своей профессии.

— Которая явно не имеет ничего общего с законностью и правопорядком, — добавил Джиллис.

— Молодцы, хорошо поработали, — похвалил Сэм Кули.

— К сожалению, — произнес младший детектив, — нам до сих пор не удалось установить местонахождение этой женщины. Мы знаем, что она работала в клубе, но две недели назад уволилась. Мы отправили нашего человека по указанному на водительских правах адресу. Дверь нам никто не открыл. Телефон тоже отключен. — Кули на миг задумался. — По-моему, было бы разумно выдать ордер на обыск.

— Тогда выдавайте. — Сэм поднялся из-за стола и посмотрел на Джиллиса. — Встретимся в машине через десять минут.

— Едем к блондинке?

— А у тебя есть предложение получше?

Джиллис оглянулся на видеозапись — на стройные ноги в босоножках на высокой шпильке.

— Разве может быть что-нибудь лучше этого? — Он рассмеялся. — Вряд ли.

* * *

Полицейские ищейки подобрались к нему почти вплотную, и это внушало тревогу.

Спрятавшись в дверном проеме многоэтажного здания, Спектер наблюдал, как полицейские вышли из бывшего дома Мэрилин. Сам он побывал там всего несколько минут назад, хотел убедиться, что его подружка не оставила никаких намеков на свое нынешнее местонахождение. Надо сказать, ему крупно повезло — он успел улизнуть оттуда за считаные минуты до того, как в дом нагрянул Наварро.

Полицейские пробыли внутри почти час. Свою работу они делали хорошо, но он все равно их перехитрил. После взрыва в театре он в срочном порядке переселил Мэрилин в другой дом, на противоположном конце города, потому что понимал: после взрыва в театре его замыслы станут очевидны. Как и то, что легавые наверняка заинтересуются Мэрилин. Ему не пришлось ее долго упрашивать.

К сожалению, свою полезность она уже почти исчерпала, и теперь самое время от нее избавиться. Но сначала она выполнит еще одно его поручение.

Спектер напрягся. Из входной двери показалась хорошо знакомая ему фигура — Сэм Наварро. Этот чертов легавый стал для него олицетворением всех неудач и позорных провалов, которые буквально преследовали его последнее время. Наварро — мозг номер один этого расследования. Это благодаря его догадке Лиддел остался жив.

Нет результата, значит, нет и денег. В некотором смысле Наварро его ограбил, причем на приличную сумму.

Спектер стоял, наблюдая за тем, как полицейские о чем-то совещаются у входа в дом. Их было пятеро, трое в штатском и двое в форме. Но он

видел лишь одного из них, Наварро, и его душила бессильная злоба. Между ними шла своеобразная война умов и упрямства. За все годы своей «работы» Спектер ни разу не встречал столь хитрого и проницательного противника.

В принципе сейчас самое разумное — под шумок улизнуть из города и какое-то время переждать в безопасном месте как можно дальше отсюда. Например, в Майами или Новом Орлеане. Увы, его репутации был нанесен непоправимый урон, и вряд ли можно надеяться, что в Майами для него найдется работа. Внутренний голос подсказывал ему, что Наварро не остановится, пока не найдет его. Куда бы он ни уехал, этот упертый коп все равно отправится по его следам.

Так что, прежде чем свалить отсюда, неплохо было бы с ним расквитаться. Нет, он не уедет отсюда, пока не отплатит этому Наварро — так или иначе.

Трое легавых в штатском сели в машину и укатили прочь. А спустя минуту их примеру последовали и те, что в форме. В квартире Мэрилин они ничего не нашли — он сделал все для того, чтобы они ушли с пустыми руками.

«Попробуй загони меня в угол, Наварро, — подумал Спектер. — Или же я сделаю это первым».

Чувствуя, что у него затекли ноги, Спектер выпрямился во весь рост, вышел на улицу и, обогнув здание, направился к припаркованной за углом машине.

Наварро. Сейчас его забота номер один — Сэм Наварро. С этим типом нужно покончить, раз и навсегда. План у него есть, отличный план. Правда, в очередной раз ему потребуется помощь Мэрилин. Всего один телефонный звонок — вот и все. И он больше не будет нуждаться в ее услугах.

Никогда.

Обед был отменный. А вот компания за столом — какая-то невеселая.

Даниэла, в переливающемся зеленом трико и юбке с запахом, уныло ковырялась в салате, не обращая внимания на блюдо с диким рисом и жареной уткой. С мужем она не разговаривала, а тот, в свою очередь, не пытался заговорить с ней. Нина же чувствовала себя слишком скованно и поэтому тоже предпочитала хранить молчание.

В результате полицейских допросов всплыл роман между Даниэлой и Робертом. И хотя Нина не собиралась прощать Даниэле это предательство, по крайней мере, она заставила себя не показывать своих истинных чувств.

В отличие от отца. Тот все еще пребывал в шоке от этого открытия. Его драгоценная женушка, потрясающая красавица блондинка на тридцать лет его младше, не удовольствовалась тем, что вышла замуж за его кошелек. Вдобавок к деньгам ей потребовался молодой любовник. Дожив до седин, Джордж Кормье так и не понял, как следует выбирать жену, чтобы не ошибиться.

«Похоже, дело идет к разводу, четвертому в его жизни», — подумала Нина. Она посмотрела на отца, затем на Даниэлу. Нет, конечно, отца она любила, но все-таки не могла избавиться от чувства, что эти двое друг друга стоят. Причем в самом худшем смысле.

Даниэла опустила вилку.

— Если вы не против, — сказала она, — я, пожалуй, оставлю вас. Аппетита у меня нет, и я бы предпочла сходить в кино.

— А как же я? — вспыхнул Джордж Кормье. — Знаю, я всего лишь твой муж, но провести пару вечеров с таким старым занудой, как я, для тебя не слишком обременительно. Особенно если учесть все те бонусы, которые ты получаешь взамен. Или как?

— Бонусы?! Бонусы?! — Объятая гневом, Даниэла вскочила из-за стола. — Да никакие деньги в мире не способны компенсировать то, что я замужем за таким старым козлом, как ты!

— Так я козел?

— Да-да, старый козел! Ты не ослышался, именно так, старый. — Даниэла вытянула шею над столом. — Причем старый во всех отношениях.

Джордж тоже вскочил со стула:

— Послушай, ты, стерва!

— Давай-давай, можешь облить меня помоями. Но не волнуйся. На каждое твое оскорбление в мой адрес у меня найдется ответ.

И, мотнув головой, она гордо вскинула подбородок и, громко стуча каблуками, вышла из столовой.

Джордж Кормье растерянно посмотрел ей вслед, после чего медленно опустился на стул.

— Боже мой, — прошептал он, — о чем я думал, когда женился на ней?

Ты вообще ни о чем не думал, едва не сорвалось с языка Нины. Она прикоснулась к руке отца.

— Знаешь, папа, похоже, мы оба — ни ты, ни я — не умеем выбирать себе супругов. Как ты считаешь?

Джордж посмотрел на дочь. В глазах его читалось страдание.

— Я искренне надеюсь, дочка, что ты не унаследовала моего невезения.

Какое-то время они сидели молча. Никто так и не притронулся к ужину. В соседней комнате заиграла музыка, запульсировал быстрый и четкий ритм аэробики. Даниэла вновь отдалась своему любимому занятию, в надежде, что физические нагрузки позволят ей выпустить эмоциональный пар, а заодно сделают еще более совершенным ее и без

того сильное и гибкое тело. Ничего, ей хватит ума развестись так, чтобы в кармане остался миллион долларов. Ведь она этого достойна.

Нина со вздохом откинулась на спинку стула:

— Не буду гадать, что это — невезение или недостаток характера, но, по-моему, у некоторых людей на роду написано быть одинокими.

— Только не у тебя, дорогая моя. Тебе нужно в кого-то влюбиться. Потому что ты по натуре влюбчивая, ласковая. А ласковых, скажу я тебе, любят.

Нина печально усмехнулась, но ничего не сказала, а про себя подумала: «Ну да, сначала поиграют, а потом бросят».

И вновь она поймала себя на том, что ей интересно знать, что делает в эти минуты Сэм Наварро. Чем заняты его мысли? Нет, конечно, вряд ли он думает о ней. Ведь он полицейский, и работа для него — на первом месте.

И все же, когда раздался телефонный звонок, она не сумела подавить в сердце надежду, что это звонит именно он. Чувствуя, как колотится в груди сердце, она сидела за столом и слушала, как в соседней комнате Даниэла взяла телефонную трубку и теперь с кем-то разговаривает.

Но уже в следующую минуту Даниэла показалась в дверях и сказала:

— Это тебя, Нина, из больницы. Говорят, что никак не могли до тебя дозвониться.

Расстроенная до глубины души, Нина все же поднялась, чтобы ответить на звонок.

— Алло?

— Привет, это Глэдис Пауэр, старшая дежурная ночной смены. Извини, что беспокоим тебя, этот номер нам дала твоя мать. У нас сегодня несколько человек ушли на больничный, и мы решили спросить тебя, не смогла бы ты сегодня подежурить в отделении неотложной помощи?

— В ночную смену?

— Да, там срочно требуется помощь.

Нина бросила взгляд в сторону комнаты Даниэлы. Оттуда по-прежнему доносилась музыка, причем даже громче, чем раньше. Да, пожалуй, ей лучше отсюда уйти, чтобы не стать свидетелем очередной супружеской ссоры.

— Хорошо, я выйду, — сказала она в телефонную трубку.

— Встретимся в одиннадцать.

— В одиннадцать? — Нина нахмурилась. Ночная смена обычно начиналась в полночь. — То есть я должна прийти на час раньше?

— Если сможешь. Потому что вечером нам тоже не хватает персонала.

— Хорошо, в одиннадцать, значит, в одиннадцать. — Она нажала на кнопку отбоя и облегченно вздохнула. Ей, можно сказать, крупно повезло, что ее вызвали на дежурство. Восемь часов ночных бдений, и кто знает, возможно, она сумеет стряхнуть с себя овладевшее ею уныние.

И, самое главное, сумеет выбросить из головы Сэма Наварро.

* * *

Мэрилин повесила трубку.

— Она сказала, что приедет.

Спектер довольно кивнул:

— Ты молодчина.

— Еще бы! — И Мэрилин одарила его довольной улыбкой, которая говорила: «Ради тебя я готова на что угодно».

— Надеюсь, в ее голосе не было подозрительных ноток? — на всякий случай уточнил Спектер.

— Нет, говорю тебе, она обязательно приедет. Ровно в одиннадцать, как ты и хотел.

Мэрилин откинула голову назад и хищно облизала губы.

— А теперь я получу то, чего мне хочется?

— И чего же тебе хочется? — улыбнулся он.

— Сам знаешь. — Мэрилин подошла к нему вплотную и, расстегнув пряжку на брюках, скользнула внутрь рукой. Винсент невольно втянул в себя воздух. Ее прикосновение было чертовски приятно — умелое прикосновение женщины, которая отлично знает, как завести мужчину. О да, он прекрасно знал, чего она ждет от него.

И это был отнюдь не секс.

«Почему бы не воспользоваться моментом?» — подумал он. Она была готова, у него в запасе — немного свободного времени. Три часа, если быть точным, до того, как Нина Кормье приедет на ночное дежурство. Так почему бы ему не развлечься немного с Мэрилин, а потом заняться серьезным делом?

Она опустилась перед ним на колени.

— Ты сказал, что заплатишь мне столько, сколько я стою, — прошептала она.

Он простонал.

— Я обещал...

— А я стою многого. Разве не так?

— Безусловно.

— Между прочим, я могу стоить еще больше.

По его телу пробежала сладкая судорога, и он взял ее лицо в свои ладони. Тяжело дыша, он гладил ее щеки, виски, красивую, длинную

шею. Как легко можно с этим покончить. Нет, пусть сначала кончит она...

— О да, — прошептала Мэрилин, — ты готов меня принять.

Он притянул ее лицо ближе к себе и подумал: «Жаль, что ты не будешь готова принять меня».

Когда Сэм, усталый после дневных трудов, оказался на пороге, на часах было десять тридцать. Первое, что он заметил, — тишина. И пустота. Ощущение было такое, будто дом каким-то странным образом утратил душу.

Он включил свет, но даже яркие лампочки были бессильны разогнать притаившиеся в углах тени. За последние три года Сэм привык называть этот дом своим, сюда он каждый день возвращался после работы. И вот теперь это место показалось ему холодным, словно здесь обитал не он сам, а кто-то чужой. Это был чужой дом.

В кухне он налил себе стакан молока и тотчас осушил его в три или четыре жадных глотка. Вот и весь его ужин. Сил на то, чтобы что-то приготовить, не осталось. Он налил себе второй стакан молока и, захватив его с собой, пошел к телефону. Он извелся за вечер, так ему хотелось сделать этот звонок, но постоянно что-то мешало. И вот теперь у него, наконец, есть несколько благословенных мгновений тишины и спокойствия, и он сейчас наберет ее номер. Он скажет ей то, что так боялся произнести вслух, но чего был больше не в состоянии отрицать — ни перед ней, ни перед самим собой.

Это решение созрело в нем во второй половине дня. Как ни странно, понимание пришло к нему тогда, когда они обыскивали дом Мэрилин Дюкофф. Он стоял посреди спальни, принадлежавшей женщине, и смотрел на пустые ящики комода, на голый матрас на кровати. Внезапно на него с такой силой накатила волна одиночества, что защемило в груди. Эта пустая, брошенная комната почему-то напомнила ему его собственную неустроенную жизнь.

«Я слишком давно работаю в полиции, — подумал он. — Я позволил моей работе заменить жизнь». Лишь в этот миг, стоя посреди пустой комнаты, он понял, что жизни, как таковой, у него почти нет. Ни жены, ни детишек, никого.

И за то, что он, наконец, это понял, он должен благодарить Нину. Да, ему было страшно. Да, если она бросит его, он будет страдать так, как не страдал никогда в жизни. Увы, альтернатива была столь же безрадостной, если только он не преодолеет себя.

До сих пор он вел себя как последний трус. Все, с этим покончено.

Сэм взял телефон и набрал номер дома Джорджа Кормье.

Несколько долгих гудков, и на том конце провода раздался вежливый и вместе с тем невыразительный голос:

— Слушаю вас.

Увы, трубку сняла не Нина, а помешанная на аэробике Даниэла.

— Говорит Сэм Наварро, — произнес он. — Извините, что побеспокоил вас так поздно. Но я хотел бы поговорить с Ниной.

— Ее нет дома.

Разочарование тотчас сменилось профессиональным подозрением. Это с какой стати ее сейчас нет дома? Ведь сегодня вечером она обещала ему никуда не выходить, тем более без охраны.

— Вы не скажете, куда она ушла? — спросил он.

— В больницу. Ей позвонили. Попросили выйти в ночную смену.

— В отделение неотложной помощи?

— Думаю, что да.

— Спасибо.

Сэм положил трубку. Разочарование и досада давили на плечи тяжелым грузом. Черт побери! Он больше не в состоянии сдерживать себя. К чему тянуть. Он позвонит и признается ей как на духу. Прямо сейчас.

И он набрал номер отделения неотложной помощи.

— Отделение экстренной медицинской помощи. Слушаем вас, — прозвучало в трубке.

— С вами разговаривает детектив Сэм Наварро, из полицейского управления Портленда. Могу я поговорить с Ниной Кормье?

— Но ее нет на работе.

— Когда она приедет, не могли бы вы попросить ее, чтобы она позвонила мне домой?

— Но сегодня не ее смена.

— Не понял?!

— Передо мной лежит график дежурств. Сегодня ее имя в списке не значится.

— Мне сказали, будто ей позвонили с работы и вызвали на ночное дежурство.

— В первый раз слышу.

— А вы не могли бы это выяснить? Дело срочное.

— Сейчас спрошу у старшей сестры. Не кладите трубку.

Какое-то время в трубке было тихо, и Сэму было слышно, как в висках стучит его собственная кровь. Нет, тут что-то не так. Внутренний голос подсказывал ему, что дело здесь явно нечисто.

Наконец женщина на том конце провода вновь взяла трубку:

— Вы слушаете меня? Я проверила список дежурных у старшей сестры. Она говорит, что ей ничего не известно ни о каком срочном вызове.

Согласно ее графику у Нины запланировано дежурство лишь на следующей неделе.

— Спасибо, — негромко произнес Сэм.

Несколько мгновений он сидел, размышляя о загадочном вызове из больницы. Звонивший точно знал, что ее можно найти в отцовском доме. Это был кто-то, кому не стоило больших трудов выманить ее из дому, причем в столь поздний час, когда рядом почти не будет свидетелей, способных потом рассказать, что, собственно, произошло.

И этот загадочный некто — Спектер.

Сэм взглянул на часы. Десять.

Еще мгновение, и он выскочил из дома и со всех ног бросился к машине. Выруливая на дорогу, он отдавал себе отчет в том, что, возможно, опоздал. Летя на всей скорости к автостраде, Сэм одной рукой вел машину, а второй набрал номер напарника.

— Джиллис слушает, — раздался в трубке знакомый голос.

— Я сейчас еду в клинику, — сообщил Сэм. — Спектер, похоже, там.

— Что?

— Нине был ложный звонок. Кто-то, притворившись, будто звонит из больницы, вызвал ее на ночное дежурство. Я уверен, что это он. Она уже уехала из дома.

— Встретимся в клинике, — произнес Джиллис и положил трубку.

Сэм сосредоточился на дороге. Стрелка спидометра приблизилась к отметке семьдесят миль в час. Затем восемьдесят.

«Не дай мне опоздать», — взмолился он, обращаясь к Богу, и до упора нажал на акселератор.

Больничный гараж для машин персонала был пуст, что тотчас навело Нину на нехорошие мысли, стоило ей въехать в железные ворота. Ей

частенько случалось бывать поздним вечером в гараже, когда она приезжала на работу в ночную смену или же уезжала домой, отработав вечернюю, и ни разу с ней не случалось никаких происшествий. В конце концов, Портленд один из самых тихих и безопасных городов Америки.

«При условии, что за вами никто не охотится», — напомнила она себе.

Она въехала на парковочное место и несколько секунд сидела, пытаясь успокоить нервы. Не хотелось бы начинать ночную смену с трясущимися коленками. Ей нужна ясная голова, а не забитая мыслями о том, что кто-то желает видеть ее мертвой. А еще неплохо бы выбросить из головы Сэма Наварро. Ведь как только она переступит порог больницы, то станет дежурной медсестрой, от работы которой зависит жизнь других людей.

Нина распахнула дверь и вышла из машины.

До окончания вечерней и начала ночной смены оставался еще целый час. В полночь в гараже народу как днем — кто-то будет собираться домой, кто-то только приедет на работу. Сейчас же в гараже не было ни души. Нина ускорила шаг. Больничный лифт находился прямо перед ней, и путь к нему был свободен. Еще десяток шагов, и она сможет вздохнуть свободно.

Второпях она не заметила, как из одной машины вылезла мужская фигура.

Зато почувствовала, как кто-то железной хваткой схватил ее за руку, а в висок уперлось что-то холодное. Крик оборвался, едва она успела открыть рот.

— Ни звука, или я тебя прикончу на месте! — Впрочем, этого можно было не говорить, потому что холодное дуло у виска было красноречивее любых угроз.

Незнакомец бесцеремонно оттолкнул ее от лифта и потащил в глубь гаража. На какой-то миг Нина обернулась, чтобы посмотреть, кто он

такой. Спектер. Он бесцеремонно подтолкнул ее вперед. Пришлось подчиниться. Из горла рвались рыдания, ноги не слушались, незнакомец, словно тисками, больно сжимал ей руку.

«Если он меня сейчас убьет, свидетелей не будет…»

Сердце бешено колотилось в груди, его биение гулко отдавалось в висках. Неудивительно, что Нина не услышала скрежет шин по асфальту. А вот Спектер услышал и тотчас замер на месте, больно стиснув ее руку выше локтя.

Теперь шорох шин услышала и она — чья-то машина въезжала по пандусу гаража.

С нечеловеческой силой преступник толкнул ее в сторону от прохода, к какой-то машине.

«Это мой единственный шанс спастись», — подумала Нина.

И она — была не была, все равно он ее убьет — попыталась вырваться. Где бы он ни собирался ее застрелить, будь то в темном углу или на открытом пространстве, без боя она не сдастся. И Нина принялась брыкаться, а свободной рукой даже попыталась расцарапать ему лицо.

Преступник замахнулся и четким, отработанным движением вогнал ей в подбородок кулак. Он боли у нее искры посыпались из глаз. В голове закружилось. Нина покачнулась, чувствуя, что теряет сознание. Спектер схватил ее за руку и потащил дальше. Увы, сил сопротивляться не было.

Неожиданно ей в глаза ударил яркий свет — такой яркий, что казалось, пронзил насквозь пульсирующий болью череп. Затем она услышала визг тормозов и поняла — это ей в глаза ударил свет фар.

— Не двигаться! — крикнул чей-то голос.

Сэм! Это был Сэм!

— Отпусти ее, Спектер!

В ответ на этот приказ дуло пистолета еще больнее уперлось ей в висок.

— А ты, смотрю, успел вовремя, Наварро, — процедил Спектер ледяным тоном, в котором не было и тени испуга.

— Я сказал, отпусти ее!

— Это что, приказ? Надеюсь, что нет. Потому что, учитывая, в какой ситуации находится эта дамочка, — с этими словами Спектер взял Нину за подбородок и развернул лицом к Сэму, — оскорбления в мой адрес могут ей дорого обойтись.

— Мне известно твое лицо, и не только мне одному, билетерам из театра тоже. Тебе нет резона убивать ее, этим ты ничего не добьешься.

— «Нет резона»? А ты раскинь мозгами, — произнес, не убирая пистолета от виска Нины, Спектер и слегка подтолкнул ее вперед, навстречу Сэму. — Отойди, Наварро, не загораживай мне дорогу.

— Зачем она тебе?

— А тебе зачем?

Нина заметила, как по лицу Сэма промелькнуло испуганное выражение. Сжав рукоятку пистолета обеими руками, он целился в преступника, но нажать на спусковой крючок не осмеливался, боясь промахнуться.

Она попыталась расслабиться, осесть на землю. Бесполезно, Спектер тотчас вернул ее в вертикальное положение — рывком за шею. Его рука, словно железные тиски, обхватила ей горло, и он притянул ее вплотную к себе.

— Отойди! — рявкнул Спектер.

— Она тебе не нужна!

— Отойди, кому говорят, или я прикончу ее прямо сейчас, и ее мозги разлетятся по всему гаражу.

Сэм сделал шаг назад, затем другой. Хотя его пистолет и был нацелен на преступника, толку от этой железки было мало. На какой-то миг Нина встретилась с ним взглядом и прочла в его глазах — нет, не страх и даже не панику. Она прочла в них отчаяние.

— Нина, — произнес он. — Нина…

То были последние секунды, когда она его видела, потому что в следующий миг Спектер затолкал ее в машину Сэма и, захлопнув дверь, дал задний ход. Еще мгновение, и они, визжа тормозами, уже скатывались вниз по пандусу. Нина успела заметить ряды машин, бетонные опоры, после чего они с грохотом прорвались через ворота.

Спектер тотчас развернул машину и нажал на акселератор. Взревел двигатель, и машина вылетела на дорогу.

Не успела Нина осознать, что произошло, как ей в голову вновь уперлось дуло пистолета. Она повернулась к преступнику. Лицо Спектера поразило ее своим непробиваемым спокойствием, оно напоминало маску. Это было лицо человека, понимающего, что в данный момент он хозяин положения.

— Мне нечего терять, даже если я тебя убью, — произнес он.

— Тогда почему ты еще этого не сделал? — прошептала Нина.

— У меня есть кое-какие планы. Относительно тебя тоже.

— И что это за планы?

Спектер усмехнулся:

— Скажем так, мои планы включают детектива Наварро, его оперативный взвод и большое количество динамита. Обожаю эффектные концовки. Согласись, они впечатляют, — произнес он и улыбнулся.

И в этот момент Нина поняла, кто перед ней. Вернее, что.

Чудовище, монстр, зверь.

Глава 13

Сэм со всех ног бросился вниз по гаражному пандусу. Еще немного, и он уже выбежал на улицу. Увы, у него на глазах его собственный автомобиль, за рулем которого сидел Спектер, съехал с подъездной дорожки и стрелой вылетел на шоссе.

«Я потерял ее», — подумал он, когда задние огни машины, мигая, растворились в ночной темноте.

Он выскочил на тротуар и, пробежав полквартала, остановился. Задних огней уже не было видно. Спектер скрылся.

Сэм издал яростный вопль бессилия. Ответом ему стало эхо собственного голоса. Слишком поздно. Он опоздал.

Но в следующий миг поток света заставил его обернуться — фары выезжающей из-за угла машины, которую он сразу узнал.

— Джиллис! — крикнул Сэм.

Автомобиль притормозил возле тротуара. Сэм, не раздумывая, открыл дверцу пассажирского сиденья и забрался внутрь.

— Вперед! Поехали! — рявкнул он.

Джиллис удивленно посмотрел на него:

— Что? Куда?

— Спектер увез Нину! Поехали!

Джиллис нажал на газ, и машина, скрежеща шинами, рванула вперед.

— Куда?

— Налево! Вон туда!

Джиллис свернул за угол. Автомобиль Сэма замаячил в двух кварталах впереди. Затем нырнул к перекрестку и свернул направо.

— Вон они!

— Вижу, — отозвался Джиллис и свернул следом.

По всей видимости, Спектер тоже заметил их. В следующее мгновение он прибавил скорости и рванул на красный свет. Машины на перекрестке остановились.

Маневрируя среди массы других автомобилей, Джиллис продолжал преследование. Тем временем Сэм по телефону вызвал все имеющиеся патрульные машины. С их помощью они смогут поймать Спектера.

Хорошо, что пока еще они висят у преступника на хвосте.

— Этот тип — настоящий маньяк! — пробормотал Джиллис.

— Смотри не потеряй его.

— Мы из-за него все тут убьемся! Ты только посмотри!

У них на глазах ехавший впереди Спектер свернул влево, затем резко рванул вправо, буквально в последний момент увернувшись от летевшего прямо на него грузовика.

— Не отставай! — приказал Сэм.

— Я пытаюсь! — отозвался его напарник, сворачивая влево. Впереди было слишком много машин, и пришлось развернуться.

Драгоценные секунды были потеряны. Секунды, которыми мерзавец Спектер непременно воспользуется.

Джиллис сделал еще одну попытку. На этот раз он рискнул прошмыгнуть в переулок, чтобы увернуться от мчавшегося на них минивэна.

Спектера же и след простыл.

— Где он, черт побери? — пробормотал Джиллис.

Они выехали на главную дорогу. Впереди то здесь, то там мерцали задние огни машин, однако в целом дорога была пустынной. Они покатили дальше, минуя перекресток за перекрестком, внимательно вглядываясь в переулки. И с каждым кварталом паника охватывала Сэма все сильнее.

Когда же они проехали еще полмили, Сэм был вынужден признать очевидное: Спектера они потеряли.

Он потерял Нину.

Джиллис вел машину в угрюмом молчании. Отчаяние Сэма, похоже, передалось и ему. Никто из них не проронил ни слова, но оба хорошо все понимали. Можно считать, что Нина погибла.

— Извини, Сэм, — произнес Джиллис.

Его напарник ничего не ответил, продолжая смотреть вперед. Секунда шла за секундой — время, показавшееся ему вечностью.

Отозвались патрульные машины. Нигде никаких следов разыскиваемого автомобиля. И ни малейшего следа Спектера.

Ближе к полуночи Джиллис наконец остановился у тротуара. В салоне машины повисло тягостное молчание.

— Все равно еще остается шанс, — первым заговорил Джиллис.

Сэм уронил голову в ладони. Шанс. Спектер сейчас наверняка оторвался миль на пятьдесят от них. Или, может, затаился за ближайшим углом. «Я бы все на свете отдал всего за один крошечный шанс...»

Неожиданно он приподнял голову и бросил взгляд на автомобильный телефон.

Один крошечный шанс.

Он поднял трубку и набрал номер.

— Кому ты звонишь? — спросил Джиллис.

— Спектеру.

— Кому?!

— Я набрал номер моей машины, — ответил Сэм и стал слушать гудки. Пятый. Шестой.

Спектер ответил дурацким скоморошьим фальцетом:

— Здравствуйте, вы позвонили в антитеррористический отдел полиции Портленда. Никто не сможет ответить на ваш звонок, потому что вы не положили на место ваш чертов телефон.

— Это Наварро! — прорычал Сэм.

— Привет, детектив Наварро! Как поживаете?

— С ней все в порядке?

— С кем?

— С ней все в порядке?!

— Должно быть, вы имеете в виде юную леди. Возможно, я позволю ей сказать вам пару слов.

Возникла пауза. До слуха Сэма доносились лишь какие-то сдавленные голоса, скрежет, далекий приглушенный плач. Затем в трубке прозвучал пугающе тихий голос Нины:

— Сэм!

— Ты жива, здорова?

— Нет, нет… то есть да, со мной все в порядке.

— Где ты? Куда он отвез тебя?

— Стоп! — вмешался в разговор Спектер. — Запретная тема, детектив. Боюсь, мне придется прервать телефонный звонок.

— Подожди! Подожди! — крикнул Сэм.

— Слова прощания?

— Если ты с ней что-то сделаешь, Спектер… если с ней что-нибудь случится… Богом клянусь, я убью тебя!

— Я разговариваю со слугой закона? Блюстителем порядка?

— Ты понял меня. Я убью тебя!

— Я потрясен. Я просто потрясен.

— Спектер!

В ответ прозвучал смех, негромкий, но глумливый. Затем в трубке неожиданно стало тихо.

Сэм лихорадочно набрал номер повторно. Бесполезно. Он положил трубку, посчитал про себя до десяти, затем поднял ее и снова набрал тот же номер. Прежний сигнал — номер занят. Спектер так и не положил трубку на место.

— Она все еще жива! — произнес Сэм.

— Где они сейчас?

— Она не успела мне сказать.

— Прошел час. Они могут быть где угодно в радиусе пятидесяти миль.

— Знаю. — Сэм откинулся на спинку сиденья, пытаясь рассуждать логично и спокойно. За годы службы в полиции он научился сохранять хладнокровие и быстро брать себя в руки. Но сегодня вечером он впервые почувствовал, что его парализовал страх. Нет, конечно, он отдавал себе отчет в том, что каждая секунда бездействия уменьшает шансы Нины Кормье остаться живой.

— Почему он не убил ее? — пробормотал Джиллис. — Почему она все еще жива?

Сэм в изумлении посмотрел на своего напарника. По крайней мере, из них двоих Джиллис пока еще сохраняет ясную голову. Думает. Пытается проанализировать происходящее. Пробует отыскать ответ на вопрос, который должен быть очевиден для них обоих.

— Он по какой-то причине все еще сохраняет ей жизнь, — добавил Джиллис.

— Козырная карта. Подстраховка. Гарантия вырваться живым из ловушки, в которую сам может попасть.

— Нет, он уже фактически свободен. В данный момент она для него скорее обуза, чем подстраховка. Заложники замедляют бегство. Все осложняют. Но он все еще сохраняет ей жизнь.

«Пока что сохраняет, — подумал Сэм, чувствуя, как его захлестывает волна беспомощной ярости. Я теряю ее, теряю способность ясно мыслить. Ее жизнь зависит от меня. Я не имею права подвести ее».

Он снова посмотрел на телефон, и в его сознании всплыло недавнее воспоминание. Нечто такое, что он расслышал в паузе между голосами Спектера и Нины. Какой-то далекий вой, звучавший то громче, то тише.

Сирена.

Он потянулся за телефоном и набрал номер 911.

— Оператор аварийной службы, — ответил незнакомый голос.

— Говорит детектив Сэм Наварро, полиция Портленда. Мне нужен список всех экстренных вызовов в районе Портленд, Южный Портленд.

— Какие автомобили, сэр?

— Все. Скорая помощь, пожарные машины, полицейские. Все.

После небольшой паузы на линии возник какой-то другой голос. Сэм приготовил блокнот.

— Это старший смены, детектив Наварро, — сказала незнакомая женщина. — Я проверила записи диспетчера Южного Портленда. Всего три вызова за последние двадцать минут. В одиннадцать пятьдесят пять скорую помощь отправили по адресу Грин-стрит, 2203, Портленд. В двенадцать десять полиция выехала по тревоге — ограбление на Бикфорд-стрит, 751, Южный Портленд. И в двенадцать тринадцать патрульную машину вызвали в район Мэнджой-Хилл, там кто-то нарушал общественный порядок, ночной покой граждан. Вызовов на пожар за это время не поступало.

— Спасибо, — поблагодарил Сэм. Положив трубку, он вытащил из бардачка карту города и окрестностей и быстро отыскал районы трех вызовов.

— Куда теперь? — спросил Джиллис.

— Когда я разговаривал по телефону со Спектером, то услышал звук сирены. Это значит, что где-то недалеко проезжала патрульная машина или скорая помощь. В это время по вызовам машины отправились в три места.

Джиллис посмотрел на карту и покачал головой:

— Здесь десятки городских кварталов! Огромные расстояния от точки выезда машины и до места назначения.

— Но это отправные точки.

— Искать ее здесь все равно что иголку в стоге сена.

— Нам ничего другого не остается, дружище. Давай начнем с Мэнджой-Хилл.

— Да это чистое безумие! Отдан сигнал всем постам. Твою машину ищут. Да мы замучаемся искать то место, где ты слышал сирену.

— Мэнджой-Хилл, Джиллис. Поехали!

— Слушай, ты устал. Я устал. Нам нужно вернуться в контору и ждать развития событий.

— Тогда давай я поведу машину! А ты можешь убираться куда пожелаешь!

— Сэм, ты меня слышишь?

— Да, черт тебя побери! — рявкнул Сэм, поддавшись вспышке минутной ярости. Затем со стоном уронил голову в ладони. — Это моя вина, — произнес он, слегка поостыв после небольшой паузы. — Я буду виноват, если она умрет. Они же были прямо передо мной, а я не смог ничего придумать, чтобы спасти ее.

Джиллис сочувственно хмыкнул.

— Неужели она так много для тебя значит?

— Да. И Спектер это откуда-то знает. Вот почему он пока ничего с ней не сделал. Чтобы причинить мне боль, чтобы помучить меня. Чтобы манипулировать мной. У него все козыри на руках, и он это знает. — Сэм посмотрел на напарника. — Нам нужно найти ее.

— В данный момент у него серьезные преимущества над нами. В руках у него человек, который дорог тебе. Кроме того, ты тот коп, который представляет для него особую опасность. Коп, которого можно поймать на наживку. — Джиллис посмотрел на телефон. Раздался звонок. Он взял трубку. — Джиллис слушает. — Через мгновение он положил трубку и завел машину. — Джекмен-авеню. Надеюсь, что это ошибка.

— Что там на Джекмен-авеню?

— Квартира 338 Д. Там найдено мертвое тело.

Сэм окаменел. Страх железной рукой стиснул ему горло. Ощущение было такое, будто чей-то кулак со всей силы врезал ему под дых.

— Чье тело? — еле слышно выдавил он, наконец.

— Мэрилин Дюкофф.

* * *

Продолжая работать, разматывая по полу разноцветные провода, он напевал песню «Дикси». Нине, привязанной к массивному стулу за руки и за ноги, оставалось лишь сидеть и беспомощно наблюдать за его манипуляциями. Рядом со Спектером на полу стоял ящичек с инструментами, здесь же лежал паяльник и два десятка динамитных шашек.

В стране Дикси, где морозным ранним утром я родился…

Спектер закончил прокладывать провода и занялся динамитом. Зеленой изолентой он склеил по три динамитные шашки и сложил эти связки в картонную коробку.

В стране Дикси мы живем и умираем,

Далеко-далеко на юге, в стране Дикси!

Голос Спектера гулким эхом отдавался, отлетая от дальних стен огромного, пустого склада. Кончив петь, преступник повернулся к своей жертве и отвесил шутовской поклон.

— Вы сумасшедший! — прошептала Нина.

— Что такое безумие? Кто бы сказал мне это? — произнес Спектер, склеивая изолентой последнюю тройку динамитных брусков. Затем посмотрел на готовые связки, любуясь проделанной работой. — Что вы говорите? «Не сходите с ума, успокойтесь»? Видите ли, я не безумен в любом смысле этого слова. Но я готов успокоиться.

Взяв коробку с динамитом, он направился к Нине, но споткнулся и чудом не выронил из рук коробку. Нина обомлела — коробка едва не упала на пол прямо рядом с ней.

Спектер издал испуганный вопль, однако успел вовремя подхватить падающую коробку. К великому изумлению Нины, он внезапно расхохотался.

— Старая штука, — прокомментировал Спектер, — но всегда вызывает определенную реакцию публики.

Этот тип действительно ненормальный, подумала Нина, чувствуя, как бешено стучит ее сердце. Держа коробку с динамитом, Спектер принялся расхаживать по складу, раскладывая через равные интервалы по всему периметру помещения связки динамита.

— Честно говоря, мне стыдно, — признался Спектер, — тратить такое количество взрывчатки всего на одно здание, но уж очень хочется произвести хорошее впечатление. Незабываемое впечатление. Кроме того, меня уже достал Сэм Наварро и девять его жизней. Этот фейерверк разом лишит его всех, прожитых и непрожитых.

— Вы заманиваете его в ловушку?

— Вы умница, юная леди.

— Почему? Почему вы хотите убить его?

— Потому.

— Он всего лишь полицейский, который делает свое дело.

— Всего лишь полицейский? — Спектер резко повернулся к ней. Выражение его лица было невозможно разглядеть, поскольку он оставался в тени. — Наварро не просто полицейский. Он представляет собой вызов. Он — моя Немезида. Это же надо, после моих успехов в больших городах вроде Бостона или Майами я нашел себе достойного противника в каком-то паршивом крошечном городишке. Даже не в Портленде, штат Орегон, а в Портленде, штат Мэн. — Спектер презрительно усмехнулся. — Все закончится здесь, на этом складе. Наш поединок, поединок между мной и Сэмом Наварро.

Держа в руке последнюю связку динамита, Спектер подошел к Нине и опустился на колени возле стула, к которому была привязана его жертва.

— Я припас последний фейерверк для вас, мисс Кормье, — сообщил террорист и приклеил изолентой связку динамита к ножке стула. — Вы ничего не почувствуете, — заверил он ее. — Все произойдет очень быстро, вы тут же ощутите, что у вас выросли ангельские крылья. И у Наварро тоже. Если у него вообще есть крылья.

— Наварро не дурак. Он поймет, что вы приготовили ловушку.

Спектер принялся растягивать все новые и новые ярды разноцветных проводов.

— Да, ему станет понятно, что это не обычная бомба. Эти провода будут натянуты для того, чтобы сбить его с толку. Схема, которая не имеет смысла... — Спектер дернул сначала за белый провод, затем за красный и при помощи паяльника соединил их. — А время уходит. Минута за минутой, потом счет пойдет на секунды. Который из проводов ведет к детонатору? Какой именно провод нужно перерезать? Перережешь неправильный, и все взлетит к чертовой матери. Склад и вы, милочка. И он, если у него хватит нервов, чтобы досмотреть этот спектакль до конца. Это безнадежная дилемма, знаете ли. Он останется с вами, чтобы обезвредить бомбу, и погибнет вместе с вами. Или же струсит и убежит, и тогда погибнете вы, оставив его терзаться вечным чувством вины. В любом случае Сэм Наварро будет страдать. А в выигрыше останусь я.

— Вы не выиграете.

— Только, пожалуйста, без этого. Избавьте меня от вашего морализаторства. Мне надо дело делать. Времени осталось в обрез. — Спектер протянул провода к другим динамитным связкам, переплетая провода разных цветов, сращивая их концы с капсюль-детонаторами.

«Времени у меня в обрез», — сказал он. О каком времени он говорит, сколько его останется?

Нина посмотрела на валявшиеся на полу предметы. Цифровой таймер. Радиопередатчик. Бомба должна быть с часовым механизмом, поняла она. Отсчет времени пойдет после того, как ее мучитель включит

радиопередатчик. Приведя в действие заряд, Спектер благополучно покинет склад. Когда бомба взорвется, он будет уже далеко от этого места.

«Не надо приходить сюда, Сэм, — подумала она. — Прошу тебя, только не приходи сюда! Останься в живых!»

Спектер встал и посмотрел на часы.

— Еще час, и я буду готов сделать звонок. — Он бросил взгляд на Нину и улыбнулся. — Три часа утра, мисс Кормье. Неплохое время уйти в мир иной, не кажется ли вам?

Женщина была обнаженной по пояс и лежала на голом деревянном полу. Ее убили выстрелом в голову.

— Сообщение поступило в десять сорок пять, — доложил Йетс. — Жилец из нижней квартиры заметил, что с потолка капает кровь, и позвонил домовладелице. Та открыла дверь и вызвала полицию. Мы нашли в бумажнике жертвы ее документы. Вот поэтому и позвонили вам.

— Есть свидетели? Кто-нибудь что-нибудь видел? Или слышал? — спросил Джиллис.

— Нет. Убийца, должно быть, стрелял из пистолета с глушителем. Затем незаметно выскользнул из квартиры.

Сэм обвел взглядом скудно обставленную комнату: голые стены, полупустые шкафы, на полу коробки с вещами. Судя по всему, Мэрилин Дюкофф еще не успела толком вселиться в квартиру.

Йетс подтвердил это предположение:

— Она въехала сюда за день до этого, под именем Мэрилин Браун. Заплатила наличными залог за первый месяц. Это все, что смогла рассказать мне домовладелица.

— К ней кто-нибудь приходил? — спросил Джиллис.

— Сосед вчера слышал мужской голос, но никого не видел.

— Спектер, — произнес Сэм и снова посмотрел на мертвое тело. Эксперты-криминалисты уже прочесывали комнату, посыпая вещи порошком для снятия отпечатков пальцев, занимаясь поиском улик. Они ничего не найдут, Сэм знал это наверняка. Спектер позаботился об этом, он, как обычно, действовал чрезвычайно аккуратно.

Оставаться здесь нет смысла. Лучше заняться поиском того места, где они могли слышать звук сирены. Он направился к двери, но остановился, услышав, как один из детективов произнес:

— В бумажнике ничего нет. Ключи, несколько счетов…

— Каких счетов? — тотчас переспросил Сэм.

— За электричество, за телефон, за воду. Видимо, еще за старую квартиру. На фамилию Дюкофф. Отправлено на абонентский ящик.

— Дай посмотреть счета за телефон.

Едва бросив взгляд на квитанцию, Сэм с трудом удержался от раздраженного возгласа. Это были два длинных листа с перечислением междугородних звонков, в основном номера в Бангоре, правда, имелось несколько во Флориде и в Массачусетсе. Чтобы проверить все эти номера, потребуется не один час. Вполне возможно, что поиски ни к чему не приведут, это могут быть номера друзей или родственников Мэрилин Дюкофф.

Неожиданно его внимание привлек один номер в самом низу листа. Звонок, который оплачивался абонентом — тем, кому звонили. Звонили десять дней назад из Южного Портленда в десять тридцать семь вечера. Кто-то позвонил, и Мэрилин Дюкофф согласилась оплатить телефонный разговор.

— В этом что-то есть, — заметил Сэм. — Нужно установить, откуда сделан этот звонок.

— Мы можем связаться с оператором прямо из машины, — предложил Джиллис. — Но я не знаю, куда это может завести тебя.

— Это интуиция, — признался Сэм. — Я чувствую, что это правильный путь.

Они сели в машину Джиллиса, и Сэм позвонил дежурному справочного стола. После проверки по компьютеру ему сообщили, что звонок был сделан из телефона-автомата.

— Он находится на углу улиц Кэлдервуд и Хардвик, Южный Портленд.

— Это там, где на углу автозаправка? — спросил Сэм. — Я, кажется, помню это место.

— Может быть, детектив. Не могу сказать с уверенностью.

Сэм положил трубку, взял карту Южного Портленда и, пробежав ее глазами, показал напарнику место, где располагался телефон-автомат.

— Вот здесь! — сказал он.

— Здесь же рядом какая-то промзона.

— Именно, что делает телефонный звонок в десять семнадцать вечера еще более любопытным.

— Ей мог позвонить любой. Кто-то из друзей или родственников. Откуда нам знать...

— Это был Спектер! — уверенно заявил Сэм и неожиданно дернул головой. — Едем в Южный Портленд! Едем!

— Что?

Сэм сунул карту прямо под нос Джиллису:

— Вот Бикфорд-стрит. Патрульная машина получила вызов в это место в двенадцать десять. А вот Кэлдервуд и Хардвик. Машина должна была проехать именно здесь.

— Думаешь, Спектер прячется где-то там?

— Уверен! — Сэм провел пальцем по карте, очертив круг радиусом в три квартала на пересечении улиц Кэлдервуд и Хардвик. — Он здесь. Должен быть здесь!

Джиллис завел машину.

— Я думаю, что наша иголка в стоге сена стала, черт побери, еще меньше, чем прежде.

Через двадцать минут они уже были на углу улиц Кэлдервуд и Хардвик. Там действительно находилась автозаправка, правда, она была закрыта. Возле чахлой рощицы на обочине дороги установлен плакат с надписью «Продается». Приглушив мотор, Наварро и Джиллис сидели какое-то время молча, изучая окружающее пространство. Дорога была пуста.

Затем Джиллис свернул на Хардвик-стрит. Местность была в основном нежилая. Автомобильные стоянки. Магазин, торгующий товарами для лодочного спорта. Оптовая торговля пиломатериалами. Мастерская по изготовлению мебели. Все закрыто на ночь. Автостоянки пусты. В домах темно. Они свернули на Кэлдервуд-стрит.

Они проехали еще несколько сотен ярдов, и тут Сэм заметил свет. Слабый, желтоватый свет, сочившийся из небольшого окна, единственного окна во всем здании. Подъехав ближе, Джиллис выключил фары. Они остановились в квартале от здания.

— Это старый склад Стимсона, — сообщил Сэм.

— На стоянке пусто, — заметил Джиллис. — Похоже, что в здании никого нет.

— Разве консервный завод Стимсона не закрылся в прошлом году?

Сэм уже вылезал из машины.

— Слушай! Может, стоит вызвать подкрепление? — прошептал Джиллис.

— Вызывай. Я пока тут все осмотрю.

— Сэм! — прошипел Джиллис. — Сэм!

Чувствуя, как в крови закипает адреналин, Сэм пропустил мимо ушей предостережение напарника и решительно зашагал к зданию склада. Темнота служила ему надежным прикрытием. Кто бы ни находился на складе, он не заметит его появления. Сквозь щели металлических ворот пробивались лучи света — вертикальные желтоватые полоски. Он обошел здание вокруг, но не обнаружил на первом этаже ни окон, ни каких-то других отверстий, в которые можно было бы заглянуть. Были лишь две двери — основная и задняя. Обе оказались заперты.

Перед основной дверью он встретился с Джиллисом.

— Подмога уже в пути, — сообщил тот.

— Нужно проникнуть внутрь.

— Мы не знаем, что нас там ждет... — Джиллис не договорил и неожиданно повернул голову к машине. Звонил телефон.

Оба бросились к нему, чтобы ответить.

Сэм первым схватил трубку:

— Наварро слушает!

— Детектив Наварро, — раздался голос оператора полицейского участка. — Мы получили адресованный вам звонок. Звонивший сказал, что это очень срочно. Соединяю вас.

Возникла пауза, затем последовало несколько щелчков и прозвучал мужской голос:

— Я рад, что дозвонился до вас, детектив. Телефон вашей машины — единственное, чем я мог воспользоваться.

— Спектер?

— Хочу сделать вам личное приглашение, детектив. Вам и только вам. Это будет встреча кое с кем, кто в данную минуту находится рядом со мной.

— С ней все в порядке?

— С ней все нормально. Лучше быть не может. — Спектер секунду помолчал, затем добавил с легкой ноткой угрозы: — То есть пока что нормально.

— Что тебе нужно от меня?

— Абсолютно ничего. Мне бы хотелось передать вам с рук на руки мисс Кормье. Она становится обузой для меня. Мне пора перебраться в другое место.

— Где она? Говори!

— Я дам подсказку. Селедка.

— Что?!

— Может, имя Стимсон что-нибудь вам подскажет? Можете проверить по этому адресу. Извините, но меня там не будет, и я не смогу поприветствовать вас. Поверьте, я действительно спешу.

Спектер положил трубку и улыбнулся Нине:

— Мне пора. Пришло время покинуть вас, леди. Ваш возлюбленный будет здесь с минуты на минуту. — Он поднял с пола ящик с инструментами и поставил его в машину, которую закатил на склад, чтобы никто не мог ее увидеть снаружи.

«Он уходит, — подумала Нина. — Оставляет меня в качестве приманки в западне».

На складе было холодно. Тем временем Спектер взял в руки радиопередатчик. Нина моментально почувствовала, как по виску у нее

поползли капельки пота. Сейчас он щелкнет выключателем на этом устройстве, и начнется отсчет секунд, после чего прогремит взрыв.

Это произойдет через десять минут.

Сердце болезненно сжалось, когда она увидела, как рука Спектера тянется к выключателю. Злодей неожиданно улыбнулся.

— Не сейчас, — пояснил он. — Я не хочу, чтобы бомба взорвалась раньше положенного времени.

С этими словами он развернулся и направился к выходу. Дойдя до входной двери, преступник остановился и вскинул руку в последнем прощании:

— Попрощайтесь за меня с Сэмом Наварро. Скажите, что мне было очень жалко пропустить такой грандиозный взрыв.

Он повернул ручку массивной двери, и та со скрежетом поднялась вверх. Неожиданно Спектер застыл на месте. Прямо перед ним вспыхнули фары автомобиля.

— Стоять, Спектер! — раздался откуда-то из темноты требовательный голос. — Руки вверх!

«Сэм, — подумала Нина. — Он нашел меня...»

— Руки вверх! — рявкнул Сэм. — Быстро!

Спектер, чей силуэт отчетливо вырисовывался в свете фар, как будто несколько секунд пребывал в растерянности. Затем медленно поднял руки.

Вместе с радиопередатчиком.

— Сэм! — крикнула Нина. — Здесь бомба! У него радиопередатчик!

— Положи его! — скомандовал Сэм. — Положи его на пол, или я стреляю!

— Конечно, конечно, — покорно ответил Спектер. Он медленно пригнулся и опустил радиопередатчик на пол. Однако при этом он успел прикоснуться к кнопке. Раздался громкий щелчок, гулким эхом отдавшийся в пустом помещении склада.

«О боже, он привел в действие бомбу!» — подумала Нина.

— Тебе лучше бежать, — посоветовал Спектер и метнулся в сторону рядов пустых ящиков.

Впрочем, проворства ему не хватило. В следующую секунду Сэм дважды выстрелил. Обе пули попали в цель.

Спектер споткнулся, упал на колени и попытался ползти вперед. Однако конечности не слушались его, как будто он был сильно пьян. В эти мгновения он напоминал пловца, выбирающегося на берег. Из горла преступника вырвались какие-то клокочущие звуки, очевидно проклятия, сопровождавшие его последние вдохи.

— Умираю… — прохрипел Спектер и как будто рассмеялся в последний раз. — Вы все умрете!..

Сэм перешагнул через неподвижное тело террориста и бросился к Нине.

— Стой! — крикнула она. — Оставайся на месте!

Он остановился и удивленно посмотрел на нее:

— Что такое?

— Он присоединил бомбу к моему стулу, — заплакала Нина. — Если ты попытаешься обрезать провод, мы взлетим на воздух!

Взгляд Сэма моментально упал на провод, тянувшийся к стене склада. Ага, вот и первая связка динамита.

— Этот мерзавец разместил по всему зданию восемнадцать шашек взрывчатки, — пояснила Нина. — Три штуки положил под мой стул. Бомба сработает через десять минут. Уже даже меньше чем через десять.

Их взгляды встретились. От нее не укрылось выражение панического ужаса в его глазах. Впрочем, Сэм мгновенно подавил в себе страх. Он шагнул к ней и опустился на колени возле стула.

— Я тебя сейчас заберу отсюда, — пообещал он.

— Времени не хватит!

— Десяти минут не хватит? — усмехнулся он. — Да это вагон времени. — Сэм осторожно пошарил под стулом. Он ничего не сказал, но, когда поднялся, выражение его лица было абсолютно серьезным. — Джиллис, давай сюда! — позвал он напарника.

— Я здесь, — ответил Джиллис, осторожно перешагивая через провода. — Я прихватил ящик с инструментами. Что тут у нас?

— Три шашки динамита и цифровой таймер. — Сэм бережно взял в руки ощетинившийся проводами таймер и аккуратно положил его на пол. — Похоже на обычную последовательно-параллельную схему. Мне нужно время, чтобы разобраться в ней.

— Сколько времени у нас в запасе?

— Восемь минут сорок пять секунд.

Джиллис выругался.

— Не хватит времени, чтобы вызвать спецмашину!

Неожиданно ночную тишину прорезал вой полицейской сирены.

К входной двери подкатили две патрульные машины.

— Помощь прибыла, — сказал Джиллис и, бросившись к выходу, махнул рукой полицейским. — Оставайтесь на месте! — крикнул он. — Здесь бомба! Установите оцепление! Прямо сейчас! Вызывайте скорую!

«Мне не понадобится скорая помощь, — подумала Нина. — Если бомба взорвется, то от нас ничего не останется. Даже собирать будет нечего».

Она велела себе успокоиться. Но как унять бешеное сердцебиение? Ей хотелось взять себя в руки, чтобы не разрыдаться в истерическом припадке, но от страха перехватило дыхание. Похоже, это конец и ей не спастись. Она крепко связана по рукам и ногам. Даже если ей каким-то чудом удастся вскочить со стула, сработает взрывное устройство.

Все зависит только от Сэма.

Глава 14

Крепко стиснув зубы, Сэм Наварро изучал переплетение проводов и схему. Черт, как же здесь все запутано! Только чтобы разобраться в чертовых проводах, потребуется не менее часа, а в его распоряжении остались считаные минуты. Хотя он не произнес ни слова, Нине было видно его хмурое лицо и капли пота на лбу.

К нему снова подошел Джиллис:

— Я проверил периметр. Спектер установил в здании не менее пятнадцати динамитных шашек. Никаких взрывателей я не обнаружил. Главная штука, «мозг» этого устройства — у тебя в руках.

— Кажется, я понял, — пробормотал Сэм, продолжая разглядывать схему. — Он хотел, чтобы я перерезал этот провод.

— Может, это двойная уловка? Спектер знал, что мы заподозрим подвох. Может, он все специально упростил, чтобы сразу взорвать нас?

— Похоже, что главный запал — вот здесь. Но вон там он намертво припаял колпачок. Внутрь он мог поместить совершенно другой выключатель. Магнитный язычок реле, например. Стоит сорвать колпачок, как прогремит взрыв.

Джиллис посмотрел на цифровой таймер:

— Осталось пять минут.

— Знаю. — Голос Сэма неожиданно охрип от напряжения, однако руки оставались тверды. Он продолжил изучать схемы. Стоит потянуть не за тот провод, и они втроем тут же взлетят на воздух.

Снаружи взвыла и смолкла сирена. До слуха Нины доносились встревоженные голоса. Однако внутри склада было тихо. Сэм вздохнул и посмотрел на Нину:

— Как ты? Нормально?

Она ответила коротким кивком. Впрочем, на его собственном лице читалась паника. Он не сможет вовремя обезвредить бомбу, и отлично это понимает.

Именно на это Спектер и рассчитывал. Возникнет безвыходная дилемма. Роковой выбор. Какой провод перерезать? Сколько? Один? Все? Ничего не трогать? Неужели он рискует собственной жизнью? Или же примет самое разумное в этой ситуации решение: покинет здание… и ее?

Нина знала, какой выбор он сделает. Она видела его в глазах Сэма. Они погибнут вместе.

— Две с половиной минуты, — сообщил Джиллис.

— Давай топай отсюда! — приказал Сэм.

— Тебе понадобится пара надежных рук.

— Твоим детишкам нужен отец. Убирайся к черту!

Джиллис даже не шелохнулся.

Сэм взял в руки кусачки и обрезал белый провод.

— Ты действуешь наугад, Сэм. Ты не знаешь, что именно нужно делать.

— Инстинкт, дружище. А, как тебе известно, инстинкт меня еще ни разу не подводил. Тебе же лучше уйти. Остается две минуты. Все равно от тебя никакой пользы.

Джиллис встал, но, раздираемый противоречивыми чувствами, на мгновение замешкался.

— Сэм!..

— Ступай! Пошевеливайся!

— У меня припрятана для тебя бутылка скотча. Она ждет тебя, приятель, — тихо произнес Джиллис.

— Сам ее и прикончишь. Уходи отсюда.

Джиллис молча вышел из склада.

Внутри оставались только Нина и Сэм. «Ему не нужно здесь быть, — подумала она. — Ему незачем умирать».

— Сэм, — прошептала она.

Похоже, он не слышал ее, сосредоточив внимание на плате со схемой. Рука с кусачками застыла в воздухе, готовясь сделать выбор между жизнью и смертью.

— Уходи, Сэм! — взмолилась она.

— Это моя работа, Нина.

— Твоя работа не требует от тебя умирать!

— Мы не умрем.

— Ты прав. Мы не умрем. Ты не умрешь. Если ты сейчас уйдешь, то...

— Я никуда не уйду, слышишь? Я никуда не уйду. — Их взгляды встретились. Она поймала на себе его спокойный взгляд, взгляд человека, принявшего твердое решение. Он сделал окончательный выбор — жизнь или смерть вместе с ней. На нее сейчас смотрел не полицейский, а мужчина, который любит ее. Мужчина, которого любит она.

Нина почувствовала, как что-то горячее обожгло ей щеку — слезы. Только сейчас ей стало ясно, что она плачет.

— Остается минута. Мне нужно угадать правильный провод, — пояснил Сэм. — Если я окажусь прав, то ничего не случится. Если ошибусь… — Он сделал глубокий вдох. — Мы очень скоро это узнаем. — Он поднес кусачки к белому проводу. — Что же, попробую этот.

— Постой.

— В чем дело?

— Когда Спектер все это соединил, он припаял белый провод к красному, затем обмотал зеленой изолентой. Это может иметь какое-то значение?

Сэм по-прежнему не сводил глаз с провода, который собрался перекусить.

— Может, — негромко ответил он. — Еще какое. Чертовски огромное.

— Сэм! — крикнул Джиллис в мегафон. — Осталось десять секунд.

«Десять секунд, чтобы убежать».

Сэм даже не пошевелился. Он поднес кусачки к черному проводу, приготовился перекусить его, но замер и посмотрел на Нину.

Они смотрели друг на друга в последний раз.

— Я люблю тебя, — произнес он.

— Я тоже тебя люблю, — ответила она, чувствуя, как по лицу катятся слезы. Они все так же не сводили друг с друга взгляда, когда он медленно сомкнул лезвия кусачек.

Провод разошелся на две половинки.

На какое-то мгновение они оба застыли в неподвижности. Их как будто парализовало ожидание неминуемой смерти.

Снаружи снова донесся крик Джиллиса:

— Сэм! Время истекло. Сэм!

Сэм торопливо принялся разрезать путы, связывавшие руки и ноги Нины. От долгого сидения конечности онемели, и встать она не смогла. Впрочем, в этом не было необходимости. Сэм подхватил ее на руки и вынес из склада в темноту ночи.

Снаружи оказалось светло от фар и огней патрульных и пожарных машин, карет скорой помощи. Сэм вынес ее за желтую ленту оцепления и поставил на ноги.

Их тут же взяла в плотное кольцо толпа официальных лиц, среди которых были Куперсмит и Лиддел. Все хотели знать, в каком состоянии бомба. Сэм ни на кого не обращал внимания. Он просто стоял, обнимая Нину и защищая ее от хаоса.

— Отойдите! — крикнул Джиллис, отгоняя толпу. — Дайте им воздуха! — Он повернулся к Сэму: — Как там бомба?

— Я обезвредил ее, — ответил Наварро. — Будь осторожен. Спектер мог оставить нам какой-нибудь сюрприз.

— Я позабочусь об этом, — пообещал Джиллис и направился к складу. Неожиданно он остановился. — Эй, Сэм!

— Что?

— Я бы сказал, что ты заслужил законный отдых, — улыбнулся его напарник и зашагал дальше.

Нина посмотрела на Сэма. Хотя опасность миновала, она все еще слышала, как гулко стучит его сердце, ощущала свое собственное бешеное сердцебиение.

— Ты не бросил меня, — прошептала она, ощутив, как по ее щеке скользнула новая слеза. — Ты мог бы…

— Ни черта я не мог бы.

— Я же сказала тебе, чтобы ты уходил. Я хотела, чтобы ты ушел.

— А я хотел остаться. — Он взял ее лицо в руки. — Я хотел бы всегда быть рядом с тобой, Нина. Только с тобой.

Она понимала, что в эти секунды на них смотрят десятки чужих глаз. Уже прибыли репортеры, лихорадочно щелкая затворами фотоаппаратов и сверкая вспышками. Ночь ожила множеством голосов. Но в этот момент, когда Сэм обнимал и целовал ее, для нее на свете не существовало никого, кроме него.

Когда начало светать, они все еще продолжали стоять в обнимку.

Эпилог

Свадьба была в самом разгаре.

Под аккомпанемент прекрасной ирландской мелодии, под нежные звуки флейты и арфы Нина под руку с отцом вышла на лесную поляну. Здесь, под пологом изумительно красивой осенней листвы, стоял Сэм. Она знала, что именно в этом месте он будет ждать ее.

Он улыбался, немного нервно и смущенно, словно новичок полицейский на первом дежурстве. Рядом с ним стоял его шафер, Джиллис, и преподобный Салливан. Оба светились радостью. Под деревом собрались друзья и родственники. Венди с мужем. Коллеги Нины из больницы. Эйб Куперсмит. Среди приглашенных была и Лидия. Мать Нины явно примирилась с тем, что ее дочь выходит замуж за простого полицейского.

Есть в мире нечто такое, что нельзя изменить, подумала Нина. Она это поняла. Возможно, когда-нибудь и ее мать научится принимать жизнь такой, какая она есть.

Музыка смолкла. На землю медленно лился дождь опадающих листьев, желтых, оранжевых, багряных. Сэм шагнул к ней. Его улыбка сказала Нине все, что ей нужно было знать. Все правильно, так и должно было случиться.

Она взяла его за руку.

Примечания

1

Спейд Сэм — частный сыщик, герой рассказов и романа «Мальтийский сокол» (1930) американского писателя Дэшиэла Хэммета (1894–1961), по мотивам которых в США был снят ряд фильмов. (Примеч. пер.)

(обратно)

Оглавление